

Конец Анархизма?

Луиджи Галлеани

1925

Оглавление

Фрагмент из жизни Луиджи Галлеани.	3
Несколько слов...	10
Введение	14
Глава 1. Интервью с Мерлино.	22
Глава 2. Анархизм Мерлино	29
Глава 3. Характерные черты Анархизма	34
Глава 4. Социалистический Коллективизм и Анархистский Коммунизм	43
Глава 5. Анархистский коммунизм и индивидуализм	61
Глава 6. Организация рабочих	75
Глава 7. Пропаганда Действием	80
Глава 8. Анархия будет!	96
Рецензия на книгу Луиджи Галлеани «Конец Анархизма»	105

Фрагмент из жизни Луиджи Галлеани.

Если Анархистское движение существует сегодня среди итальянских иммигрантов и, если такое движение практически не подверглось дезертирству из своих рядов вследствие Большевицской инкарнации Социализма, то это произошло в значительной степени благодаря учению и примеру Луиджи Галлеани.

Другие и самые главные итальянские апостолы Анархизма, бывшие в этой стране, США: пионер Ф. С. Мерлино, поэт Пьетро Гори, Эррико Малатеста, Джузеппе Чинкабилля, – все они впечатляющие личности с ясными умами и чистой совестью. Но их деятельность здесь, какой бы жаркой она ни была, была более или менее короткой. Напротив, деятельность Галлеани растянулась на почти двадцать лет и была отмечена непрерывным прогрессом не только его ума, но и революционного движения.

Когда он высадился на этих берегах осенью 1901 года, вскоре после расправы Чолгоша над президентом МакКинли, Луиджи Галлеани был в самом расцвете своих сил. Десять из сорока своих лет жизни он постоянно проводил в тюрьме, в ссылке или изгнании. Его ум созрел благодаря тщательному образованию, напряженным размышлениям и личному опыту. Его совесть была чиста от оппортунистической путаницы. Его убеждения были глубоко укоренены в нем самом. Гонения закалили его, избавив от страха и искушений. Он выбрал свое место в жизни, и ничто не могло отвлечь его от цели. В 1898 году он был заключен в тюрьму на острове Пантеллерия, когда политики-социалисты, которые строили козни всеми видами реакционных инструментов, задумали подчинить анархистов своей парламентской политике. После этого все Итальянские Анархисты были либо заточены на островах, либо сосланы. Если бы они согласились дать свои имена для участия в политической кампании и если бы их избрали, что было практически невозможно, то во многих случаях они были бы автоматически освобождены. Галлеани ответил на маневр социалистов за всех своих товарищей по несчастью, заявив, что тюрьмы, цепи и преследования не ослабили их веру и что, как бы больно им ни было быть оторванными от живого мира, они предпочли бы остаться и умереть, если понадобится, на Средиземноморских скалах, а не отдавать свои имена в избирательный цирк, который они презирают, и преклоняться перед флагом, который им не принадлежит. «Manet Immota Fides», «Вера остается неизменной» – написал он тогда на своем флаге, и его вера осталась абсолютно неизменной до самой его смерти.

Конечно, хотя они были абсолютно правдивы, когда говорили, что ничто в мире не сможет убедить их отречься от своих Анархистских убеждений или смягчить их, ни Галлеани, ни его товарищи не ожидали, что погибнут на средиземноморских скалах. Эррико Малатеста сбежал с острова Устика за несколько месяцев до этого, Галлеани – с острова Пантеллерия несколькими месяцами позже, и все они были освобождены после расправы Бреши¹ над королем Умберта в 1900 году.

После побега из Пантеллерии Галлеани провел некоторое время в Египте, а затем, через Лондон, попал в Америку.

¹ Гаэтано Бреши – итальянский анархист, первый европейский царевубийца, который не был казнен по решению суда. «Я не убивал Умберто. Я убил короля. Я убил принцип» – его знаменитая фраза

Глубокое знание анархистской философии, двадцатилетний опыт работы на фронте социальной войны, твердая уверенность в том, что социальная революция – это одновременно и то, чего хочет народ, и то, что он должен иметь, чтобы человеческий прогресс продолжался и цивилизация выжила, мощный ум, благородный характер, который ничего не боялся и презирал любые компромиссы, виртуозное перо с оттенком классицизма, врожденный и тщательно культивируемый ораторский талант, сделавший его непревзойденным трибуном народа, – таково было его оружие, когда он окунулся в водоворот американской жизни вслед за плутократическим империализмом, насаждавшимся старшим рузвельтовским ветреником.

Галлеани не был ассимилирован американской средой. Его возраст был слишком преклонным, чтобы он мог овладеть английским языком в свое удовольствие. Да и невозможно достучаться до людей, чей язык ты не знаешь в совершенстве. Кроме того, он был слишком большим художником, слишком скрупулезным мыслителем, чтобы позволить себе выразить свои мысли менее чем мастерски. По этой причине его появление на американской сцене остается практически неизвестным для всех, кроме итало-американского сообщества и местных полицейских архивов.

Но даже если он не был поглощен американской средой, он, несомненно, хорошо понимал, как она устроена. Держась в стороне от правящих клик и от тех, кто стремился к власти, он мог видеть американскую панораму – ее прошлое, ее настоящее, ее тенденции, с точки зрения обездоленного – и, соответственно, разрабатывать свою политику, свою доктрину и отношение к ней в состоянии абсолютной независимости.

Первую остановку он сделал в Патерсоне, штат Нью-Джерси, который в то время был на пике своего развития как «очаг» анархизма. Здесь он стал редактором еженедельной газеты под названием *La Questione Sociale*. Когда разразилась знаменитая забастовка текстильщиков 1902 года, у Галлеани появилась первая возможность проявить себя как агитатора и борца. В нем не было ничего половинчатого. Если его письменное слово могло показаться пламенным для царедворцев, то его устное слово звучало как гимн воскрешения для голодных забастовщиков. А его действия оправдывали и то, и другое. Он не был организатором. Он призывал рабочих к действию за их хлеб, за их свободу – а не ради своей личной выгоды. Когда борьба разгоралась, он просил рабочих продолжать ее, полагаться на себя, на свои объединенные усилия, чтобы заставить врага подчиниться. Он не просил их доверять свои беды его способностям как исправителя или спасителя. Для себя он не просил ни положения, ни денег, ни даже признания своей философии – только просил позволить ему сражаться рядом с ними ради торжества их дела.

Такой тип лидерства не привычен для профессиональных организаторов труда, которые склонны снисходительно подходить к забастовщикам с более или менее молчаливым пониманием того, что они должны организоваться под их знаменами и дать им должность их оплачиваемого лидера. Если эти организаторы и выходят на пикеты, то делают это в рекламных целях и только при условии, что их сопровождает тщательно продуманная атрибутика: громкие барабаны, фотографии на катушках, репортеры, защитники и другие подобные аккомпанементы. Галлеани был тем самым лидером, который отличает крестоносца и пугает соискателей работы.

18 июня, ведя забастовщиков, они вступили в бой с вооруженными полицейскими. Они мужественно сражались. Галлеани едва удалось спастись, получив рассечение на лбу и пулю в верхнюю губу. Полиция Патерсона была в бешенстве, пытаясь схватить его. Но ему удалось бежать и укрыться в Канаде, откуда в следующем году он под чужим именем приехал в Барре, штат Вермонт. Там он основал еженедельную анархистскую пропагандистскую газету *Cronaca Sovversiva*, которая позже была перемещена в Линн, штат Массачусетс. Его личность была публично раскрыта политиком-социалистом Дж. М. Серрати, сменившим Муссолини на посту редактора официального органа итальянской революции 1919 года. 30 декабря 1906 года Луиджи Галлеани был арестован в Барре, штат Вермонт, экстрадирован в Нью-Джерси и через несколько месяцев предстал перед судом в Патерсоне за свое участие в забастовке 1902 года. Впоследствии его дело было прекращено из-за разногласий присяжных.

С 1903 по 1918 год Галлеани редактировал *Cronaca Sovversiva*, газету, которая была постоянным источником информации, энтузиазма, смелости и дискуссий. В нее Галлеани вложил свои обширные знания и редкие способности. Он сделал ее зеркалом своей души, которая сама была зеркалом мук, терзаний и надежд обездоленных. В течение пятнадцати лет эта газета имела неоспоримое влияние не только на анархистское движение, но и на все революционное движение итальянского сообщества в Америке. Она вдохновляла движение, которое, вероятно, было не очень многочисленным, но в высшей степени отборным. Его члены имели четкое представление о том, каким должен быть анархизм, что он должен делать, и старались действовать в соответствии с этим. Они не тратили время на погоню за неуловимыми химерами текущих достижений в любой области. Они представляли себе анархизм как боевую борьбу за ликвидацию современного угнетения и эксплуатации – помимо их личной сиюминутной потребности в приобретении знаний. Они не хотели тратить время на завоевание или создание рабочих организаций только для того, чтобы быть аннигилированными ими. Вместо этого они стремились всегда быть на первых ролях в повседневной борьбе за защиту свободы и социальной справедливости. Новый мир мог возникнуть только в результате полного разрушения старых учреждений, основанных на привилегиях и принуждении.

Сам Галлеани подавал пример на словах и на деле. Его конечной целью был анархический коммунизм, более или менее соответствующий философии Кропоткина. Однако он знал, что прежде, чем конечная цель будет реализована, необходимо многое сделать, чтобы проложить путь к ней. Поэтому он больше настаивал на делах общественного устройства, которого очень страстно желал, но вряд ли мог надеяться, что приложит руку к его формированию. «Наши потомки позаботятся об этом», – говорил он. «Наша задача – завещать им среду, как можно более свободную от помех частной собственности и политической власти. Свободное строительство невозможно, если ему не предшествует основательное разрушение».

Он несколько раз объехал страну от океана до океана, щедро распространяя доброе семя бунта и анархизма и оставляя после себя глубокое пробуждение сочувствия, солидарности и энтузиазма в отношении дела освобождения труда. Опять же, никакой формальной организации. Со всех сторон люди делали все возможное, чтобы создать новые порядки и новые тяготы для угнетенных толп в дополнение к старым.

Но не он. Его цель – пробудить независимые умы, сформировать твердые характеры, дать сознание суровым волям. Ему не нужна была формальная приверженность ни его личности, ни бумаге, ни даже идеям. Он чувствовал, что движению нужны прежде всего мужчины и женщины с твердыми убеждениями, глубоко убежденные в правильности анархистского идеала, в том, что его газета дает подлинную интерпретацию этого идеала. Он пытался сформировать такие характеры и сознание, уверяя, что, если бы ему это удалось, то с ним или без него анархистское движение получило бы новые реальные силы, более прочное положение в обществе, чем могла бы дать любая прежняя организация. Как только анархисты появились кооперация между ними стало естественным и неизбежным следствием. Дела такой кооперации будут почти механически вытекать из общего побуждения всех и каждого к действию.

Вот вкратце концепция Галлеани об анархизме как действующей силе. Движение высокосоциальных личностей, точно знающих, чего они хотят и как этого добиться, каждый всегда при своем мнении, привязанных к общим действиям единством цели, сотрудничающих из спонтанного порыва и глубокого убеждения, что они действуют на благо общего дела, а не ради какой-либо дисциплины – если бы это вообще называлось классовой дисциплиной. То, что такая концепция соответствовала анархистской философии, очевидно. То, что она должна была дать хорошие результаты на практике, было доказано, когда меняющиеся обстоятельства американской сцены привели ее к великому испытанию борьбой против войны.

Что бы ни думали об анархистском движении в Соединенных Штатах, факт остается фактом: как движение, оно понесло меньше потерь, чем любое другое революционное движение, из-за военного слабоумия. Социалисты «массово» дезертировали, следуя патриотическим стандартам воюющей демократии. Юджин Дебс, американский социалист, остался во главе лишь горстки своих бывших последователей. Американская Федерация Труда протестировала себя перед федеральным правительством. Индустриальные Рабочие Мира пытались смягчить свою позицию, заявляя о политическом агностицизме, который был равносителен открытой оппозиции войне, не хватало только смелости заявить о себе как о таковой. Анархисты же с самого начала заняли смелую и открытую позицию против чудовищной бойни.

Галлеани, как обычно, не жалел слов. Преследования вскоре обрушились на него и его газету, которой было отказано в свободе почтовой рассылки. *Cronaca Sovversiva* продолжала выходить, распространяясь другими способами. Никогда еще ни одна газета не становилась объектом такой волны солидарности. Галлеани был арестован. Газета нашла средства для того, чтобы появиться в том же виде. «Nulla dies sine linea» – таков был тогда наш девиз: «Ни дня без слова» – против войны. Галлеани был приговорен местным федеральным судом в Бостоне: он не сложил свой флаг. Затем он был снова арестован вместе с пятьюдесятью или шестьюдесятью товарищами, которые должны были получать газету по всей территории США и распространять ее среди читателей. Все они были задержаны иммиграционной службой для депортации. Это было весной 1918 года. Он остался почти один в типографии, в Линне. Все младшие товарищи были либо в тюрьме, либо скрывались. Гонимые господина Палмера в последний раз забежали в типографию, украли бланки только что вышедшей газеты, и Галлеани, больной старик, чьих слов боялось могущественное правительство США, наконец замолчал.

В следующем году в Нью-Йорке были опубликованы еще два номера *Cronaca Sovversiva*. Галлеани гастролировал по стране вплоть до Канзаса. В мае и июне того года произошли страшные взрывы – как всегда бывает, когда подавляется свобода слова и печати, – и 24 июня Галлеани был разлучен от жены и детей и отплыл в Италию вместе с восемью своими товарищами – всеми неугодными из великой республики Уолл-стрит.

Но американское правительство еще долго будет помнить о том, как Галлеани прошел через американскую сцену. Семена, которые он посеял на этой земле, не упали на бесплодную почву. Движение, которое он так старательно взращивал на протяжении стольких лет, осталось, пусть и искалеченным. И из этого движения возник Андреа Сальседо, которого убийцы господина Палмера выбросили из окна четырнадцатого этажа в Нью-Йорке 3 мая 1919 года; из него же возник Ванцетти, чья семилетняя мученическая смерть остается одним из самых вдохновляющих фактов современности и пятном вечного позора на истории этой кровавой плутократии.

Жизнь Галлеани в Италии была богата событиями. В 1920 году он возродил свою газету *Cronaca Sovversiva*, но после восемнадцати выпусков она снова умерла, потому что правительство преследовало его из-за некоторых нежелательных статей, и ему пришлось скрываться, чтобы избежать превентивного ареста. За три дня до того, как его должны были судить за это преступление, он явился в полицию в Турине, и 28 октября 1922 года – в тот самый день, когда король призвал Муссолини возглавить правительство – Галлеани предстал перед судом присяжных из двенадцати добропорядочных граждан, которые приговорили его к четырнадцати месяцам тюрьмы за то, что он призвал итальянских солдат к делу революции.

В тюрьме его болезнь обострилась, поэтому, когда его выпустили, через год с лишним, он был вынужден лечь в больницу. Тем временем утверждала себя фашистская диктатура. Свобода слова и печати были запрещены. Не имея возможности возобновить активную деятельность в Италии, он в 1925 году подготовил к публикации небольшую книгу об анархизме, которая была издана его товарищами в Америке под названием *La fine dell'Anarchismo?* Название: *Конец Анархизма?* указывает на полемическую форму книги, которая является энергичной защитой анархистской мысли от нападок социалистов. Кроме этой очень важной работы, он оставил большой том, возобновляющий хронику героического анархизма до 1898 года: *Faccia a Faccia col nemico* (*Лицом к лицу с врагом*) и книгу набросков пером: *Figure figuri* (*Люди и кружки*), небольшой том, содержащий его критику провоенного настроения Кропоткина и других революционеров, и, наконец, памфлеты различного характера. Многое другое ценное еще предстоит собрать из собрания отредактированных им газет.

В 1927 году его арестовали и оштрафовали за то, что он получил из Америки вложенную в конверт анархистскую газету. Позже за то же преступление он был снова арестован, затем приговорен к десяти дням тюрьмы и, наконец, отправлен на остров Липари на три года. Через несколько дней после прибытия на новое место жительства он был арестован, обвинен в злословии в адрес «Иль Дуче» (Муссолини) и приговорен к шести месяцам тюрьмы на острове.

В 1930 году ему разрешили покинуть остров. Он поселился в небольшой деревушке в Аппенинской долине и оставался там под неусыпным наблюдением полиции, которая не покидала его жилище и следовала за ним в его одиноких прогулках по

сельской местности до конца его жизни, который наступил вечером 4 ноября 1931 года.

В тот день, возвращаясь с обычной прогулки, он упал в нескольких кварталах от своего дома. Отнесенный в постель заботливыми соседями, которые, хотя и не подпускали его к себе, наверняка сочувствовали ему, он умер через полчаса. В качестве последнего оскорбления полицейский, следивший за ним после падения, отобрал у него карманную книжку, которую, как известно, он носил в кармане и которую впоследствии так и не нашли, и которая при отсутствии денег – поскольку Галлеани всегда был беден – должна была содержать записки его близких, живущих далеко и совершенно не знающих о его бедственном положении.

До последнего момента он оставался верен идеалам, которым посвятил свою жизнь. Все, кто встречал его в различных тюрьмах королевства и на острове, свидетельствуют о непоколебимости его убеждений, благородстве характера, щедрости сердца и неугасающих надеждах на будущее.

В его последнем послании к детям, адресованном также товарищам, с которыми он долгие годы не имел возможности вести прямую переписку, содержатся слова, которые можно считать его политическим завещанием: «Я живу один, безмятежный, надеющийся, уверенный скорее в том, что наступила эпоха реставраций, осуждаемых разумом, уроками истории и судьбой прогресса и свободы».

Рафаэль Скьявина, Melchior Seele

Несколько слов...

Конец анархизма? Странный вопрос, возможно, в то время, когда почти каждый встречный – «анархист в душе». Сегодня ни один просвещенный человек не признает себя сторонником власти или иерархии, и даже многие марксисты-ленинцы в былые времена не признали бы себя сторонниками государства².

А анархисты? Анархисты есть везде, во всех четырех уголках Земли. Многие из них наносят урон властным структурам, вдохновляя других на подобные действия, а некоторые за это дорого платят.

Анархисты – и не только – присутствуют в очагах борьбы, например, против скоростных железных дорог и атомной энергетики, на крупных демонстрациях и в столкновениях с полицией, но есть и те, кто молча освещает темноту ночи радужным сиянием свободы.

Анархисты защищают иммигрантов от расистских нападений и поддерживают восстания и бунты в концлагерях европейской крепости. Есть анархисты, запертые в тюрьмах, и анархисты, которые действуют в знак солидарности с ними. В Великобритании после их энергичного участия в студенческих демонстрациях прошлого года и ряда разрозненных нападений в других местах в течение определенного времени анархисты получили статус общественного жупела со стороны полиции и СМИ, которые предложили населению «купить анархиста»³.

Есть анархистские индивидуалисты и анархистские индивиды.

Есть анархисты, которые выступают против общества, и анархисты, которые участвуют в соседских собраниях. Есть даже анархисты, которые голосуют на выборах, хотя они не делают песни и танцы про это. Есть анархистские академики и академические анархисты. А еще есть анархисты-панки, активисты, организаторы и всевозможные либертарианцы в большом зоологическом парке, который принято считать «движением» «против».

Несомненно, анархисты есть везде – но есть ли анархизм? Есть ли он, то есть ощущение тотальности борьбы, борьбы, которая всегда стремится к абсолютному уничтожению существующего и переживанию свободы, где бы человек ни находился, в каком бы проявлении частичной борьбы мы ни участвовали в данный момент?

Тотальность борьбы – это не глобальное видение вражеской установки во всех ее формах, это тотальность свободы без ограничений и препятствий любого рода, следовательно, нечто в движении, растущее до бесконечности, всегда в действии, но полностью присутствующее, когда мы думаем об этом, разрушающее ограничения и одомашнивание⁴.

Сколько анархистов сознательно переносят это ощущение тотальности борьбы в пыл своей атаки на врага?

² На самом деле Ленин сам предпочитал лозунги анархистов, пока «диктатура пролетариата» и его личная диктатура не были прочно установлены. Читайте «Гильотина за работой» Григория П. Максимова, Cienfuegos Press.

³ ...рядом с изображением анархистской эмблемы «отдел по борьбе с терроризмом» полиции города Вестминстер призвал антианархистских осведомителей [стукачей], заявив: «Анархизм – это политическая философия, которая считает государство нежелательным, ненужным и вредным, а вместо него пропагандирует безгосударственное общество, или анархию. Любую информацию, касающуюся анархистов, следует сообщать в местную полицию» (Сообщение для прессы 31 июля 2011 г.)

⁴ Эти слова были украдены из Введения Альфредо Бонанно к *Feral Revolution* Ферала Фауна.

Как только мы поймем это, оно никогда не покинет нас, это наш компас, будь мы в бурных морях бунта или в застойных водах Вавилона, в то время как игнорирование этого ведет нас в тупик экуменизма, фронтизма, иллюзий количества или просто в забвение великим цунами отверженных в бунте.

В этой небольшой книге Галлеани не говорит о тотальности борьбы, но он говорит о том, без чего последняя никогда не могла бы реализоваться. Он говорит об анархическом коммунизме, который «предполагает, что материальные и моральные потребности каждого человека должны удовлетворяться без каких-либо ограничений, кроме тех, что наложены природой», и что вклад в производство «должен вноситься каждым добровольно, в соответствии с его возможностями и способностями».

Разрушение власти означает не только уничтожение правительства во всех его проявлениях, но и свободу автономного индивида, всех индивидов в свободном обществе (или отсутствие общества, какие бы формы оно ни принимало).

Даже если сегодня и делаются намеки на анархический коммунизм, анархисты редко, если вообще когда-либо, вникают в последствия того, что это означает, поскольку нас интересует непосредственность борьбы, а страх перед составлением «чертежа будущего общества» пугает нас своим кажущимся намеком на навязывание модели, а значит, и власти.

В ответ на заявление своего старого товарища Мерлино о том, что главное в анархизме было поглощено социализмом, Галлеани проводит четкое различие между анархическим коммунизмом и социалистической моделью коллективизма. Коллективизм, общая собственность на средства производства, предполагающая «от каждого по способностям, каждому по труду», основан на оценке готового продукта, тогда как анархический коммунизм подразумевает полное удовлетворение потребностей индивида независимо от стоимости продукта. Несомненно, это должно быть важнейшей основой «мира без оценок», о котором мы часто говорим, но редко задумываемся. Если бы мы это делали, это повлияло бы на наш выбор и устранило бы сомнительные «союзы». Мы повторяем до бесконечности, что средства, которые мы используем, обуславливают цели, которых мы достигаем. Точно так же и цели – как, например, вступление на путь свободы, который, как мы уже говорили, бесконечен и никогда не заканчивается, – к которым мы стремимся, должны влиять на используемые нами средства, и если не упускать из виду последние, то это может предотвратить некоторые неудачные, а то и катастрофические начинания.

Мы живем во времена «кризиса», и это часто приводит товарищей в тупик прагматизма и компромисса, граничащего с политическим реализмом. Высокомерный натиск нацистов, садистов-полицейских или любых других врагов свободы может привести к односторонней позиции в союзе с теми, кто определяет себя в оппозиционных терминах, тем самым теряя из виду революцию, величие ее манящего потока и превратности творческого диффузного восстания и атаки.

Галлеани полностью отвергает любую борьбу за частичные завоевания или реформы, «балласт буржуазии», который та выбрасывает под яростным давлением масс, добываясь «бессмысленных уступок». Если социалист стремится к завоеванию парламента (пусть и без государства) или хотя бы административных органов, то самое горячее желание анархиста и всех «отверженных» – увидеть парламент в огне

как часть самоорганизованной атаки. «...Вместо пассивного и вежливого сопротивления, которое так горячо рекомендуют социалисты, анархисты предпочитают бойкот, саботаж и, ради самой борьбы, немедленные попытки частичной экспроприации, индивидуальные восстания и мятежи». К ужасу социалистов.

По мнению Галлеани, последствия анархистского абсентеизма «гораздо менее поверхностны, чем инертная апатия, которую приписывают ему надменные карьеристы «научного социализма». Лишив государство конституционного обмана, которым оно прикрывается, оно обнажает его сущностный характер представителя, закупщика и полицейского правящих классов». Во имя какого «великого дела» любой анархист может отбросить эту самоочевидную истину, тем самым мгновенно ликвидировав себя, сведя статус анархиста к некоей идентичности, которая может колебаться под давлением отсутствия перспективы и презренного принципа «необходимого зла»? На расстоянии более века Галлеани напоминает нам, что «анархизм отвергает власть в любой форме: принципу представительства он противопоставляет прямое и независимое действие индивидов и масс: эгалитарному и парламентскому действию он противопоставляет восстание, мятеж, всеобщую забастовку, социальную революцию». Для тех, кто мог забыть.

Галлеани осуждает высшую трусость отказа от отдельных актов восстания, когда именно мы сами посеяли первое семя. «Пропаганда анархистов создает психологическую среду у людей... наша ответственность за все акты восстания более точная, более конкретная и неоспоримая там, где наша пропаганда была энергичной, мощной и оставила глубокое впечатление...».

Нет никакой несовместимости или противоречия между коммунизмом и индивидуализмом в контексте свободного объединенного сотрудничества всех людей для производства, основанного на солидарности. Коммунизм – это просто основа, на которой человек имеет возможность регулировать себя и выполнять свои функции.

Каждый анархист, верный своему отрицанию привилегий и стремящийся к экономической реальности, где земля, шахты и все орудия производства являются неделимой общей собственностью, является в своих устремлениях коммунистом. В то же время, если он отрицает власть и участвует в реализации полной независимости и автономии личности от любого экономического, политического и морального начальства, он неизбежно является индивидуалистом.

Антитеза? Нет, интеграция.

Несомненно, было бы интересно провести глубокий анализ тезисов Галлеани, его использования языка, его безоговорочной веры в прогресс и т. д., но здесь мы предпочли дать читателю лишь несколько искр из того, что в противном случае могло бы показаться историческим документом, и закончить неприукрашенной домашней правдой Галлеани: анархистское движение и рабочее движение [читай левое движение] следуют двум параллельным линиям, а геометрически доказано, что параллельные линии никогда не встречаются.

Давайте бороться вместе со всеми, кому нет места в этом мерзком мире, за завоевание жизни и осуществление наших мечтаний.

JW

Введение

Первое десятилетие двадцатого века казалось весьма многообещающим. В школе и на улицах нам рассказывали, что открылась новая эра демократической свободы и социальной справедливости. Критика старых институтов поощрялась политиками, а надежды трудящихся возлагались на обещания профсоюзов о защите их прав. Авангарды политической и социальной мысли распространяли среди трудящихся всего мира семена новых идей о путях и средствах полного освобождения от гнета политической власти и от эксплуатации земли и капитала частной собственностью.

Правители и работодатели, конечно, не изменились и время от времени применяли насилие и террор. Но их жестокость начала провоцировать пробные попытки сопротивления. В промышленных центрах, на шахтах и в аграрных сообществах были зафиксированы спорадические взрывы восстания. В России серьезное революционное движение потрясло старый порядок вещей в течении 1905-1906 годов. В итоге движение потерпело поражение, но оно разрушило миф об абсолютной власти царя и, что еще важнее, нанесло глубокий урон старому режиму у его корней – в деревне.

В Западной Европе рабочие люди были в движении. Классовая борьба была в полном разгаре, и никакие полицейские или военные кровопролития, казалось, не могли ее остановить. Правительства используют тюрьмы и оружие против инакомыслия, но тюрем и оружия не хватает, чтобы заставить замолчать всех инакомыслящих, если они полны решимости высказаться и бороться за свои права. Повсюду инакомыслие находило способы выразить себя. Только в Италии за первые семь лет века было издано – с переменным успехом – более восьмидесяти анархистских периодических изданий. И многие, многие другие, конечно же, издавались в других странах, в Европе и Америке.

В начале 1907 года некоторые бельгийские и голландские товарищи предложили созвать Международный анархистский конгресс, который должен был состояться летом следующего года. Этот конгресс был признан первым подлинно международным анархистским конгрессом и проходил в Амстердаме с 23 по 31 октября 1907 года.

В этот период среди анархистов разгорелся один из самых ожесточенных споров о том, как относится к синдикализму⁵. Зародившийся во Франции, синдикализм был, по сути, восстанием против покорного характера профсоюзов и других подобных рабочих организаций, который они приобрели под руководством легальных социалистов. Во всех странах поощрялось проведение региональных и национальных съездов. В Италии один из таких съездов прошел в Риме с 16 по 20 июня 1907 года, в нем приняли участие более ста активистов из всех частей Италии.

Это было первое публичное собрание анархистов в Италии с начала века, и консервативные круги, слабонервные и фанатики, информированные алармистской прессой, не могли не заметить его и не задуматься над ним. Насколько велика и насколько неотвратима опасность такой «подрывной» деятельности? Г-н Чезаре Собrero, римский корреспондент туринской ежедневной газеты *La Stampa*, вспомнил,

⁵ В Британской энциклопедии синдикализм определяется как «название, данное форме социалистической доктрины, разработанной и родившейся из опыта французских синдикатов или профсоюзов».

что римский юрист Франческо Саверио Мерлино⁶, который в течение многих лет был способным и эрудированным анархистом-боевиком и компетентным писателем по социальным вопросам, мог бы оказать исключительную помощь в поисках ответа на эти вопросы.

Мерлино согласился дать интервью, и результат был опубликован в газете *La Stampa* 18 июня под сенсационным названием «*La Fine Dell Anarchismo*» («Конец анархизма»). Другие ортодоксальные газеты, такие как *L'Ora* в Палермо и *L'Unione* в Тунисе, перепечатали его дословно в угоду своим читателям из среднего класса.

Очевидно, что более ста анархистов, собравшихся в Риме, а также их товарищи, разбросанные по всей Италии и миру, считали, что оскорбительное заявление было необоснованным, что анархизм очень жив в их сердцах, в их умах, и, прежде всего, в их словах и делах.

Луиджи Фаббри⁷, который в то время вместе с Пьетро Гори⁸ был соредактором двухнедельного журнала *Il Pensiero* («Мысль») и личным другом Мерлино, не мог поверить своим глазам. Он написал Мерлино, спрашивая, действительно ли опубликованный «странный» текст интервью является верным изложением его взглядов. Ответ пришел незамедлительно, в нем говорилось, что все в опубликованном интервью, за исключением названия, отражает его взгляды на анархизм. Письмо Мерлино и комментарий Фаббри были позже опубликованы в римской газете *Il Pensiero* и в *Cronaca Sovversiva*, еженедельнике на итальянском языке, который Луиджи Галлеани издавал в Барре, штат Вермонт, с 1903 года.

Луиджи Галлеани, как и Мерлино, был известным активистом итальянского движения с 1880-х годов. Оба они были тогда страстными борцами за свободу и социальную справедливость против жестоких репрессий итальянского правительства. В 1884 году Мерлино был судим за «заговор» и приговорен римским трибуналом к четырем годам тюрьмы. После апелляции приговор был сокращен до трех лет, но к тому времени Мерлино уехал за границу. В течение десяти лет он путешествовал

⁶ Франческо Саверио Мерлино (1856-1930) был деятельным анархистом с 1877 по 1897 год. Он написал множество памфлетов и книг по анархизму и либертарному социализму, редактировал газеты и эссе. Будучи адвокатом, он защищал 26 повстанцев из «Банды Матезе» (5 апреля 1877 года) на суде в Бенеvento (29 августа 1878 года) и всю свою жизнь продолжал защищать – в суде и в прессе – анархистов, обвиненных в подрывных или революционных действиях или словах.

⁷ Луиджи Фаббри (1877-1935). Совсем молодым он начал писать для анархистских газет и рецензий – и стал подвергаться преследованиям со стороны полиции. В 1898 году он был арестован и отправлен на остров Понца (у Неаполитанского залива), а затем на остров Фавиньяна (в Эгадском архипелаге, у самого западного побережья Сицилии). Всю свою жизнь он провел, работая на движение с четырех до восьми утра и работая учителем в остальное время. В 1926 году, отказавшись принять присягу на верность фашистской диктатуре, он потерял должность учителя и уехал во Францию, откуда был выслан в 1929 году. Получив разрешение обосноваться в Уругвае, он начал публикацию обзора под названием *Studi Sociali* («Социальные исследования»), которую продолжал до тех пор, пока смерть не вырвала его из мира совести. «*Malatesta – The Man and his thought*», «*Dittatura e Rivoluzione*», «*Contrarivoluzione preventiva*» – вот лишь некоторые из его лучших книг.

⁸ Пьетро Гори (1856-1911). Адвокат, поэт и яркий оратор, он посвятил свою жизнь анархизму и его чаяниям. За свою деятельность он подвергался преследованиям и тюремному заключению и был вынужден скитаться по Европе и двум Америкам. Его работы были опубликованы в 12 томах издательством *Cromo-Tipo La Sociale*, в Специи (1911-12) и еще раз, в 13 томах, издательством *Editrice Moderna*, в Милне (1948). Два больших тома «Избранных произведений» были опубликованы издательством *Edizioni L'Antistato*, Чезена, с презентацией Джузеппе Розе (1968).

по Западной Европе и Северной Америке, распространяя повсюду, из уст в уста, в книгах, статьях и эссе, свою компетентную критику существующего порядка вещей. В 1892 году, находясь в Нью-Йорке, он вместе с другими итальянскими товарищами основал журнал *Il Grido degli Oppressi* («Крик угнетенных»), который просуществовал до ноября 1894 года. Но к тому времени Мерлино вернулся в Италию, где был арестован в Неаполе и заключен в тюрьму по старому приговору.

Галлеани также находился в тюрьме: его арестовали в Генуе в конце 1893 года, судили за заговор вместе с 35 другими товарищами и приговорили к трем годам заключения.

Но в конце того периода, когда Галлеани, как никогда решительный в своих убеждениях, был вынужден поселиться на острове под надзором полиции (*domicilio coatto*), Мерлино по окончании срока получил полную свободу. А в начале 1897 года, обосновавшись в Риме, он отправил письмо в консервативную газету *Il Messaggero*, в котором заявил, что его взгляды изменились. Это вызвало дискуссию с Эррико Малатестой⁹, которая закончилась в 1898 году, когда Малатесту арестовали. В итоге Мерлино заявил, что больше не считает себя анархистом, а предпочитает определять себя как «либертарного социалиста». Кроме того, он теперь одобрял парламентскую деятельность, причем настолько, что в согласии с другими друзьями предложил выдвинуть Галлеани (который в то время находился в заключении на острове Пантеллерия, находящийся между Сицилией и Тунисом) кандидатом в депутаты от Социалистической партии в знак протеста против политического заключения и в качестве средства освободить его по требованию народа.

Галлеани публично и самым решительным образом отказался от этого предложения и направил в анархистскую газету *L'Agitazione* (из Анконы) подписанное заявление об этом. После этого всем остальным заключенным-анархистам, находящимся в итальянских тюрьмах или в *domicilio coatto*, было направлено коллективное предложение от заключенных-анархистов на Пантеллерии. Это был призыв к изданию специальной газеты, редактируемой и оплачиваемой ими самими, с целью раз и навсегда заявить о своем твердом отказе идти на компромисс или каким-либо образом исказить свою оппозицию государству – фундаментальный постулат их убеждений как анархистов.

Их предложение было принято всеми. Товарищи из Анконы согласились опубликовать декларации заключенных, и во второй день ноября 1899 года вышла четы-

⁹ Эррико Малатеста (1853-1932). Можно сказать, что история жизни Малатесты тесно переплетена с историей первых шестидесяти лет международного анархистского движения. С момента своей первой поездки в Швейцарию в 1872 году до последнего возвращения из Лондона в декабре 1919 года он жил больше за границей, чем в Италии, и выступал перед рабочими и людьми всех наций. Его эссе и памфлеты были переведены и опубликованы на многих языках: в Италии – три тома *Scritti* (Сочинений) под редакцией Л. Фаббри, напечатанных в Брюсселе под эгидой женевского журнала *Il Risveglio* (1932-1934); том *Scritti Scelti* (Избранных сочинений) Ed R L Napoli, 1947; более десятка памфлетов, один из которых, *Fra Contadini*, был переведен на десятки языков и опубликован неизвестно каким тиражом и количеством экземпляров. На английском языке она была впервые опубликована частями в издательстве Freedom, а затем в виде памфлета в издательстве Freedom Press в 1891 году под названием: *A talk about Anarchist-Communism* (возможно, на русском она больше известна как «Краткая система анархизма»). Книга «*Errico Malatesta — His Life and Ideas*» Вернона Ричардса (Лондон, Freedom Press, 1965), безусловно, достойна своей темы.

рехстраничная газета под названием «*I Morti*» («Погибшие»). Газета была снабжена заголовком: «Редактируется и издается политическими заключенными». Статьи и заявления были подписаны индивидуально или коллективно задержанными анархистами. На первой полосе была опубликована редакционная статья Галлеани «*Manet immota Fides*» («Вера остается непоколебимой»), в которой говорилось, что заложники реакции очень живы и полны решимости спасти достоинство своих принципов. Они предпочли бы остаться в грязи своих тюрем или островов заключения (таких как Пантеллерия), в мире с самими собой, чем вернуться в так называемый свободный мир, склонившись перед своими тюремщиками – которых они презирали – с уступками, которые они считали ложными и позорными.

Газета была конфискована полицией, но достаточное количество экземпляров было сохранено и распространено по всей Италии и за рубежом, чтобы она заняла прочное место в сердцах и памяти активистов и равнодушных людей.

Вскоре после этого Галлеани бежал с острова Пантеллерия. Он высадился в Северной Африке и попытался обосноваться в Египте, но безуспешно. Более того, ему грозила опасность экстрадиции в Италию. Поэтому он вместе с семьей переехал в Лондон, а оттуда отправился в США, где ему предложили стать редактором еженедельника на итальянском языке *La Questione Sociale*, который издавался в Патерсоне, штат Нью-Джерси, с 1895 года.

Прибыв в Патерсон в октябре 1901 года, он застал тысячи ткачей и красильщиков текстильной промышленности в бунте против своих работодателей и эксплуататоров. Разумеется, он быстро включился в их борьбу и внес свой вклад, не только устным и письменным словом, но и личной солидарностью. Настолько, что 18 июня 1902 года, во время острой стычки, он был ранен в перестрелке. От ареста его спасло то, что он скрылся по крышам домов (crossing the Slate line). Товарищи Уильям Маккуин и Рудольф Гроссман (Пьер Рамю)¹⁰, хотя и не участвовали в столкновении, были арестованы, преданы суду и приговорены к пожизненному заключению. Галлеани нашел убежище в штате Вермонт, где под именем Луиджи Пимпино с помощью местной анархистской группы основал еженедельник *Cronaca Sovversiva*, который выходил вплоть до 1918 года, когда был подавлен федеральным правительством США за выступление против войны.

Интервью Мерлино было должным образом отмечено в *Cronaca Sovversiva*, как и текст письма Мерлино к Фаббри. После того как подлинность интервью была

¹⁰ Уильям Маккуин, молодой воинствующий писатель и оратор из Шотландии, был горячим сторонником дела забастовщиков. Он был арестован и обвинен в том, что был одним из зачинщиков беспорядков в Патерсоне 18 июня 1902 года. Его судили и заочно приговорили за сговор с Галлеани и Рудольфом Гроссманом к пяти годам каторжных работ. После того как приговор был подтвержден вышестоящими инстанциями, Маккуин вернулся из Шотландии, куда он уехал к семье, и сдался властям Нью-Джерси, которые продержали его в тюрьме три года. Он был освобожден после того, как присяжные Патерсона отказались осудить Галлеани, которого судили по тем же обвинениям в апреле 1907 года.

Рудольф Гроссман (1882-1942), более известный под псевдонимом Пьер Рамю, был анархистом, сторонником ненасилия, родившимся в Австрии и получившим международную известность благодаря своему рвению и писательской деятельности. Он подвергался жестоким преследованиям со стороны разных правительств. 18 июня 1902 года его не было в Патерсоне. Тем не менее его арестовали, судили и приговорили к пяти годам каторжных работ. Высший суд Нью-Джерси отменил приговор, вынесенный в Патерсоне, по процедурным причинам.

установлена, Галлеани почувствовал, что нужно сказать еще кое-что. И он сказал это очень интересным способом.

Под заголовком «*La Fine del'Anarchismo?*» – Галлеани превратил название интервью Мерлино в вопрос – с 17 августа 1907 года по 25 января 1908 года была опубликована серия из десяти статей. Затем серия прекратилась, чтобы больше никогда не появляться на страницах *Cronaca Sovversiva*.

Конечно, Галлеани не собирался оставлять эссе об анархизме незавершенным, но в мире происходили события, которые привлекали его непосредственное внимание. Он был борцом, агитатором, если хотите, и представлял себе анархизм как образ жизни, как метод, призванный открыть и расширить последовательный путь к окончательному освобождению человечества. Он считал, что его время и энергия должны быть посвящены непосредственным задачам и проблемам повседневной борьбы, которые необходимы для утверждения жизнеспособности анархизма и прокладывания пути в будущее.

Те годы, предшествовавшие Первой мировой войне, были динамичным временем. Во всем мире происходило пробуждение трудящихся масс к осознанию своего места в обществе и своего права на свободу от капиталистической эксплуатации и политического угнетения. Небывалые по масштабам забастовки и жестокие репрессии, военные завоевания, разжигание войны и интриги между капиталистами и правителями. В США это было время жестокого режима Т. Рузвельта, который во имя свободы завоевывал чужие территории в Карибском море и на Тихом океане, а у себя дома вводил инквизиторский крестовый поход против анархизма. Затем началась Первая мировая война. *Cronaca Sovversiva* была подавлена – как и сотни других более или менее радикальных газет, обвиненных в ереси или измене; Галлеани был депортирован в Италию – как и сотни других, депортированных на родину, отмеченных как нежелательные за их неортодоксальные взгляды¹¹.

Таковы были причины, заставившие его отдать предпочтение ежедневной борьбе с насущным злом. Когда в начале 1924 года его выпустили из туринской тюрьмы (он отбывал четырнадцатимесячный срок, назначенный ему местным уголовным судом за некоторые антимилитаристские статьи), он оказался один, старый, больной и под постоянным полицейским надзором фашистского режима. Его мысли вернулись к незаконченным работам. Одной из них был перевод последних глав автобиографии Клемана Дюваля¹², другой – эссе об анархизме. Обе работы были опубликованы 15 апреля 1922 года в еженедельнике на итальянском языке *L'Adunata dei Refrattari* («Призыв рефракционеров»), который начал выходить в Нью-Йорке.

¹¹ Подробнее см.: *The Deportations Delirium of Nineteen-Twenty – A personal narrative of an Historic Official Experience* by Louis F Post, Chicago, Charles N Kerr & Co.

¹² Клеман Дюваль (1850-1935) – французский анархист, сторонник прямого действия путем экспроприации. Он был приговорен к смертной казни, будучи арестованным за кражу со взломом и нанесение ран полицейскому агенту в 1885 году, но в 1887 году приговор был заменен на пожизненные каторжные работы. В 1901 году он бежал из тюрьмы на острове Кайенна и добрался до Соединенных Штатов, где вновь присоединился к анархистскому движению и умер в 1935 году. Те из нас, кто хорошо знал его, имели возможность оценить физическую и моральную силу этого человека и глубину его убеждений. Он написал свою автобиографию, которая была переведена на итальянский язык Галлеани и опубликована в одном томе издательством *L'Adunata dei Refrattari*.

Книга «*La Fine dell'Anarchismo?*» впервые вышла в полном объеме двадцатью четырьмя частями с 11 октября 1924 года по 11 апреля 1925 года. Позже, в том же году, вся серия была издана в виде книги редакторами *L'Adunata*; книга состоит из ста тридцати страниц, пятьдесят две из которых охватывают текст, написанный и впервые опубликованный в 1907 году, а остальные семьдесят восемь страниц – раздел, который был написан в окончательной форме в 1924 году.

Текст предваряла надпись в шесть строк, написанная от руки и подписанная Луиджи Галлеани. Она была посвящена его старым товарищам, живущим в Америке, в память о многих годах, которые они провели бок о бок, работая, надеясь и борясь за общее дело свободы и справедливости. Далее следовало предисловие, написанное первым редактором *L'Adunata* Костантино Зончелло¹³. Во втором издании эти два пункта отсутствуют. Вместо них появилось «изложение» (presentation) Г. Роуза¹⁴, который добавил к эссе значительное количество сносок, многие из которых переведены для настоящего издания.

Книга была хорошо принята движением по обе стороны Атлантического океана. Эррико Малатеста, получивший один из немногих экземпляров, прошедших сквозь толстую стену фашистской цензуры, положительно отозвался о ней в *Pensiero e Volontà* (газета, которую он издавал в Риме), сказав, что это не только «ясное изложение анархического коммунизма», но и «ясное изложение вечно актуальных проблем анархизма по отношению к потенциальным революционным движениям». Он выразил сожаление по поводу того, что лишь немногие итальянцы имели возможность прочитать ее¹⁵.

То, что анархизм не умер и не умирает, в эти последние десятилетия двадцатого века лучше доказать фактами, чем словами. Хроники русской и испанской революций без всяких сомнений подтверждают огромное значение анархистских идей и деятельности в борьбе за свержение старых феодальных и милитаристских режимов. Не менее важными были эксперименты анархистов с новыми формами социального существования, производства и распределения.

Не менее впечатляет и тот факт, что даже там, где самозваным социалистическим революционерам удалось установить власть своей партии, они не выполнили своих первоначальных обещаний о свободе и справедливости для всех своих подданных. Там, где они правят в одиночку, они налагают на свои народы ярмо политической

¹³ Костантино Зончелло (1883-1967) приехал в Америку из своей родной Сардинии в 1907 году. Встретившись с одним товарищем в Цинциннати, штат Огайо, он стал сторонником и сотрудником *Cronaca Sovversiva*. Он также был инициативным оратором. Трудности, в которых оказались газета и движение, заставили его проявить еще больший интерес и активность, чем когда-либо. А когда в 1918 году *Cronaca Sovversiva* была подавлена, он редактировал несколько подпольных газет, *Il Diritto* и *L'Inevitabile*. Весной 1922 года, благодаря усилиям старых активистов со всех концов страны, *L'Adunata dei Refrattari* начала выходить раз в две недели, а в следующем году стала еженедельником. Зончелло был ее первым редактором и оставался частым сотрудником до конца своей активной жизни.

¹⁴ Джузеппе Роза (1921-1975), учитель по профессии, был способным автором нашей итальянской анархистской прессы. Он редактировал журнал *Volontà* после смерти Джованни Бернери с 1962 года до конца своей жизни. Среди его лучших работ: «*Le Aforie del Marxismo Libertario*» и «*Bibliografia di Bakunin*» (библиография Бакунина).

¹⁵ Некоторое время назад было объявлено о двух последних изданиях этой книги: одно – издателями журнала «Anarchismo» в Катании, другое – Луиджи Ассандри в Турине.

и экономической тирании, равной которой нет разве что в фашистских диктатурах. А там, где они вступили в партнерство со старыми политиками капитализма и привилегированными классами, они действуют скорее как опекуны и покровители простых людей, которые за них голосуют, чем как защитники их прав и свободы.

В этих обстоятельствах мужчины и женщины, наделенные сердцем и умом, обеспокоенные будущим человечества, чувствуют, что им некуда обратиться за надеждой и вдохновением, кроме как к идеям, опыту и истории анархистского движения. И именно здесь маленькая книга Галлеани окажет огромную помощь сегодня, завтра и навсегда, пока с лица земли не будет стерто бедствия угнетения, эксплуатации и невежества и не наступит полное освобождение человечества.

Конечно, это концепция анархизма, его значение, его история и надежды на будущее, созданная одним человеком. Но у этого человека есть знания, опыт, честность и целая жизнь борьбы, страданий и мужества. Стоит посмотреть, что он скажет.

Книга Галлеани была хорошо принята его друзьями и товарищами, но, как следствие, он все больше подвергался преследованиям со стороны своих врагов. Сразу же после публикации в США «*La Fine dell'Anarchismo?*» итальянская полиция начала усиливать преследования: участились вторжения в его дом, аресты и тюремные заключения за получение «опасных» газет из-за границы. Перед концом 1927 года он был окончательно арестован и отправлен в ссылку на Тирренском архипелаге Липари, у северного побережья Сицилии, где оставался до 28 февраля 1930 года. Но и там его снова арестовали и отправили в Мессину, где состоялся официальный суд – и он был приговорен к шести месяцам и шести дням тюрьмы по сфабрикованному обвинению в оскорблении... Муссолини. В маленькой горной деревушке, все еще под наблюдением полиции, он умер 4 ноября 1931 года в возрасте семидесяти лет.

М. S. Ноябрь 1981

Глава 1. Интервью с Мерлино.

Для начала приведем полный текст интервью. Далее последуют наши скромные рассуждения.

Конгресс, состоявшийся в Риме, на котором присутствовали 37 групп из наиболее важных центров Италии, побудил меня предпринять исследование, которое я считаю интересным, а именно: познакомиться с современной анархистской партией и попытаться предугадать ее возможное будущее.

Для этого я обратился к самому мудрому уму, который был у анархистской партии в Италии до нескольких лет назад, Саверио Мерлино, адвокату, который защищал Бреши¹⁶ на суде в Милане.

Имя Мерлино вызывает в памяти целое прошлое борьбы и, скажем так, преследований. Саверио Мерлино в течение определенного периода времени был одним из самых активных интернационалистов¹⁷ в Италии в то время, когда это могло означать арест, тюрьму, ссылку, «*domicilio coatto*» [принудительное проживание].

В 1884 году он был членом знаменитых вооруженных повстанцев Беневенто, и все помнят его сенсационный арест, когда его обнаружили в рясе священника, когда он пытался спастись от трехлетнего тюремного заключения за политические преступления¹⁸.

Позже боевой дух Саверио Мерлино обратился к писательству, и, когда на горизонте итальянской политики вззошла звезда социализма, он, уже не воинствующий анархист, опубликовал две книги, которые заняли прочное место в литературе такого рода. «*Socialism: Pro and Con*» и «*Utopia of Collectivism*»¹⁹.

Саверио Мерлино отделился от анархистов, когда их деятельность стала больше походить на индивидуализм. Затем он вступил в Социалистическую партию, но после недавнего раскола этой партии стал держаться особняком. Однако он остается ученым, наблюдателем и особенно посвящает себя профессии юриста (он происходит из семьи юристов), которую он практикует с большим успехом.

Я нашел его в хорошо освещенном кабинете на крутой римской улице, *au saut du lit*²⁰, среди гор юридических бумаг. Его лицо, излучающее интеллект и обладающее выразительностью южных итальянцев, показалось мне немного обеспокоенным, когда я попросил его об интервью. Саверио Мерлино, казалось, не решался высказать свое мнение о партии, членом которой он был, – мнение, которое, как увидит читатель, совсем не оптимистичное. Но он был достаточно любезен, чтобы согласиться ответить на мои вопросы, которые порой были весьма провокационными.

¹⁶ Гаэтано Бреши был итальянским ткачом, эмигрировавшим в Петерсон, штат Нью-Джерси. Он вернулся в Италию и 29 июля 1900 года убил короля Умберто I в Монце. На суде в Милане он объяснил свой поступок как необходимое следствие жестоких репрессий государства по отношению к народу. Текст мужественной защиты Мерлино до сих пор циркулирует в форме памфлета. Бреши умер в тюрьме в 1902 году.

¹⁷ То есть членом Международной Ассоциации Трудящихся (Интернационала).

¹⁸ Ф. С. Мерлино не был членом знаменитой «Банды Матезе», действовавшей в 1877 году. Вместо этого он участвовал в защите 26 ее членов на суде в Беневенто с 14 по 25 августа 1878 года.

¹⁹ «*Pro e contro il Socialismo. Esposizione critica dei principi e dei sistemi socialisti*» (За и Против Социализма. Специальная критика принципов и системы социализма) (Fratelli Treves. Milano. 1897). «*L'Utopia collettivista e la crisi del socialismo scientifico*» (Коллективистская Утопия и кризис научного социализма) (Fratelli Treves, Milano 1896).

²⁰ Фр. «При резком вставании с постели».

- Что вы думаете о нынешнем состоянии анархистского движения?
- Для меня анархистское движение сегодня не имеет никакого значения.
- Почему?
- Потому что те анархистские принципы, которые имели постоянную ценность, были приняты и распространяются социализмом, а утопическая часть была признана таковой и отброшена как бесполезная. Произошел процесс поглощения в пользу социализма.
- Каково ваше мнение об анархистских конгрессах в целом и, в частности, о предстоящем Международном конгрессе, который пройдет в Люксембурге?
- На мой взгляд, – ответил Мерлино – Международный, а также местные конгрессы – это всего лишь попытки оживить мертвое тело. Как я уже говорил, социализм поглотил то, что было главным в анархистской программе, и поэтому сегодня анархизм – это лишь один из аспектов, через который социалистическая пропаганда преподносит себя. Поэтому анархистская партия больше не имеет значимой политической функции.
- Но, – заметил я, – разве анархистская партия не имеет в своем распоряжении организацию?
- Да, существуют анархистские федерации и группы, а также партийные газеты. На самом деле, в некоторых регионах Италии все еще можно найти остатки старых анархистских организаций, ибо не следует забывать, что социализм в Италии родился анархическим. Но в своем нынешнем состоянии анархистская партия разделена на приверженцев двух различных тенденций, то есть на *индивидуалистов* и *организационалистов*.
- *Организационалисты* не могут найти форму организации, совместимую с их анархистскими принципами. *Индивидуалисты*, которые выступают против организации в любой форме, не могут найти четкого пути к действию.
- Следует помнить, – добавил Мерлино, – в каком странном положении оказались индивидуалисты. Они возникли на основе теории *пропаганды действием*, и поэтому насильственные действия были для них необходимостью. Но когда идея расправы – которая поначалу была корнем анархистских действий против капиталистического класса – потерпела неудачу, даже анархисты-индивидуалисты почувствовали, что их выживание зависит от организации, которую они стремились отвергнуть.
- Скажите, пожалуйста, каково, по вашему мнению, нынешнее положение анархизма в Италии?
- В Италии, – говорит Саверио Мерлино, – мы имеем сейчас остатки старой интернационалистской партии, партии, которая была анархистской в противоположность государственному социализму. Она сохранилась потому, что наш рабочий класс не желает участвовать в какой-либо дисциплинированной партийной деятельности и выступает против любого вида парламентской жизни, настолько, что даже в самой социалистической партии есть антипарламентская фракция – фракция синдикалистов. Таким образом, анархизм в Италии сводится к этим осколкам интернационалистской партии.
- В этот момент, затронув деликатную тему, я спросил:
- Какое место вы видите для анархической партии в будущем?

– Я считаю, – ответил он совершенно искренне и не без горечи, – *я считаю, что анархическая партия должна прекратить свое существование*. Мне лично кажется, что в анархической партии больше нет людей высокого уровня. Реклю и Кропоткин²¹ были последними. Более того, анархистская партия больше не является интеллектуально продуктивной; ни одна научная или политическая работа, представляющая заметную ценность, не вышла из анархистской партии. Более того, она даже не разрасталась. В то время, когда анархистский разум вдохновлял энергичные манифестации в Соединенных Штатах, в Германии, даже в Великобритании, казалось, что анархистское движение находится на пути к победе. Теперь оно не только остановилось, но и закончилось.

– Значит, вы скептически относитесь к результатам Международного конгресса в Люксембурге?

– Это событие оставит все как есть. В конце концов, это не первый конгресс, с которым такое случается. Значение первых конгрессов интернационалистского движения было исключительным, как и значение некоторых конгрессов сельских рабочих. В конце концов, чего, как правило, можно ожидать от конгресса?

– Тогда что вы думаете о нынешнем конгрессе в Риме?

– На этом конгрессе, как обычно, обсуждается вопрос об организации и индивидуализме, вопрос, который, смею сказать, является скандалом для партии.

– Группы Петерсона еще живы?

– Да, группы Петерсона в Соединенных Штатах существуют до сих пор. Они состоят из транзитных иммигрантов, в основном итальянцев и немцев. Они также издают газеты. Но это искусственные образования, они не спонтанны. Благодаря акценту рабочего движения эти и другие анархистские группы продолжают жить – отчасти в силу традиции, отчасти по инерции, – но они не представляют собой ничего действительно живого...²²

²¹ Элизе Реклю (1830-1905) – французский анархистский мыслитель высоких достоинств и выдающийся географ, автор книг «*Nouvelle Geographie Universelle – La Terre et les Hommes*» (Новая Всеобщая География – Земля и Люди) (19 томов) и «*L'Homme et la Terre*» (Человек и Земля) (6 томов). Существует важная работа Макса Неттлау о Рекле: «*Elisée Reclus, La Vida de un sabio, justo y rebelde*» (Элизе Реклю, Жизнь мудрого, справедливого и бунтующего человека) (Ed. Revista Blanca, Barcelona 1928, 2 vol, 294,312 pages): есть также недавняя работа Поля Реклю: «*Les Frères Reclus*» (Братья Реклю) (Paris, 1964, 209 pages).

Петр Кропоткин (1842-1921). Один из самых выдающихся анархистских мыслителей и автор многих интересных книг по истории, науке, философии: «Записки Революционера» (автобиографическая), «Современная наука и анархия», «Взаимная помощь», «Этика», «Речи Бунтовщика» и др.

²² Возможно, были какие-то причины для подобного заявления в 1894 году, когда господин Мерлино в последний раз посещал Соединенные Штаты. Его можно было успешно опровергнуть в 1907 году, когда он сделал его в Риме, поскольку *La Questione Sociale*, еженедельник, начавший и регулярно выходивший в Патерсоне, был на 17-м году своей непрерывной жизни и достаточно живым, чтобы быть подавленным по приказу федерального правительства в 1908 году... Только чтобы быть замененным – теми же людьми, в том же месте – *L'Era Nuova* («Новая эра»), которая жила нормальной жизнью, пока не была подавлена в свою очередь бредом, поднятым Первой мировой войной. Сегодня все эти газеты и обзоры, которые Мерлино презирал как бессмысленные, считаются неотъемлемой частью культуры этой страны. Настолько, что газета, которую сам Мерлино основал и возглавлял в Нью-Йорке с 1892 по 1894 год, была бережно сохранена библиотекарями Колумбийского университета и может быть прочитана любым, кто пожелает спросить, или куплена за несколько долларов в микрофильме всеми, кто пожелает обладать ею, вблизи или вдали. Так же, как и более поздние газеты, такие как *Cronaca Sovversiva*, полное собрание которых было микрофильмировано Бостонской публичной библиотекой.

Я хотел завершить интервью вопросом, который интересовал меня больше всего, и поэтому спросил Мерлино:

– Как вы объясните очевидное и успокаивающее снижение числа анархистских выступлений?

– Причины такого неоспоримого снижения сложны. Прежде всего, нужно помнить, что многие выступления анархистов в прошлом имели своим источником деспотическую политику, проводимую некоторыми правительствами. Всем уже известно, что правительства ничего не понимали в интернационалистском движении. Они видели в анархистах свирепых зверей и безжалостно их преследовали. Анархисты, чтобы защитить себя от преследований национальной полиции, искали убежища за границей, где, озлобленные насилием, от которого они страдали, организовывали группы (как, например, итальянская группа в Петерсоне, Нью-Джерси), из которых анархистские идеи распространялись с новой силой. Однако европейские правительства после международных конгрессов, проведенных представителями полицейских сил, пришли к пониманию бесполезности преследований. Они вообще не служили никакой цели, потому что никто не может предвидеть или предотвратить индивидуальный акт одержимого разума. Более того, полиция почти всегда прибывала слишком поздно, даже когда у нее была возможность что-то предпринять. Таким образом, иллюзия того, что анархистские выступления, проистекающие из импульса одиночки, могут быть предотвращены, исчезла. Таким образом, анархистский акт теперь рассматривается как любой другой акт, совершенный по воле индивида и даже иногда спровоцированный причинами не политического характера. Теперь, например, выясняется, что Матео Мораль²³ после разочарования в любви, возможно, выбрал попытку убить короля Испании как средство покончить с собственной жизнью... Как я уже говорил, как только прекратились полицейские преследования в их более жестких формах и ослабли репрессивные меры, поначалу принятые правительствами против анархистов, логично последовало снижение числа нападений...

На этом мои расспросы о современном анархизме были исчерпаны, и я завершил интервью, в котором прозвучало примечательное заявление о том, что с анархистской партией покончено.

Чезаре Собrero

Итак! Мерлино говорит, что²⁴ «анархистское движение больше не имеет никакого значения, потому что та часть анархистских принципов, которая сохранилась, перешла в социализм и пропагандируется им, а утопическая часть была признана таковой и больше не имеет никакой ценности.

Как и *L'Adunata dei Refrattari* (1922-1971) и, полагаю, *Freie Arbeiter Stimme*, периодическое издание на языке идиш, которое наши товарищи издавали с 1890 по 1977 год в Нью-Йорке.

Мерлино приходили и уходили, но их уход оставил следы, которые невозможно стереть или игнорировать.

²³ Матео Мораль, ученый и полиглот, переводил книги для школы Феррера. 31 мая 1905 года в Мадриде он пытался убить короля Испании Альфонса XIII. Через два дня он покончил с собой, чтобы избежать ареста.

²⁴ Галлеани приводит не прямые цитаты, мы тоже не будем.

Поскольку основная часть была поглощена социалистическим движением, анархизм – это не более чем один из многочисленных аспектов, через которые проявляет себя более мощная социалистическая пропаганда».

Заключение: «У анархистов больше нет конкретной политической функции, которую они должны выполнять».

*De profundis...*²⁵ «Анархистское движение не только остановилось, с ним покончено».

Его доказательства? Вот оно: «В анархистском движении больше нет людей первостепенной важности; последними были Элизе Реклю и Петр Кропоткин; из его чрева, некогда столь плодородного, не выходят работы, представляющие заметную научную или политическую ценность; в мир не приходит новое потомство».

Кроме того: «Движение разделено внутренней борьбой между индивидуалистами и организационалистами: последние не могут найти организацию, совместимую с анархистскими принципами; первые, после того как идея расправы, бывшая душой анархистской деятельности, перестала существовать, не могут найти способ действия и не могут существовать без организации, которую они стремятся отвергнуть». Таков, вкратце – хотя и со строгим соблюдением смысла – аргумент Франческо Саверио Мерлино.

Но если бы мы могли доказать, что неизменная часть анархистских принципов никогда не была поглощена социализмом:

- Что та часть, которая была признана утопической и никчемной, отнюдь не является сутью анархистской философии, а лишь остатками древнего якобинства, и что в процессе селекции анархистские идеи утвердились лучше и точнее, чем все другие социалистические течения;

- В этой антитезе целей и средств анархистское движение, по сравнению со всеми другими течениями социализма, является медленным, но упорным предтечей другого, более совершенного общества, чем то, которое было задумано любой другой доктриной и любой другой политической партией, и имеет свою собственную причину для существования, свою собственную специфическую функцию, которую оно должно выполнять;

- Что в анархистском движении всегда были люди первого ранга; что в последние годы оно не только создало работы неопределимой ценности в науке и политике, но и наложило свой отпечаток на все интеллектуальное движение современности;

- Что анархистское движение отнюдь не бесплодно, как жалуется Мерлино, ему не о чем сожалеть, кроме... чрезмерного разрастания;

- Что вызывающая сожаление внутренняя борьба между индивидуалистами и организационалистами – это неизбежный кризис развития, неизбежный процесс отбора: это свидетельство жизнеспособности, энергии и прогресса, а не симптомы истощения и страдания;

Что останется от зловещих софизмов, мрачных пророчеств и горестных причитаний Иеремии... Мерлино?

На руинах его злополучного тезиса остался бы этот победоносный вывод: *анархизм как доктрина и как движение никогда не имел больше, чем сегодня, оснований для*

²⁵ Из глубины души

своего существования, и никогда не заявлял о себе с такой интенсивностью и таким размахом, как в настоящее время; он отнюдь не застыл, он живет, развивается и идет вперед.

Глава 2. Анархизм Мерлино

Мы считаем, что такую демонстрацию легко провести даже лицом к лицу с Франческо Саверио Мерлино, который является грозным дебатером, мудрым, сведущим в диалектике, эрудированным – при условии, что два основных термина дебатов будут точно определены.

Если мы согласны – а я почти уверен, что мы согласны – с понятием *прогресса* и если мы согласны с фундаментальным и характерным значением анархизма, тогда нам остается только проверить содержание анархизма как доктрины, многочисленные аспекты и масштабы его проявлений как движения, по нашему общему понятию прогресса, чтобы сделать вывод – возможно, опять-таки в согласии – содержит ли он еще основу позитивного прогрессивного стремления (даже если оно лежит в далеком будущем), несет ли он в себе энергичные муки буйной жизненной силы или бессвязные конвульсии бедствия и агонии.

Надеясь достичь желаемой и необходимой гармонии этих предпосылок, мы обратимся за понятием прогресса к Льву Мечникову²⁶, философу столь же великому, сколь и неизвестному, к которому Мерлино, несомненно, питает величайшее уважение и доверие. Мы находим его определение прогресса наиболее позитивным и ясным. За понятием анархизма мы обратимся к человеку, о компетентности которого Мерлино имеет самое высокое мнение, ибо этот человек... Сам Ф. С. Мерлино. В известном памфлете *Perche siamo anarchici?* [Почему мы анархисты?] и в остроумном изложении наших принципов, написанном им много лет назад для многотиражного *Journal des Economistes*, он кратко и просто излагает природу и характер наших стремлений²⁷.

В своем великолепном исследовании «*Цивилизация и великие исторические реки*» Лев Мечников пишет о прогрессе:

«В области точных наук под прогрессом понимают ту дифференциацию явлений природы, которая в каждой последующей фазе эволюции проявляется все интен-

²⁶ Лев Мечников (1838-1888). Уроженец Петербурга украинского происхождения, он был исключен из Харьковского университета в 1856 году за участие в студенческой демонстрации. Два года спустя по той же причине его исключили из Петербургского университета. Изучая восточные языки, в 1858 году он был принят в дипломатическую миссию на Ближнем Востоке в качестве переводчика. Но вскоре он оставил миссию и в 1860 году отправился в Италию, где присоединился к экспедиции Гарибальди в Калабрию. Он был ранен при Вольтурно и остался в Италии, где познакомился с Бакуниным и участвовал в революционной деятельности в Испании и других странах. Его политические труды публиковались в герценовском «Колоколе», научные – в русских журналах и газетах. В 1874 году Мечников отправился в Японию в качестве преподавателя русского языка. Через два года он оказался в Швейцарии с рукописью о «Японской империи», которую получил Элизе Реклю, включивший ее в свою работу. Мечников поселился в Швейцарии, где и умер в 1888 году, оставив на попечение Элизе Реклю текст своей книги «Цивилизация и великие исторические реки» (*La Civilization et les Grands Fleuves Historiques*). Книга была опубликована в 1889 году парижским издательством *Librairie Hachette et Cie* с обширным и содержательным предисловием Э. Реклю, содержащим дружеский очерк о богатой событиями жизни автора. (Цитата из оригинального издания, страница 11 или URL: https://www.vir.nw.ru/wp-content/uploads/2018/09/TSivilizatsiya-i-velikie-istoricheskie-reki_filosofiya.pdf стр. 139-140).

Более позднюю биографию Льва Мечникова написал Джеймс Д. Уайт из Университета Глазго и опубликовал в S.E.E.R., Vol. LIV. No. 3, июль 1976 г. под названием «*Despotism and Anarchy: The Sociological Thought of L I Mechnikov*».

²⁷ Ф. С. Мерлино написал два эссе для парижского *Journal des Economistes*. Первое: «*Integration Economique – Expose' des doctrines anarchistes*» (декабрь 1889 г.); второе: «*Le caractere pratique de l'Anarchisme*» (1890 г.). Галлеани ссылается на первую, которая была переведена на итальянский язык в 1892 году (Tip. dell' Etruria, Grosseto).

сивнее. Серия или ряд явлений считаются «прогрессивным», если каждая из составляющих его последовательных ступеней, воспроизводя отличительные свойства всех предыдущих ступеней, вмещает в себе *еще* какой-либо новый элемент, еще не проявлявшийся в предыдущих фазах и, если при всем том новая стадия в состоянии зародить *еще* новые, способные развиваться изменения в последующих стадиях развития.

Мир растений, например, представляет собой «прогрессивно» высшую по отношению к неорганическому, минеральному миру – стадию: помимо процессов, свойственными живым существам процессам питания, роста и размножения. Всякое животное, в свою очередь, является чем-то высшим по сравнению с растением, так как к приобретенному растением оно присоединило еще свои собственные способности движения и чувствительности. Наконец, человек стоит выше всех позвоночных по интенсивности своей интеллектуальной жизни, достигшей такой высоты, к которой неспособны его предшественники»²⁸

Об анархизме как стремлении и философии Мерлино пишет: «Суть анархизма в рамках эволюции мысли и общества – это тотальный образ человека, его интеграция, его потребности, его неизведанные энергии, его бесконечная способность к развитию, его общительность, его многочисленные отношения с себе подобными и с внешним миром». Таким образом, с точки зрения индивидуума, целями анархизма являются:

1. «*Экономическая интеграция* человека, который в настоящее время является фрагментарным или неполным, либо хозяином, либо рабом, разумом или мышцами, путем объединения в каждом человеке качеств как производителя, так и потребителя, путем предоставления орудий и средств производства всем работникам».

2. «*Интеллектуальная интеграция* трудящихся путем объединения физического и интеллектуального, промышленного и сельскохозяйственного труда с помощью разнообразных занятий, чтобы активизировать все человеческие способности (интенсивное развитие человека)».

3. «*Нравственная интеграция* человека; удовлетворение всех его моральных и материальных потребностей; *свобода и отсутствие принуждения личности*; безопасность жизни; полное развитие жизни для всех человеческих существ».

Но в этом обществе, которое хочет предоставить в распоряжение всех работников все средства производства и хочет обеспечить каждому из своих членов удовлетворение всех материальных и моральных потребностей, свободу, отсутствие принуждения и всестороннее развитие каждого человека

1. Кто будет организовывать работу и все ее профессиональные требования?

2. На каких принципах будет строиться организация?

3. Как будет организовано участие каждого в работе и отдыхе?

Мерлино отвечает:

1. Каждый человек, автономный в рамках свободной группы, будет управляться своими интересами.

²⁸ Цивилизация и великие исторические реки: географическая теория развития современных обществ / Л. И. Мечников; перевод с французского М. Д. Гродецкого. – Санкт-Петербург: издание редакции журнала «Жизнь», 1898. – [6], VIII, [2, 206] с.; 22 см. – С. 8

2. Основа организации анархического общества будет заключаться в солидарности всех интересов и взаимном согласии между трудящимися.

3. Каждый будет участвовать как в производстве, так и в потреблении и отдыхе, в соответствии со своими способностями и потребностями.

«Нужно ли правительство, парламент, кабинет министров, полиция, суды?» В анархистской системе ничего подобного не будет. «И как же все это может возникнуть?»

Первым шагом на пути к будущему обществу станет революция, неизбежная потому, что правящие классы уступят только силе. Рабочий должен совершить свою собственную революцию, забрать то, что у него отняли, вернуть себе все, что он произвел, все то, что другие захватили, короче говоря, он должен *экспроприировать собственников и капиталистов*.

«Разве нельзя добиться чего-то хорошего, сделать несколько шагов вперед, участвуя в выборах с официальными кандидатами?»

Нет. Мы точно знаем, что рабочих обманывают на выборах, что они никогда не смогут послать своих товарищей в парламент и... что даже если бы большинство в парламенте составляли рабочие, они не смогли бы ничего сделать.

Вместо того чтобы помочь рабочим, выборы вредят их собственному делу. После избрания на должность даже самые активные и умные из их товарищей становятся отступниками или бездельниками. Людям внушают, что спасение придет сверху, от правительства, от парламента, и они перестают бороться.

* * *

Таков анархизм, доктрина и тактика, по мнению Франческо Саверио Мерлино.

Мы могли бы быть более краткими и, в некоторых моментах, более ясными, черпая основы анархизма у Кропоткина, у Малатесты, Грава, Черкезова или Фора²⁹. Но, как мы уже говорили в начале, мы хотели избежать любого возможного недопонимания, которое могло бы направить дискуссию в неправильное русло, сделать ее бесполезной, бесконечной или безрезультатной; поэтому мы ограничились концепцией самого Мерлино.

Ведь его выводы являются общепринятыми: анархизм – политическая доктрина, направленная на достижение общества, в котором все средства производства, преобразования или обмена являются общей собственностью, где каждый член общества находит полное удовлетворение своих материальных и моральных потребностей и может спонтанно вносить свой вклад в соответствии со своими возможностями и

²⁹ Жан Грав (1854-1939) Французский активист. Редактор исторических изданий: *Le Revolte – Temps Nouveaux*.

Варлаам Черкезов – подданный России из Грузии, входил в кружок Чайковского в Петербурге, друг Кропоткина всей жизни.

Себастьян Фор (1858-1939). Более шестидесяти лет был страстным анархистским активистом во Франции. Писатель, эссеист, издатель и, прежде всего, эффективный оратор. Кроме книг и памфлетов, он оставил монументальную *Encyclopédie Anarchiste* в четырех томах 2894 страницы Ed Li [остальное нечитаемо, примечание издателя].

способностями. Безопасность каждого человека в свободном обществе заключается во всеобщей солидарности человеческих интересов и в свободном согласии заинтересованных людей; все формы принуждения, власти, эксплуатации отвергаются: таковы фундаментальные постулаты социального порядка, называемого *Анархией*.

Общеизвестно, что Мерлино отрекся от этих идей десять лет назад, в 1897 году. Но это не значит, что, если ему приходится говорить об анархизме как о мысли и действии, он не обращается особым образом к идеям и методам, которых он придерживался столько лет с убежденностью, действием и беспримерным самоотречением. Характерными стремлениями анархизма являются: в экономической области – *коммунизм*, в политической – *ликвидация всех форм власти и принуждения*.

Но это двуединое стремление анархизма следует понимать шире и сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Помимо обозначения *общей собственности на средства производства и обмена* (выражение, которое обычно используется всеми ветвями социализма), коммунизм подразумевает в настоящее время целый ряд отношений; он предполагает, что материальные и моральные потребности каждого должны удовлетворяться без каких-либо ограничений, кроме тех, которые налагают законы природы; и, кроме того, он предполагает, что вклад в необходимое дело производства должен вноситься каждым добровольно, в соответствии с его способностями и умениями.

Таким образом, отсутствие власти и принуждения подразумевает не только отмену правительства, законов и установленных сверху социальных порядков; оно подразумевает также – и прежде всего – отмену всех форм централизации функций, даже просто административных...; оно подразумевает не-существование власти, будь то большинства или меньшинства; оно означает свободу автономной личности – всех личностей – в свободном обществе.

Глава 3. Характерные черты Анархизма

Эти цели характерны для анархизма не только потому, что вся анархическая доктрина опирается на них как на фундаментальную основу, но и потому, что *только анархизм пропагандирует их и добивается их реализации*, и, следовательно, они составляют суть, отличающую анархизм от всех других школ социализма.

Если свести противоположности, существующие в различных школах социализма, к тем, которые отличают анархистов-коммунистов от социалистов-коллективистов (это, в конце концов, единственные жизненно важные направления народного социализма, единственные, вовлеченные в этот спор, поскольку, по мнению Мерлино, то, что существенно в анархизме, было поглощено социалистами-коллективистами), то это гораздо яснее выявит точные термины их различий.

В коллективистском обществе, которое пропагандирует (почти без исключений) Международная социалистическая партия, труд и удовлетворение потребностей будут направляться коллективом трудящихся посредством представителей, администраторов, функционеров – короче говоря, тем, что социалисты любят называть «административным правительством», – потому что после исчезновения существующего деления общества на классы политические функции правительства не будут иметь оснований для существования, и правительство будет не чем иным, как советом, которому поручено коллективное управление общественным имуществом.

В анархистском обществе свободный человек в свободном обществе будет лично заботиться о своих интересах. Чтобы представить себе правительство – даже если это будет простое административное правительство – необходимо косвенно согласиться с тем, что «все интересы всего народа сосредоточены в руках немногих; что небольшое число людей действует от имени всего народа; что вместо того, чтобы позволить отдельному человеку думать за себя, его заставляют подчиняться воле тех, кто думает за весь народ».

Все это несовместимо со свободным и эгалитарным обществом, о котором мы говорим.

Контраст становится еще более резким, если сравнить стандарты, с помощью которых коллективистское общество организует участие каждого человека в труде и удовольствиях, со стандартами, которые преобладали бы в анархо-коммунистическом обществе.

Коллективисты-социалисты требуют *от каждого по его способностям*, вознаграждая каждую способность пропорционально ее труду.

Коммунисты-анархисты утверждают, что каждый, кто по своей *свободной воле* участвует в производственном процессе в соответствии со своими возможностями, будет получать в соответствии со своими потребностями.

В то время как коллективисты-социалисты ограничивают свои требования готовым продуктом своего труда, анархисты провозглашают, что независимо от стоимости продукта, отдельный работник имеет право на полное удовлетворение своих потребностей.

* * *

Противопоставление (антитезис) экономических и политических целей двух школ вновь указывает на контраст средств.

В то время как социалистическая партия пропагандирует «борьбу рабочих за немедленное улучшение условий труда – часов, заработной платы, правил торговли и т. д. (реформы) и более широкую борьбу, направленную на завоевание политической власти, государственных и местных органов управления, благотворительных учреждений с целью превращения их из инструментов угнетения в инструменты, способные экспроприировать правящий класс (политическая и административная избирательная конкуренция)»³⁰, анархисты считают, что эффективное завоевание в экономической сфере невозможно до тех пор, пока средства производства остаются собственностью капиталистов. Реформы могут казаться полезными в течение короткого времени. Рабочий, который раньше работал по десять часов в день, а теперь работает только восемь часов, рабочий, который раньше зарабатывал три *лиры* в день, а теперь зарабатывает четыре *лиры*, чувствует, что он что-то выиграл, пока не осознает, что повысившаяся стоимость жизни – неизбежное следствие сокращения рабочего времени и повышения зарплаты – восстановила равновесие к исключительной выгоде... капиталиста. Но анархисты считают, что этот процесс достижения реформ не является и не может быть функцией, ни пролетариата, ни самих анархистов.

Анархисты, как и социалисты, хотят и призывают к экспроприации буржуазии, но они вовсе не надеются ни на ее великодушие, ни на ее филантропию и справедливость. Столкнувшись с яростным напором масс, пытающихся ее свергнуть, буржуазия каждый день выбрасывает из себя немного балласта; она отказывается от своей надменности или идет на бессмысленные уступки – оплачиваемые отпуска, законы о защите женщин и работающих детей, государственная медицина и т. д., но только для того, чтобы сохранить свои обанкротившиеся привилегии.

Это их дело: *реформы остаются – и должны оставаться – заботой и функцией правящего класса*, а не анархистов, да и не социалистов, если они искренне убеждены, что экспроприация правящего класса – неизбежное условие их экономического освобождения.

Поэтому анархисты считают, что вместо неэффективных завоеваний на коротких дистанциях следует предпочесть тактику коррозии и непрерывного наступления, которая требует от забастовок откровенной революционности, большей, чем простое сокращение рабочего дня или требование мизерного повышения зарплаты; которая требует, напротив, опыта более широкой солидарности и все более глубокого сознания как необходимого условия для осуществления *всеобщей экономической забастовки* целой профессии, всех профессий, чтобы добиться, путем неизбежного применения силы и насилия, безоговорочной капитуляции *правлящих классов*. Мерлино и сам знает, что *они поддаются только силе*. Таким образом, вместо пассивного и вежливого сопротивления, которое так горячо рекомендуют социалисты, анархисты предпочитают бойкот, саботаж и, ради самой борьбы, немедленные попытки частичной экспроприации, индивидуальные восстания и мятежи – действия, которые обычно вызывают столько ужаса и проклятий социалистов, но которые оказыва-

³⁰ Статут Итальянской Социалистической Партии.

ют самое энергичное влияние на массы и решаются в моральное преимущество высшего порядка.

Разные стандарты, по которым социалисты и анархисты оценивают реформы, приводят к разным и несовпадающим политическим действиям.

Социалисты считают, что реформы – это необходимый и неизбежный путь к постепенному возвышению пролетариата, и поэтому они заблуждаются относительно преимуществ, которые они могут принести. Они рассматривают проведение реформ как *особую функцию* своей партии, и ради этого они отказались от самой важной и характерной части своих экономических целей. Предприняв целую серию политических битв и завоеваний, они вынуждены были отступить от курса, который так смело взяли вначале, и в итоге спутали себя со старой радикальной³¹ демократией, с которой они яростно порвали за несколько лет до этого.

Их вера в немедленные улучшения, в постепенные достижения и в законодательные реформы должна была примирить их с парламентской деятельностью, поскольку эти реформы могли быть инициированы, одобрены и провозглашены только как законы государства. Это, в свою очередь, должно было примирить их с государством, на которое возлагалось применение и соблюдение законов о реформах. А это неизбежно примиряло их с ненавистной буржуазией, поскольку только при кооперации с ее более передовыми слоями они могли надеяться получить парламентскую санкцию на желаемые реформы.

Это отклонение не только привело Социалистическую партию к отказу от многих из ее первоначальных постулатов, но и толкнуло ее на путь систематических уступок, отвергающих действие и суть самого социализма.

Вместо прямого давления масс на правящие классы социалистическая партия ставит представительство и жесткую дисциплину парламентских социалистов, которые всегда жертвовали общими интересами пролетариата ради своих собственных политических и парламентских функций. И вместо того, чтобы развивать классовую борьбу, которая в прошлом была характерным признаком социалистической организации и деятельности, она приняла классовое сотрудничество на законодательной арене, без которого все реформы останутся тщетной надеждой. Таким образом, необходимость завоевать доверие правящих классов, сотрудничество которых было необходимо для проведения реформ, и государства, которое должно было контролировать их проведение, заставила Социалистическую партию отказаться от основных целей социализма, то есть от экспроприации буржуазии и социальной революции. Это стало со стороны «научного социализма» излюбленной мишенью для саркастического смеха и яростной иронии его пророков-меченосцев.

* * *

Поскольку анархисты ценят реформы такими, какие они есть, – балластом, который буржуазия выбрасывает за борт, чтобы облегчить свою старую лодку в надежде

³¹ То есть либеральной или буржуазной.

спасти печальный груз своих привилегий от потопления в революционном шторме, – они не испытывают к ним особого интереса, кроме как для дискредитации их опасного миража, поскольку уверены, что социальные реформы все равно придут, быстрее, чаще и радикальнее, поскольку атаки на существующие социальные институты становятся все более сильными и жестокими.

Поэтому они всегда решительно сопротивлялись призывам, выступающим за легальные действия, особенно избирательные и парламентские, поскольку анархисты убеждены, что: «В избирательном процессе рабочий народ всегда будет обманут; что ему никогда не удастся провести в парламент своих товарищей, но даже если ему удастся провести туда одного, или десять, или пятьдесят товарищей, они окажутся развращены и бессильны. Более того, даже если бы большинство в парламенте составляли рабочие, они ничего не смогли бы сделать. Мало того, что сенат, король, суд, министры, главнокомандующие вооруженными силами, руководители судебной системы и полиции будут против парламентских законопроектов, выдвинутых такой палатой, и откажутся проводить в жизнь законы в пользу рабочих (такое случилось); но, кроме того, законы не чудодейственны; никакой закон не может помешать капиталистам эксплуатировать рабочих; никакой закон не может заставить владельцев держать свои фабрики открытыми и нанимать рабочих на таких-то и таких-то условиях, заставить лавочников продавать по определенной цене и так далее»³².

В отличие от избирательных и парламентских действий, которые требуют дисциплинированных авторитарных организаций, анархисты выступают за прямое действие рабочих и воздержание от политической деятельности.

Избирательное воздержание анархистов подразумевает не только концепцию, противоположную принципу представительства (который анархизм полностью отвергает), но и, прежде всего, абсолютное недоверие к государству. И это недоверие, инстинктивное для трудящихся масс, для анархистов является результатом их исторического опыта с государством и его функциями, которые во все времена и во всех местах приводили к эгоистичной и исключительной защите правящих классов и их привилегий. Кроме того, анархистское воздержание имеет последствия, которые гораздо менее поверхностны, чем инертная апатия, приписываемая ему надменными карьеристами «научного социализма». Он лишает государство конституционного обмана, с помощью которого оно выставляет себя перед доверчивыми людьми как истинного представителя всего народа, и тем самым разоблачает его сущностный характер как представителя, прокурора и полицейского правящих классов.

Недоверие к реформам, к государственной власти и к делегированной власти может привести к прямому действию в борьбе за разрушение и защиту. Оно может определить революционный характер этого двуединого действия; и, соответственно, анархисты рассматривают его как лучшее средство подготовки масс к управлению своими личными и коллективными интересами; и, кроме того, анархисты чувствуют, что уже сейчас рабочий народ вполне способен управлять своими политическими и административными интересами, и, осознав опыт прошлых ошибок, он продвигается к высшим формам освобождения – социальной революции, экономическому коммунизму, анархии!

³² Из эссе Мерлино: «*Perche Siamo Anarchici?*» (Почему мы Анархисты?)

Противоположность между социалистами и анархистами проявляется и в средствах пропаганды и действия.

Социалисты нуждаются в авторитарных организациях, централизованных и дисциплинированных, для своей юридической и парламентской деятельности. Их действие заключается в передаче власти всеми кому-то, делегату, представителю, индивидууму или группе, и поэтому их действия обречены на то, чтобы быть ограниченными в удушающих рамках существующих законов.

Анархизм отвергает власть в любой форме: принципу представительства он противопоставляет прямое и независимое действие индивидов и масс: эгалитарному и парламентскому действию он противопоставляет восстание, мятеж, всеобщую забастовку, социальную революцию.

Таким образом, кратко определив черты, отличающие анархистскую теорию и анархистское движение от социалистов, нам остается только соотнести их с понятием прогресса.

Согласно Мечникову – а мы ссылаемся на него, потому что считаем, что никто другой не дал лучшего определения прогресса, – под прогрессом понимают ту дифференциацию явлений природы, которая в каждой последующей фазе эволюции проявляется все интенсивнее. Серия или ряд явлений считаются «прогрессивным», если каждая из составляющих его последовательных ступеней, воспроизводя отличительные свойства всех предыдущих ступеней, вмещает в себе *еще* какой-либо новый элемент, еще не проявлявшийся в предыдущих фазах и, если при всем том новая стадия в состоянии зародить *еще* новые, способные развиваться изменения в последующих стадиях развития.

Итак, в череде тех социальных явлений, которые обозначают ступени эволюции собственности и государства, экономических и политических форм, какое место занимают анархо-коммунизм и социалистический коллективизм? Какая из этих двух доктрин и движений воспроизводит все черты предшествующих фаз, добавляет новую черту, не существовавшую на предыдущих фазах, и будет зародышем новой черты, появляющейся на всех последующих фазах?

Решив этот первый пункт, мы придем к решению основной проблемы.

Очевидно, что если удастся доказать, что анархо-коммунизм соответствует этому определению прогресса гораздо больше, чем социалистический коллективизм, то нельзя будет больше говорить о вырождающемся и умирающем анархизме; вместо этого можно будет сделать вывод, что, наоборот, социализм вырождается и умирает. Как жизненная сила, энергия и возможность реализации являются условиями прогресса, так инерция, неподвижность и смерть являются его противоречием и отрицанием.

Для нас эта демонстрация кажется простой. Достаточно взглянуть на историческую эволюцию собственности, чтобы увидеть прогрессивную последовательность ступеней, отмечающих путь от рабства к экономической свободе.

Алчная и властная в своих истоках, которые заключались в мошенничестве и насилии, *собственность*, то есть право беспрепятственно пользоваться и злоупотреблять своими вещами (а хорошо бы помнить, что в те времена к числу таких *вещей* относились и *люди*), не знала ни противодействия, ни ограничений, ни даже необходимости объяснять или оправдывать ее. Это было право, санкционирован-

ное известным афоризмом: «Да будут благословенны собственники, ибо на вопрос, почему они владеют, они могут ответить просто: “Потому что мы владеем!”».

Но наглые, высокомерные оскорбления вызывают гнев, провоцируют протесты, разжигают бунт и стоняют проклятие с сердец покорных крепостных. Евангелие, святые отцы церкви, христианское учение клеймят богатство как преступление, богатых – как врагов бога, наставляя, что верблюду легче пройти через игольное ушко, чем богатому – через врата рая; христианство противопоставляет абсолютному праву собственности *благотворительность*, как награду за отказ от собственности, как знак благодати.

Права человека – едва забрезжившие на горизонте Рима – через Адриана и Марка Аврелия³³ отнимут у собственности, как первое завоевание, право жизни и смерти над рабами, а затем, достигнув зрелости, потребуют, чтобы он жил честно, никого не обижал и воздавал каждому человеку по заслугам.

Несмотря на кровавое восстание анабаптистов, собственность останется привилегированной, феодальной, господской в Средние века, но она будет смиряться и стремиться оправдать себя. Поэтому феодал – это должная и достойная награда за храбрость на войне или за политическую мудрость, проявленную предками на службе королю, церкви или стране. Это, прежде всего, награда за постоянную верность и преданность их потомков.

После того как на развалинах Бастилии были провозглашены права человека и гражданина, равенство прав и обязанностей, начинается революция гораздо более глубокая, чем та, что проросла из уст энциклопедистов, – революция, основанная на замене индивидуальных усилий механическими и коллективными средствами. И собственность больше не ищет своего оправдания в инвеституре, законных дарах или правах, а в гении, в экономии, в необходимой кооперации, которую буржуазия и капиталисты оказали революции, в бесспорном улучшении общего состояния жизни.

Хотя в реальной жизни все осталось неизменным по своей сути, какое расстояние было пройдено в этической и юридической сфере от древнеримской концепции собственности, которая давала хозяину абсолютное право жизни и смерти над своими рабами, до законов, существующих сегодня в более развитых странах, которые, признавая право рабочих на безопасность и пенсии, санкционируют *социальную функцию собственности!*

Социальная функция собственности, которая, в конце концов, является чистым и явным отрицанием права на частную собственность, была осознана *Жаками* (во время Жакерии), восставшими под предводительством Кайле в XIV веке с криками «Огонь по замкам!»; анабаптистами Томаса Мюнцера в XVI веке, которые в своем провозглашении веры выступали за «*совершенную общину собственности, искупленную духом*»³⁴; эгалитаристами Бабефа и Буонарроти, которые после Французской

³³ Два римских императора: Публий Аэлий Адриан, с 117 по 138 год н.э.; Марк Аврелий Антонин, с 161 по 180 год н.э.

³⁴ Славный малый Жак – ироничное название, которое помещичья аристократия дала крестьянам в XIV веке. Жакерией называли восстание против феодализма, вспыхнувшее во Франции под предводительством Гийома Кайе или Славного малого Жака. С XIV по XVI век «жакерии» появились, помимо Франции, в Италии, Англии и Германии. Анабаптизм – протестантская секта, возникшая в Цюрихе в 1523 году. Они были, в частности, следствием недовольства народа и озабоченности более радикальных

революции были безнаказанно узурпированы буржуазией, «... главным образом потому, что она хотела навязать одну форму правления другой, не заботясь об условиях жизни тех, о ком любое правительство, считающее себя законным, должно заботиться и обеспечивать», – провозгласили, что «...главными источниками всех зол, преследующих человечество, являются неравенство состояний и частная собственность»³⁵; и английские левеллеры, которые в XIX веке утверждали, что «владельцы земли – воры и убийцы, которые должны быть уничтожены, и провозгласили, что вся земля является общей собственностью человечества»³⁶.

Задача современного социализма – ясный диагноз и непримиримая критика со стороны Годвина и Оуэна, Сен-Симона и Фурье, Прудона, Маркса и Бакунина³⁷ – указать на ужасные симптомы, из которых проистекают всевозможные беды и страдания; тщательно искать их глубокие причины; выявить и определить социальную функцию собственности; и сделать из этой смелой предпосылки беспристрастный вывод, что *все должно принадлежать всем, и представить гипотезу мира без бога, без царя, без правительства, без хозяев*.

Но тенденция к ослаблению наглости частной собственности (тенденция, которая есть не что иное, как желание тех, кто производит, освободиться от капиталистического гнета) не погашается и не ослабевает от того, что государство и закон соглашаются и принимают некоторые символические уступки, согласно которым собственность должна иметь социальную функцию.

И действительно, во второй половине XIX века с этой уступки, сугубо теоретической и формальной, начинается медленное и неумолимое исследование института частной собственности, завершающееся его неизбежным осуждением. Главным неумолимым исследователем выступает Прудон, и, хотя впоследствии он был отвергнут своими учениками почти во всех ветвях социализма, доказательства и элементы вины, собранные им, насмешливо всплывают каждый раз, когда критика частной собственности возобновляет свою разрушительную задачу³⁸. Из трагических выводов Прудона родились идеал и движение социализма, чтобы представить новую концепцию и привнести в ряд явлений, знаменующих прогрессивную эволюцию от рабства к свободе в области экономики, новую характеристику, которой не было в

элементов проблемой собственности. Анабаптистами их называли потому, что они утверждали, что крещение должно совершаться в разумном возрасте. Об анабаптистах Томаса Мюнцера см. прекрасный советский очерк советского историка М. М. Смирнова: *Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война* (Москва-Ленинград).

³⁵ Франсуа Нозль Бабёф (1760-1797) и Филипп Мишель Буонарроти (1761-1837), предтечи экономической революции, были арестованы Директорией – правившей в то время во Франции. Бабёф был казнен как предатель Французской республики.

³⁶ «Левеллеры» были самыми радикальными крыльями революционного движения во время Гражданской войны в Великобритании XVII века. В письме от 1 ноября 1647 года они были описаны следующим образом: «Они дали себе новое имя, а именно – Левеллеры, так как они намереваются сделать так, чтобы их не было: Левеллеры, ибо они намерены привести все в порядок и установить паритет и общину в королевстве» (Гарднер: *«Great Civil War»*).

³⁷ Уильям Годвин (1756-1836), Роберт Оуэн (1771-1858), Клод Сен-Симон (1760-1825), Шарль Фурье (1772-1837), Пьер-Жозеф Прудон (1809-1865), Карл Маркс (1818-1883) и Михаил Бакунин (1814-1876): все они внесли свой вклад в попытку провести теоретический социализм от смутных и утопических устремлений к более конкретным и точным концепциям.

³⁸ Это отсылка к прудоновской книге «Что такое собственность?».

предыдущей фазе и которая станет зародышем нового эволюционного периода в последующих фазах.

Социалистическая теория пришла к выводу, что *«Будучи сам по себе результатом ума и энергии мужчин и женщин всех времен и народов, капитал – собственность, которая вечно обновляется только в силу этой всеобщей активности, – не может быть источником личной власти, а должен быть социальной силой, которая поэтому должен потерять свой классовый характер и стать общественной собственностью каждого человека».*

Глава 4. Социалистический Коллективизм и Анархистский Коммунизм

Эта новая характерная черта социализма еще не появилась в мысли классической демократии, которая, следуя по стопам Ледрю-Роллена и Мадзини³⁹, все еще бредит утопией невозможного союза капитала и труда, невозможной гармонии между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Социалистическая философия же представляет эту характеристику как *общественную собственность на все средства производства и обмена*.

Итак, социалистическое движение представляет собой прогресс по сравнению со старой демократической доктриной, которая усыпляла нас своими старыми детскими песенками о союзах и гармонии.

Этот прогресс становится все более и более очевидным по мере того, как огромный пролетариат всех стран, призванный к действию и восстанию новыми социальными теориями, вдохновляет и ускоряет селекцию в самой социалистической партии.

Потому что, даже если в целом нет разногласий ни по главному пункту (отмена частной собственности на средства производства и обмена), ни по конечной цели (общественная собственность на эти средства производства и обмена), даже если в целом нет разногласий по средствам, необходимым для осуществления великих преобразований, даже если в целом согласны, что освобождение трудящихся должно быть результатом собственных усилий трудящихся и что экспроприация буржуазии может быть осуществлена только «...путем насильственного разрушения существующих общественных порядков»; все же разногласия и трения будут возникать, резкие и многочисленные, на каждом шагу, как только движение будет переходить от теории к практике и эксперименту, как только будет выдвигаться гипотеза об отношениях, которые должны связать вместе жителей счастливого города, который революция воздвигнет на развалинах частной собственности.

Так, в Международной ассоциации рабочих, когда возникла проблема, как перевести общую формулу «общественная собственность» на все средства производства и обмена в термины, точно описывающие то, чего все хотят, многие сказали «коллективизм», многие другие «коммунизм», одни сказали «социалистическое государство», другие хотели «анархию»; одни предпочитали «завоевание власти», другие «социальную революцию».

Отсюда разногласия по поводу экономических и политических целей, разногласия по поводу средств пропаганды и действия. И мы уже отмечали, что первоначальные разногласия со временем превратились в непримиримый антагонизм.

Две основные противоборствующие школы были совершенно согласны в вопросе о незаконности частной собственности и выступали за обобществление всех средств производства и обмена, и вместе они привнесли в борьбу за экономическое освобождение новую концепцию и привнесли в континуум эволюционных явлений более прогрессивную фазу. Теперь проблема состоит в том, чтобы выяснить, осталась ли и в какой степени каждая из двух школ верна этому понятию прогресса сразу после периода широких обобщений; сохранила ли каждая из них, торопясь применить

³⁹ Александр-Огюст Ледрю-Роллен (1807-1874) – представитель французской демократическо-республиканской оппозиции в парламенте, имевший в качестве печатного органа газету *La Presse*.

Джузеппе Мадзини (1805-1872) итальянский знаменосец республиканской демократии. Подробнее об анархистском взгляде на его идеи можно узнать из сочинений Бакунина – «*Политическая теология Мадзини и Интернационал*», «*Ответ одного интернационалиста Мадзини*» и другие.

принципы к реальности, что-либо и сколько из старых систем, осужденных историей, критикой и разумом; сколько каждая из них несет с собой инертного, мертвого или утопического; и, наконец, какая из них имеет право говорить от имени жизни и будущего.

Теперь те, кто говорил «коллективизм», подразумевали *обобществление, ограниченную средствами производства и обмена*. «Мы ни в коем случае не хотим отменить частное присвоение продукта труда... Мы хотим отменить жалкий способ присвоения, при котором рабочий живет только для увеличения капитала и живет только до тех пор, пока этого требуют интересы господствующего класса».

Эту же мысль с еще большей точностью выразил Андреа Коста⁴⁰ после своего обращения к парламентскому социализму. На съезде Итальянской социалистической партии в Мантуе 26 сентября 1886 года он определил коллективизм как «...обобществление средств производства, сохранение за индивидуумом в качестве частной собственности результатов его труда, обеспечивая тем самым права сообщества, с одной стороны, и права рабочего – с другой».

В своей «*Квинтэссенции социализма*» Шафл говорит о том же с меньшей ясностью, но более четко: «Замещение частного капитала коллективным означает, что вместо системы частного производства возникает система, основанная на коллективной собственности на все средства производства. Помимо того, что такая система производства обеспечивает более единую, более социальную, более коллективную организацию труда, она устраняет повседневную конкуренцию; она ставит ту часть производства, которая поддается коллективному управлению, под руководство профессиональных организаций и корпораций, а также обеспечивает разделение или распределение коллективных продуктов в соответствии с общественной стоимостью труда каждого рабочего»⁴¹.

Далее, ясно, что при коллективизме социализация собственности – та новая черта, которая поднимает социалистическую мысль и движение на уровень прогресса, неизвестный всем предшествующим теориям и школам, – ограничивается средствами производства, а за отдельным работником сохраняются все права на плоды его труда.

Коллективистская предпосылка обобществления средств производства революционна в той мере, в какой она вытесняет все старые отношения, все старые формы и

⁴⁰ Андреа Коста (1851-1910) – один из основателей Итальянской Социалистической партии. В начале был бакунистом и вместе с другими бакунистами Карло Кафiero, Джузеппе Фанелли и Эррикой Малатестой основал в 1872 году Итальянскую Федерацию Первого Интернационала. После 1877-1878 годов стал дрейфовать в сторону марксизма и в 1882 году был избран в парламент от крайне левой фракции.

9 июня 1877 года выступил с докладом о «пропаганде действием». 5 августа того же года в «Бюллетене Юрской федерации» появилась статья «Пропаганда действием», написанная при участии Поля Бруссе и призванная разъяснить смысл этого термина, о котором «в последнее время часто говорят в Юрской федерации». По мнению авторов статьи, привычные методы социалистической пропаганды – индивидуальные беседы, митинги и лекции, печатная агитация – носят теоретический характер и явно недостаточны. Пропаганда действием нацелена на то, чтобы пробудить более широкие слои трудового населения, включая тех, кто не ходит на митинги и не читает прессу и брошюры. При этом она не является способом совершения революции, путчи́змом, когда небольшая группа заговорщиков действует вместо народа и для него.

⁴¹ Альберт Шафл (1831–1903) Его «*Quintessence of Socialism*» была опубликована весной 1874 года.

тем самым противопоставляет частной собственности коллективную общественную собственность на все средства производства. Но она остается хранительницей старого абсурдного иррационального буржуазного критерия компенсации, поскольку регулирует долю каждого в продуктах общего труда, даже если эта компенсация должна быть распространена на конечный продукт труда каждого.

Конечно, вывод, который социалистический коллективизм делает из революционного обобществления всех средств производства, иррационален, абсурден и утопичен, поскольку не решает политической проблемы равенства и свободы; поскольку подтверждает, а не снимает гипотезу государства, против которой социалистическая критика боролась полвека; поскольку не подкреплён логическим и позитивным критерием; поскольку никогда не найдет практических средств объяснения, если они не основаны на грубом беззаконии, глупых привилегиях, вопиющих неравенствах и противоречиях.

Демонстрация скрыта в самой форме, которую принимает коллективизм. Он предлагает общество, основанное на *общей собственности на все средства производства и обмена и частной собственности на собственный труд*, – формула, создающая изначальное неравенство, которое окажется ящиком Пандоры, из которого выйдут все виды соперничества, ненависти и конкуренции, хуже и смертоноснее, чем социальное неравенство, существующее в наше время.

Социалисты говорят, что каждый будет получать стоимость своего труда из продукта коллективного труда. Но мы уже сейчас знаем, что интеллект, сила, активность, способности и физические возможности у каждого человека разные, поэтому количество и качество производимой ими продукции будет разным, и при этом каждый работник будет иметь право на получение своей доли продукта. Таким образом, следует признать, что жители коллективистского города будут удовлетворять свои потребности в *неравной* степени, поскольку очевидно, что те, кто производит больше и лучше, будут иметь право на получение большей части продукта общественного труда, чем те, кому не повезло, кто, будучи менее сильным и менее способным, будет производить меньше или с большим напряжением сил.

И вольно или невольно придется признать, что это первый абсурд, первое неравенство и первая несправедливость.

Абсурд, потому что ни один профсоюз, пусть даже самый умный и смелый в рамках интернационального коллективизма, никогда не найдет стандарта, с помощью которого можно было бы оценить усилия и напряжение, которые вынуждены прилагать его члены – разные и по-разному развитые – для того, чтобы внести свой необходимый вклад в коллективное производство. Он также не найдет средств, чтобы оценить грубый ручной труд, требующий минимальных усилий от сильного, умного молодого человека, но причиняющий огромную боль слабому, менее умному и неловкому человеку, который, тем не менее, будет должен показать общую сумму выполненной работы, прежде чем он предъявит список своих потребностей. Помимо простого ручного труда, еще труднее будет определить стоимость заработной платы, причитающейся за труд, менее измеримый по своей природе и процессам, но не менее полезный по своим результатам, – когда, например, нужно определить потребительскую стоимость теоремы Паскаля, закона тяготения Ньютона или беспроволочной телеграфии Маркони.

Даже если бы такой невозможный критерий оценки был найден, несправедливость не стала бы менее очевидной и реальной. Тот, кого природа или удачное стечение обстоятельств наделили сильным телом, острым умом или более выраженной склонностью к любым трудным начинаниям, сможет производить в изобилии без усилий и боли, в то время как тот, кто получил от несправедливой природы или менее удачного стечения обстоятельств более слабое тело, менее сильный ум или менее разнообразные способности, будет производить с болью и в меньшем объеме.

Очевидно, что если и нужно что-то принимать во внимание, то это должно быть сделано в пользу тех, кто находится ниже среднего, потому что их потребности более многочисленны и более насущны, чем потребности, которые менее многочисленны и менее насущны у здоровых и нормальных людей, которые находят удовольствие и удовлетворение в своей работе.

Напротив, с мальтузианством, которое не может быть более идиотским или жестоким, коллективизм оставляет для менее одаренных все муки социального ада; и он гарантирует тем, кто от природы обладает всеми благами интеллекта и способностью выполнять разнообразную работу, все радости жизни с самого начала.

Таким образом, из брака абсурда с несправедливостью мы имеем социалистический коллективизм, воссоздающий разделение общества на два класса: класс сильных, быстрых, удачливых, которым гарантированы все удовольствия, и класс слабых, медлительных, неумелых, чьим вечным наследством будут лишения, позор и нищета.

Ненависть, соперничество и нездоровая ревность будут проистекать из неравенства частной собственности на продукт труда в более яростной форме, чем то неравенство, которое разжигается в наше время частной собственностью на все средства производства и обмена.

Уже сейчас социалистический коллективизм предвидит такое неравенство и последующее разделение общества на два враждебных класса; и он пытается избежать этого с помощью *государственного управления*, созданного для контроля над производством и распределением и для восстановления, где это необходимо, социального равновесия, нарушенного социальным неравенством.

Правда, коллективисты спешат добавить, что новое государство будет выполнять лишь административные функции и что, следя за *вещами*, оно будет тщательно воздерживаться от того, чтобы быть правителем *людей*. Но более ортодоксальные выразители социалистического коллективизма, такие как Моргари, выступают против этого косного софизма. Он пишет: «Невозможно понять, что на практике может означать различие между управлением людьми и управлением вещами. В наше время государство делает и то, и другое: оно управляет гражданами и непосредственно распоряжается пятой частью богатства страны. При социализме мы в равной мере имеем и управление вещами, и управление людьми, и они были бы связаны законом с еще большим числом и глубиной общественных обязанностей, чем сегодня»⁴².

⁴² Оддино Моргари (1865-1929) – депутат от Социалистической партии. Был секретарем Итальянской социалистической партии и некоторое время редактором ее органа «Аванти!».

В отличие от буржуазного режима, который, несмотря на всю свою конституционную ложь, является властью меньшинства над большинством, социалистический коллективизм может быть властью большинства над меньшинством, и даже если предположить, что это может быть смягченной формой тирании, он все равно будет представлять собой отрицание свободы, настолько, что тот же Моргари, который предвидит человека, вооруженного образованием и правом голоса, но контролируемого общественным договором; т.е. законами, которые время от времени будет утверждать большинство, вынужден признать, что коллективизм будет, по необходимости, поддерживать...авторитарный принцип, то есть средства принуждения, регулирующие труд и другие социальные институты, и что поэтому коллективизм – более низкая ступень социальной эволюции по сравнению с анархизмом.

Только наш старый добрый Мерлино должен был оправдать чары социалистического коллективизма среди слабоумных и реабилитировать его репутацию среди масс как высшей ступени социального прогресса, к вящему его смятению и унижению, по сравнению с либертарным коммунизмом.

* * *

Между тем, в отличие от путаной и противоречивой предпосылки общей собственности на все средства производства и обмена, сдерживаемой частной собственностью на продукт собственного труда, которой размахивает социалистический коллективизм, либертарный коммунизм начинается с двух логических терминов, гораздо более соотносимых и позитивных: *общая собственность на все средства производства и обмена и равное право каждого получать из общего продукта коллективного труда в соответствии со своими потребностями*. Это означает, что из революционной предпосылки (обобществление средств производства) коллективизм делает реакционный вывод (вознаграждение по труду, а не по потребностям) и восстанавливает тем самым в коллективистском городе все то же экономическое и политическое неравенство, все старые и дискредитировавшие себя правовые и нравственные отношения. Напротив, либертарный коммунизм из революционной предпосылки (общая собственность на все средства производства и обмена) делает столь же революционный вывод: каждому по потребностям, который одновременно смещает ось всех старых отношений, правовых, политических и моральных, и тем самым провозглашает новую идею, раскрывающую также в этической и политической сфере новую черту, отсутствовавшую до последнего времени, которая станет зародышем нового революционного периода, отрицающего *власть над человеком* и утверждающего автономию и анархию.

По сути отвергая абсурдное и произвольное понятие вознаграждения (которое, вместе с его противоположными полюсами, поощрением и наказанием, воспроизводит в коллективистском мире католическое противопоставление порока и добродетели, католическое предопределение к раю или аду, в зависимости от того, хорошо или плохо будущие граждане проявят себя в выполнении необходимой задачи производства), либертарный коммунизм отвергает утопию, бессвязность и

несправедливость коллективистской претензии на измерение усилий и энергии каждого работника с целью вознаграждения его в соответствии с потребительной стоимостью его труда, и тем самым решает проблему участия каждого в продукте коллективного труда без произвольных ограничений, без одиозного контроля, без оскорбления справедливости и свободы.

Либертарный коммунизм не считает, что права и пределы такого участия должны диктоваться заслугами или недостатками, большими или меньшими способностями и производительностью отдельного работника. Он должен вдохновляться неоспоримым правом каждого организма пройти весь путь и в наилучших возможных условиях в своем восхождении от самых элементарных к высшим и более сложным формам; это должно быть неоспоримое право каждого человека расти, развивать свои способности во всех отношениях, достигать своего полного и целостного развития.

Восхождение организма от зачаточного до полностью развитого состояния характеризуется целым рядом все возрастающих и разнообразных потребностей, требующих удовлетворения, и его прогрессивное развитие является результатом более или менее полного удовлетворения этих бесчисленных и бесконечно разнообразных потребностей.

Новорожденный, который при первом контакте с воздухом и светом протестует своим первым криком, предупреждает нас о том, что изменение температуры слишком резкое и что он не сможет приспособиться к новой среде без опасности, без боли и без множества предосторожностей. Новоиспеченная мать, которая еще на низших стадиях животного мира предвидела эти опасности, устилает гнездо самыми тонкими перьями или шерстью, вырывает пух за пухом из своей больной груди и, как только детеныш появится на свет, накроет его своим теплым телом, чтобы защитить от грубых ласк ветра и солнца.

Это первый шаг, о котором сигнализирует настоятельная необходимость чисто животных, чисто физиологических потребностей. Но, вылетев из гнезда, выйдя из колыбели, новый гражданин наталкивается на целую цепь переживаний, каждое из которых сложнее предыдущего, требуя от новых органов, которые раньше не использовались или были заброшены, двигаться и функционировать, чтобы добиваться успехов и побед, отгонять опасности, чувствовать удовлетворение и достигать удовольствия, которое они сулят.

Это целый ряд психологических потребностей, которые требуют удовлетворения через эту бурную деятельность; это бесконечная череда «почему?», настойчиво любопытных и, к счастью, неисчерпаемых, которыми дети доводят нас до изнеможения. При этом они дают нам знать о своей потребности понимать, знать, учиться, а мы пытаемся удовлетворить эту потребность с помощью наших личных знаний, с помощью школ и книг, с помощью воспитательной работы, которая отражает и воплощает в себе наследие опыта, кропотливо накопленного за века страданий и ошибок.

Еще один шаг. Другие последуют позже. Но чем больше мы продвигаемся вперед, тем сложнее и обширнее становится ряд потребностей, который является показателем прогресса, достигнутого как отдельным человеком, так и обществом. Фермер, живущий в альпийской долине, в нынешних условиях своего развития может удо-

влетворить все свои потребности – есть, пить и отдыхать от души; В то время как рабочий, живущий в Лондоне, Париже или Берлине, может охотно отказаться от четверти своей зарплаты и нескольких часов отдыха, чтобы удовлетворить целую категорию потребностей, совершенно неизвестных крестьянину, затерянному среди ущелий Альп или вершин Апеннинских гор, – провести час напряженной и трогательной жизни в театре, в музее или в библиотеке, купить недавно вышедшую книгу или последний номер газеты, насладиться спектаклем Вагнера или лекцией в Сорбонне.

Поскольку эти потребности меняются не только в зависимости от времени и места, но и от темперамента, предрасположенности и развития каждого человека, очевидно, что только тот, кто испытывает и чувствует их, в состоянии оценить их и адекватно измерить удовлетворение, которое они могут дать.

Поэтому, выводя меру доли каждого человека в общем общественном производстве из потребностей, из сложных и бесконечных потребностей каждого организма, а не из общественной потребительной стоимости труда каждого, анархист-коммунист руководствуется не только логическим мотивом, но и исключительно практическим критерием равенства и справедливости.

Само буржуазное возражение, что совокупное производство недостаточно для полного удовлетворения потребностей каждого, относится к тем возражениям, которые были с триумфом отвергнуты социалистами-коллективистами, а также анархистами-коммунистами. Более того, они и сейчас легко побеждаются, ежедневно, на основе неоспоримых фактов, в противовес всем *laudatores temporis nostri*, [тем, кто восхваляет наше время (т.е. «старые добрые времена»)].

Поэтому нет смысла повторять здесь в тысячный раз одно и то же опровержение. [Луиджи Галлеани, который очень восхищался Кропоткиным, вероятно, имел в виду его многочисленные работы на эту тему; например, «Хлеб и Воля», «Современная наука и анархия», «Поля, фабрики и мастерские»].

Поскольку способы и мера удовлетворения потребностей варьируются от человека к человеку, в зависимости от его развития и конкретной среды, в которой он живет, а право на их удовлетворение тем способом, который каждый человек, единственный судья для самого себя, считает удобным, остается равным для всех; равенство и справедливость не могли бы получить более реальной и искренней санкции, чем та, которую дает либертарно-коммунистическая концепция будущего общества. Все имеют равное право на полноценную жизнь – сильные и слабые, умные и глупые, способные и неумелые; и, независимо от того, какой вклад каждый из них внес в общее производство общества, все они имеют одинаковое право на удовлетворение своих потребностей и на достижение высших форм развития.

«Но дает ли эта анархо-коммунистическая предпосылка к свободе, к индивидуальной свободе, столь же логичную и надежную гарантию? Предположим, что среди обитателей будущего общества есть те, кто любит праздно проводить время и отказывается выполнять какую-либо работу? Разве вы не будете вынуждены, исходя из необходимости, заставить их что-то делать? Не означает ли это возвращение власти с ее дикой свитой принудительных институтов?»

Это возражение менее серьезно, чем может показаться на первый взгляд. Из экономических отношений, господствующих в буржуазном обществе, можно вывести

причины, по которым некоторые отказываются работать на определенных видах работ, а некоторые вообще отказываются от какой-либо работы.

В настоящее время труд носит подневольный характер; он не выбирается свободно, в соответствии со способностями; он не дает никакого удовлетворения, ни материального, ни морального; он предлагает только риск, лишения, унижения; он неопределенный, болезненный, чрезмерный, оплачивается обратно пропорционально его продолжительности; его ищут неохотно, выполняют с отвращением; его терпят, короче говоря, он как наказание, как проклятие. Отвращение, которое он вызывает в настоящее время, вполне понятно, как понятен и ужас, с которым на труд, это неизбежное условие жизни, смотрят несчастные, несущие на своих лицах, на своих глазах, на своей измученной плоти клеймо всех отклонений и вырождений, вызванных веками рабства, лишений, бедности, горя, жестокости, – все это спрессовано в состояние задержанного развития, которое делает их неспособными ни к какой плодотворной функции, ни к какому оригинальному действию.

Однако пересадите это шаткое потомство склеротиков, пьяниц, больных артритом и проституток в более здоровый социальный климат, в мир равных, где производством управляет коллективный интерес, а не прихоть и спекуляция; где оно ограничено тем, что необходимо и приятно, исключая все глупое, бесполезное или вредное, от жалких сейфов до чудовищных линкоров; освободить место в рядах искупительного труда для всех тех сил, которые ныне прозябают, одураченные всевозможной ложью и мошенничеством, всеми злодеяниями ростовщичества, инквизиции и убийства – в монастырях, казармах, тюрьмах, в бесконечных кругах бюрократии; посмотрите на прогресс последних пятидесяти лет и подсчитайте прогресс, который неизбежно произойдет в течение следующих пятидесяти лет благодаря применению науки в промышленности; откройте для всех театры и школы, гимназии и академии; Пусть для всех будет воздух и хлеб, солнце и радость, жизнь и любовь – и тогда скажите нам, будет ли труд, краткий по часам, разнообразный по роду, свободно выбираемый каждым работником по его собственному предпочтению, в котором безопасность интеллектуальной и физической жизни будет накапливать и поддерживать все виды энергии; скажите нам тогда, откажется ли кто-нибудь участвовать в работе, которая стала источником радости для духа, физиологической необходимостью и общепризнанным условием жизни и всеобщего прогресса.

Каждый будет работать в меру своих способностей и сил.

«Еще одно *если*, как обычно», – шепчет упрямый несогласный... не задумываясь, что его возражение (что в новом обществе всегда найдется кто-то, не желающий работать) – это опять-таки предположение – с той разницей, что оно лишено позитивной и научной основы, которая поддерживает анархо-коммунистическое предложение будущего.

Давайте разберемся. Инерция – это свойство, благодаря которому объект сохраняется в том состоянии, в котором он находится, пока на него не подействует внешняя причина, но никому не приходит в голову определить ее или представить ее как прекращение активности в материи. Это было бы бессмыслицей.

Таким образом, было бы глупостью полагать, что кровь отказывается циркулировать, сердце – биться, мозг – чувствовать и размышлять, что все органы тела коллективно восстают против своих функций. Это было бы смертью.

Но пока в нашем теле происходят постоянные процессы усвоения, элиминации, питания замены, развития, воспроизводства, уменьшения – а это условие и характер нашей жизни, – все наши жизненные энергии будут активны.

Наши оппоненты одержимы многочисленными и глубокими извращениями, которыми режим власти и частной собственности – режим эксплуатации людей другими людьми – испортил все этические человеческие отношения и чувства. И, забывая или пренебрегая тем фактом, что человек, его прогресс, его интеллект и его мораль тесно связаны с окружающей средой, в которой он живет, они могут опасаться, что многие жители будущего города будут испытывать сильнейшее отвращение к определенным видам труда и, поощряемые отсутствием какой-либо принудительной силы, могут восстать против него. Но это возражение разрешается свободой каждого выбирать работу или профессию, занятие, наиболее соответствующее его способностям или склонностям.

Нельзя всерьез утверждать, что непокорные люди, *не желающие работать на определенных работах*, откажутся работать на *вообще любой работе* и пустятся в свободное плавание, как огрубевшие курильщики опиума или как блаженные буддистской нирваны, устранившись от любой деятельности путем полного уничтожения себя.

Удовлетворять свои потребности, питать себя физически и интеллектуально – значит накапливать сокровища сил, изгибать дугу своей энергии, оттачивать волю, заставлять свой жизненный пыл искать в действии, в любом действии, свой выход, свой выпускной клапан. Молодые, которые, невзирая на усталость и опасности, ежедневно подвергают свою молодость всевозможным рискам, являются истинным показателем этого буйства, этой самоотверженной стремительности, которая есть не что иное, как результат легкого и постоянного процесса усвоения нового, процесса, который у стариков – чей организм, достигнув своего максимального развития, начинает угасать – становится медленным, болезненным, неисправным, едва достаточным для сохранения угасающей энергии, сковывающей активности, ускользающей жизни. Это борьба изобилия с упадком: первое – альтруизм, бесстрашие, самоотверженность, щедрость; второе – эгоизм, подлость, расчет, страх, консервативное недоверие.

Для того чтобы поверить в возможность, в осуществление общества без частной собственности и без правительства, не обязательно, чтобы люди были ангелами. Достаточно, чтобы это общество было способно удовлетворять потребности всех своих членов на земле, которая снова стала великой матерью всех нас, плодородной благодаря человеческому труду, освобожденной от всех унижений и ярма ненужных обязательств. Буржуа, которые в состоянии в значительной степени удовлетворить эти потребности, являются лучшими свидетелями того, что если энергию можно направить, то ее нельзя ограничить, так что опасения наших противников относительно инертности и праздности просто абсурдны: фехтование, верховая езда, катание на лодках и моторах, альпинизм, океанские путешествия, политика, дипломатия, филантропия, тропические и полярные экспедиции – все это не что иное, как различные аспекты, физические или интеллектуальные, легкомысленные или благородные, той энергии и жизненного изобилия, которые вырываются наружу в

результате полного удовлетворения потребностей, которыми пользуются правящие классы.

Когда физические, интеллектуальные и моральные потребности каждого человека будут полностью удовлетворены, мы получим в каждом человеке тот избыток энергии, который в настоящее время является исключительной привилегией правящих классов.

Как только сфера образования, науки и искусства – ныне закрытая для большинства человечества – будет открыта, она наполнится огромным потоком бурлящей энергии, ищущей свою самую полезную функцию, свои самые высокие цели. С падением барьеров, разделяющих человечество на классы, и объединением всех человеческих интересов в борьбе с силами природы и внешними угрозами, *ассоциация для борьбы* станет гораздо более эффективной поддержкой цивилизации, прогресса и эволюции, чем *борьба за существование* с ее дикими ежедневными схватками.

Это логический вывод, подкрепленный неопровержимыми доказательствами, и чтобы опровергнуть его, наши противники укрываются за ироничным предположением, что для того, чтобы жить без правительства, без частной собственности и без хозяев, люди вдруг должны обрести крылья, нимбы и серафическую доброту мифических ангелов.

Но наш идеал вполне человеческий, и для его воплощения достаточно лишь людей.

Против этой нашей непоколебимой веры в экономическое освобождение и политическую автономию наши противники могут выдвинуть только один аргумент: что люди не меняются, что, несмотря на любой прогресс, на любое заметное улучшение индивидуальной и общественной жизни, рабочие будут оставаться рабами без достоинства, свирепыми варварами, вырожденцами, лишенными совести, непристойными бездельниками, которых тысячи лет привилегий и тирании, невежества и суеверий любовно растили правящие олигархии.

Но в таком случае нашими противниками были бы утописты, апостолы и глашатаи невозможного застоя, вместо которого мы, не будучи утопистами, не принимая легенд об ангелах и полубогах, верим в непрерывную эволюцию и постоянный прогресс народов и общества.

Мы устранили вульгарное возражение, что, выйдя из ада современного общества, где труд не выбирается свободно, в соответствии со склонностями рабочего, а навязывается привилегированными интересами господствующих классов, где не обеспечивается удовлетворение его материальных и моральных потребностей, человек, достигнув, благодаря эпическим событиям уравнительной революции, свободного общества, где он может работать, в соответствии со своими способностями, по свободно выбранной им профессии, под единственным влиянием ясного сознания своей задачи и с сознанием общепризнанной необходимости содействовать безопасности и полноте общественной жизни, в которой заключается величайшая, единственная гарантия безопасности и свободы каждого), и получив уверенность, что все его физические и интеллектуальные потребности будут удовлетворены, этот человек, даже несмотря на непреодолимые стимулы своего физиологического изобилия, сознательно откажется работать и будет совершенно бесполезен. Мы отвергли

это вульгарное возражение и считаем, что достигли самой интересной, если не самой решающей, части нашей концепции.

Мы продемонстрировали – и, как мы полагаем, с успехом – нашим насмешливым противникам, а также нашим робким, неуверенным союзникам, что, как только каждому будет обеспечено полное удовлетворение всех потребностей, гипотеза о том, что каждый человек будет спонтанно выбирать и выполнять свою задачу в соответствии с коллективным благополучием и собственными способностями, не является абсурдной; и что, следовательно, стремление к обществу без хозяев и без правительства не является ни абсурдным, ни утопическим.

* * *

Как сторонники самой широкой автономии личности, мы показали, что эта абсолютная независимость от любого господства большинства или меньшинства, от любого человеческого угнетения, не может найти лучшей или более бдительной защиты, чем в анархо-коммунизме: неограниченная свобода в удовлетворении потребностей; неограниченная свобода в выборе работы.

Исключительные условия момента или ситуации могут потребовать, чтобы мы ограничились своими наклонностями, а также увеличили объем работы. В будущем, как это происходит сейчас, не можем ли мы, обладающие хорошим здоровьем, немного затянуть пояс, чтобы помочь людям, пораженным эпидемией, продуктами и лекарствами? Разве мы и сейчас, в случае внезапного пожара, не выступаем в роли пожарных?.. В роли медсестер и медбратьев, если случится эпидемия? В роли землекопов в случае наводнения или оползня? И разве это не происходит без приказа или принуждения?... Без учета индивидуальных наклонностей или особых рисков? И все это только в повиновении голосу, идущему из глубины каждой совести, призывающему к жизни, к сохранению и солидарности со своим видом. И разве этот голос не является автоматическим и непреодолимым стимулом к самым высоким и благородным нашим поступкам?

И разве этот призыв не обоснован? Разве он не воспринимается с таким всплеском любви и заботы, какой никогда не встречал ни одну заповедь Бога, ни один указ короля, ни один закон парламента?

Пусть нас сколько угодно они называют утопистами – они – те, кто помнит только одну фразу из учения Дарвина и возрождает под сияющим солнцем двадцатого века максимуму *homo homini lupus est* (человек человеку волк). Что касается нас – даже в обществе, где интересы вида могут быть объединены для самой благородной борьбы из всех, борьбы с природой и окружающей средой, – это «ассоциация для борьбы» станет главным фактором будущей эволюции, – мы не можем принять даже здесь господство интеллектуальной аристократии.

Это господство мы находим как в старых, так и в современных цивилизациях. Основанное на привилегиях и вызванное самой дикой конкуренцией, оно торжествует и наслаждается невежеством и следующими за ним покорностью, страхом и всеобщим подчинением. В этом климате привилегий Моисей и Мухаммед могут

привлечь миллионы людей к любому поклонению и жертвоприношению. И так же легко Галилей и Бруно могут стать жертвами их гнева, их проклятий и презрения⁴³. В этом климате конкуренции Нобель и Крупп⁴⁴ могут вознестись через золотые арки и облака фимиама на Олимп национальных героев, а Горини, Бовио и Реклю могут умереть от голода⁴⁵.

С одной стороны, есть несколько счастливиц, которым волею случая суждено наслаждаться всем, с другой – множество изгоев, обреченных этими немногими на ничто. Но уничтожьте существующее экономическое неравенство, перекомпонуйте разделенное человечество на отвоетанной Земле, и последние следы ужасающего неравенства исчезнут вместе с иерархиями, которые сегодня их закрепляют. Фермер и агроном, которых сегодня разделяет пропасть, будут примирены как равные, потому что их функции будут одинаково цениться. Потому что в будущем, хотя агроном и откроет новый метод выращивания, именно фермер обеспечит его успешное применение на практике. А это в обществе, не основанном на привилегиях и конкуренции, означает, что в разных областях их мастерства и в разном применении их энергии они оба одинаково необходимы для новых форм производства. Один равен другому; оба одинаково необходимы для необходимого сотрудничества, в котором нет места ни диким конкуренциям, ни абсурдным и злым привилегиям.

Мы привели достаточно фактов, чтобы помешанные на государстве сами пришли к выводу, что если правительство необходимо или, скорее, является «условием *sine qua non*» [необходимым] для существования режима, который, как и буржуазный режим, посвящен экономическому неравенству и политическому подчинению подавляющего большинства людей, составляющих так называемое общество; то правительство не имеет никакого оправдания и, следовательно, не имеет причин для существования в настоящем и истинном обществе, где экономические интересы всех его элементов едины и взаимны. Разногласия и трения будут существовать всегда. Фактически они являются необходимым условием неограниченного прогресса. Но как только будет устранена кровавая арена простой животной конкуренции – борьба за пищу, – проблемы разногласий можно будет решать без малейшей угрозы для социального порядка и свободы личности.

Мерлино знает и учит нас, что у государства (обанкротившегося и вечно несостоятельного как администратор) есть четкая и важнейшая политическая функция: сохранение экономического «статус-кво», защита экономических привилегий пра-

⁴³ Галилео Галилей (1564-1642) Математик, астроном и физик, преследовался Римско-католической церковью за свои теории, противоречащие библейским преданиям.

Джордано Бруно (1548-1600), убежденный в правоте Коперника, отказывавшегося верить в то, что Земля находится в центре Вселенной, был осужден Священной канцелярией Римско-католической церкви за ересь и сожжен на костре на публичной площади в Риме 17 февраля 1600 года.

⁴⁴ Альфред Бернхард Нобель (1833-1896) Изобретатель динамита и основатель Нобелевской премии.

Фридрих Крупп (1787-1826) Основатель сталелитейной корпорации Круппа и производитель оружия для германской императорской армии.

⁴⁵ Паоло Горини (1813-1896) Итальянский натуралист и философ, автор книги о происхождении вулканов.

Джованни Бовио (1841-1903) Философ и политик, автор *Sistema di Filosofia Universale, Filosofia del Diritto in Italia* и многих других литературных и философских работ.

вящего класса, чьим агентом и жандармом оно является и вокруг которого оно создало тройной барьер – политический, судебный и военный. Эти барьеры с их разнообразными функциями преследуют одну-единственную цель: уверить богатых счастливиц, что из огромной, разъяренной толпы лишенных наследства людей никто не выйдет, чтобы проклясть, угрожать или разрушить их виноградник или их комфорт. Парламент и полиция ожидали всевозможных угроз и проклятий и скрупулезно каталогизировали каждую из них. Образовательные и культурные учреждения, от детского сада до университета, судебная система, от мировых судей до верховного суда, – все это призвано предотвратить разрушения. И если во время потрясений их меры покажутся недостаточными или запоздалыми, военные институты, беспощадные стражи порядка любой ценой, вмешаются со своими законами войны, военными судами и массовыми казнями. Все должно оставаться как есть; социальные отношения не могут быть нарушены; правящее меньшинство должно роскошествовать в богатстве и праздности, безжалостно управляя огромным большинством, у которого есть только одна обязанность – безропотно трудиться в подневольном состоянии, чтобы, не произведя богатства, оставаться в состоянии слепого невежества и убогой нищеты до тех пор, пока они живы.

Что делать такому институту, как государство, в обществе, где исчезли все сословные привилегии, где ликвидированы классовые различия; где ненависть, месть и вооруженные восстания исчезли под солнцем абсолютного экономического равенства?

Может ли оно направлять социальные отношения или защищать общественный порядок? Но разве не известно даже сейчас, что вмешательство государства в частные отношения отдельных людей и групп не только неэффективно, но и совершенно губительно для отношений и инициатив, которыми оно претендует управлять? Частная инициатива обеспечивает безопасность, доход и эффективность, которых нельзя ожидать от услуг, взятых на себя государством. Более того, даже те, кто пользуется услугами государства, признают, что, выполняя свою функцию защитника порядка и безопасности граждан, государство приходит слишком поздно, чтобы предотвратить последствия беспорядков и травм, которые уже произошли, несмотря на его бдительность. Можно ли желать в социальных отношениях более бдительного, более компетентного, более уравновешенного и надежного регулятора, чем забота заинтересованных сторон?

Недавние скандалы с распределением денег, собранных для жертв землетрясения в Калабрии 1908 года, свидетельствуют о том, что если миллионы долларов можно было собрать за несколько часов среди тысяч граждан, движимых спонтанным, благородным порывом солидарности, то государство, опутанное своей шаткой бюрократией, не знает, как их распределить, а когда делает это (через два-три года после катастрофы), то раздает их не по назначению.

И потом, каких угроз общественному порядку можно опасаться в обществе, где основные причины любых общественных беспорядков устранены путем согласования экономических интересов каждого отдельного человека с экономическими интересами всего общества?

Non solo pane vivit homo [человек живет не только хлебом], возражают наши противники. После того как будет обеспечена еда, люди будут воевать из-за чего-то

другого. Разве вы забыли религиозные войны, национальную борьбу, безнадежную и кровавую борьбу за завоевание политической свободы?

Мы ничего не забыли, и мы очень далеки от мысли, что, достигнув равенства, жители будущего города откажутся от всякого проявления индивидуальной энергии, от всякого самостоятельного действия и всякой конкурентной борьбы. Напротив.

Но мы также знаем (и это истина, которая в значительной степени подтверждается миром науки), что есть две основные потребности, пища и размножение, которым подчинены все живые существа. Первая толкает их на жестокую борьбу, вплоть до взаимного уничтожения, а вторая сплавливает и объединяет.

Если потребность в свирепости и взаимном уничтожении удовлетворена, можно развивать другие формы конкуренции без насильственных столкновений, угрожающих общественному порядку или свободе личности, поскольку в некоторых областях и видах конкуренции грубое насилие и давление большинства принципиально неэффективны. Например, существуют глубокие разногласия по поводу предотвращения оспы в области санитарии. Одни считают прививку от оспы абсолютно бесполезной, если не откровенно опасной, другие, напротив, считают ее настоящим спасением. Этот конфликт мнений длится уже много лет, и ни одна из сторон не сказала ни одного плохого слова, чтобы встревожить блюстителей общественного порядка. Напротив, было подтверждено столько фактов, собрано столько наблюдений, опыта и результатов, что эти теоретические разногласия, эти цивилизованные формы конкуренции приобретают характер настоящего благословения.

По мере повышения среднего интеллектуального уровня в подобных дебатах будут участвовать самые разные силы, и мы можем с уверенностью предположить, что новое общество будет самым активным, самым смелым, самым настойчивым в области исследований, не прибегая к выводу, что эти дискуссии, эти теоретические и философские разногласия должны заканчиваться трагедией.

Те, кто вспоминает религиозные войны, войны за национальную независимость или за политическую свободу, игнорируют или забывают, что это были восстания против тирании, причины которых не имели бы оснований существовать в либертарном обществе, и что под теологической, националистической или политической поверхностью существующим экономическим интересам угрожали новые экономические интересы, пытавшиеся утвердиться в охваченном волнениями мире.

* * *

На этом этапе мы можем подвести итог и ответить на первый поставленный нами вопрос: «Из двух тенденций, обе отрицающие легитимность частной собственности и обе выступающие за обобществление всех средств производства и обмена в борьбе за экономическое освобождение, какая из них озвучила новую идею, знаменующую начало более продвинутого этапа в череде эволюционных явлений, какая из них осталась строго верна критерию прогресса?».

Продолжая обобществление средств производства и обмена, социализм-коллективизм стремится, с одной стороны, гарантировать права общества, а с

другой – признать *частную собственность на произведенное каждым работником*. Он едва шепчет – и тут же раскаивается в этом – о новой идее, которая в эволюции экономических институтов говорит: отмените частную собственность и означает: *все принадлежит всем!* И это изначальное противоречие, простирающееся из экономической в политическую и нравственную области, не позволяет социалистическому коллективизму утвердить новую идею равенства, справедливости, свободы, которая могла бы открыть эру новой цивилизации и начать новую фазу в ряду эволюционных явлений, воспроизводящих все свои предшествующие черты и добавляющих еще одну черту, которой еще не было в предыдущей фазе, которая станет зародышем *новой черты* в следующей фазе и является, как мы видели, согласно Мечникову, условием каждого прогрессивного шага.

Теперь, если при сравнении либертарного коммунизма с социалистическим коллективизмом мы успешно доказали, что, принимая за основу всех экономических отношений *конечный продукт каждого рабочего*, равенство, провозглашенное социалистическим коллективизмом вначале, нарушается, как только рассматриваются методы и меры оценки доли каждого рабочего в общем производстве, поскольку эти меры неравно зависят и связаны с усилиями каждого рабочего; становится очевидным, что социалистический коллективизм фактически поощряет вопиющее экономическое неравенство вопреки своим собственным предпосылкам.

Мы доказали также, что социальная несправедливость и власть будут привиты к этому фундаментальному экономическому неравенству, потому что они являются следствиями одной и той же причины, бича буржуазного общества, против которого социалистический коллективизм восстал с самыми лучшими намерениями. И мы также указали на элемент, который имеет свою собственную ценность – как коллективистское представление, о том, что чтобы оценить право каждого рабочего на удовлетворение своих потребностей в соответствии с результатом его собственного труда, было бы не только несправедливым, неравным и авторитарным, но утопичным и абсурдным, потому что практически невозможно найти весы, способные взвесить усилия и измерить индивидуальную энергию, используемую в процессе производства – продолжительность работы, важность продукта, его потребительская и меновая стоимость представляют собой критерии не только недостаточные для такой оценки, но и абсолютно произвольные, поскольку они не могут иметь никакого отношения ни к физической активности человека, ни к требуемым от него механическим усилиям, ни к давящим на него физиологическим потребностям, удовлетворение которых обусловлено сохранением и развитием его собственной личности.

Своей концепцией нового общества и отношений его граждан друг с другом социалистический коллективизм смягчает последствия, но не устраняет причины неравенства, несправедливости, угнетения, которые он осуждает и с которыми борется в существующем буржуазном режиме, и при этом он несет с собой слишком много унаследованных реликтов, слишком много неподвижного балласта суеверий, абсурда, чтобы иметь право говорить от имени прогресса и будущего.

И если позволительно на основании уроков и опыта эволюции выводить предзнаменование из этического содержания доктрины, то небезосновательно предвидеть, что, переходя от уступки к уступке, социалистический коллективизм в конце кон-

цов смешается с демократическим радикализмом (либерализмом) более передовых фракций буржуазии – и никогда не найдет времени и сезона для осуществления своих мечтаний.

Непосредственная ответственность напугала его; поспешность в достижении цели, навязчивое желание быть практичным толкают его назад к устаревшим формам старой политической демократии, с которой он когда-то яростно разводился; и вот его задача выполнена!

С анархо-коммунизмом все обстоит как раз наоборот. Он остается верен своей изначальной традиции и своему пониманию смысла прогресса, который, без сомнения, в экономической, политической и моральной областях является его последним и самым грозным выражением.

В области экономики мы видели, как он отрицает возможность частного присвоения завоеваний, полученных в результате наблюдений, исследований и коллективного труда. *Все, что было произведено, производится и будет произведено мыслью и трудом каждого, принадлежит всем.* И из всего того, что было накоплено веками и поколениями, чтобы дать человечеству возможность выжить в его вечной борьбе с неблагоприятными силами природы, анархо-коммунизм хочет уничтожить только те барьеры, которые мешают огромному большинству людей, которые к тому же являются самыми достойными для этого, свободно пользоваться всем: *Все, что создано гением и трудом каждого, должно быть источником и средством существования и наслаждения для всех.*

Таким образом, установив, что частная собственность является главной причиной экономической зависимости и политического и морального подчинения огромного большинства малочисленному, но мошенническому меньшинству собственников, и установив, что общая собственность на все средства производства и обмена является главным условием возвращения человечества к справедливости, братству и свободе, которые были изгнаны жестокой борьбой классовых интересов, анархическая критика смело встает перед политическими и моральными проблемами, которые мучили и разочаровывали ученых и философов вплоть до первой половины XIX века: «В соответствии с какими принципами можно будет, не нарушая равенства, справедливости и свободы, регулировать участие каждого в необходимой задаче производства?»: «В соответствии с какими принципами можно, не нарушая равенства, справедливости и свободы, регулировать участие каждого в удовлетворении потребностей?».

Анархизм отвергает высокомерные притязания капитала (который сам по себе без работников непроизводителен) на прибыль, ренту и доход, и не приемлет наивной зависимости труда (который является неизбежной необходимостью и непременным условием сохранения и развития жизни) от вознаграждения и заработной платы. И, учитывая это сложное явление, которым является жизнь, она развила идею о том, что права как отдельного человека, так и общества находят свое освящение и самую надежную защиту в полном торжестве равенства, справедливости и свободы.

У живущего организма может быть только одно стремление: достичь своего полного развития в максимально благоприятной среде (и ее ему откроет революция экономического уравнивания). У него также есть только одна функция: превратить в активную энергию, полезную как для него, так и для других, ту силу, которую его

собственный труд и труд сотрудничающих с ним других людей внесет в его подъем от самых элементарных форм к высшим формам. Отсюда: *спонтанное* участие каждого в производстве в соответствии с его энергией и способностями; свободное и неограниченное участие каждого в удовлетворении потребностей и удовольствиях; неоспоримая солидарность интересов жителей искупленного города; абсолютная бесполезность принудительной власти; исчезновение привилегий и эксплуатации; конец рабства и власти; автономия личности в свободных общественных группах! Это будет анархия!

Вот, вкратце, прогрессивный ряд. Он воспроизводит все черты своего предшествующего периода, но в то же время несет в своем чреве *еще одну черту* – экономические и нравственные отношения нового общества, которое из успешных событий своего первоначального освобождения породит более совершенные и цивилизованные формы завоеванной им свободы.

Глава 5. Анархистский коммунизм и индивидуализм

Этот вывод настолько далек от поспешности, что его разделяют, более или менее искренне, даже самые квалифицированные выразители социалистического коллективизма. Помимо Моргари, который, как мы видели, признает, что социалистический коллективизм представляет собой более низкую ступень в социальной эволюции, чем анархо-коммунизм, нет другого апостола социализма, который, если на него надавить, не был бы готов назвать себя коммунистом⁴⁶, даже если при этом он забывает, что каждая предпосылка подразумевает дедукцию и что только анархизм может соответствовать экономической предпосылке коммунизма.

Нет, если мы обратим внимание на текст интервью Мерлино, вспомним его неоднократную критику коллективизма и сердечную антипатию к программе и действиям Социалистической партии, мы должны будем заключить, что и он согласится с нашими теоретическими выводами. На самом же деле он основывает свои суждения и траурные пророчества скорее на внешних проявлениях анархизма «как движения», чем на сущностном содержании анархистской доктрины.

Мы считаем, что это безвозвратно подрывает его собственный тезис.

Если бы Мерлино был прав, то из этого следовало бы заключить, что доктрине, в которой больше логики, истины, прогресса, будущего, суждено бесславно погибнуть от голода, а другой, с пестрым цветом внезапного – слишком внезапного – роста (*pars major saepe pejor* [большая часть – часто худшая часть], как говорил старик Сенека), той, что обнимает червей самых гнилых условностей и самых абсурдных противоречий, суждено выжить.

И Мерлино, который является умным человеком, понимает, что эта гипотеза хуже, чем просто нонсенс: она является откровенным заблуждением.

* * *

Один из аргументов Мерлино заслуживает особого внимания: «Анархистское движение разделено внутренней борьбой между индивидуалистами и организационалистами. Последние не могут найти организацию, совместимую с анархистскими принципами; первые, после того как идея возмездия, которая была душой анархистского действия, перестала существовать, не могут найти способ действия и не могут существовать без организации, которую они стремятся отвергнуть».

⁴⁶ Коллективисты прошлого носят сегодня ярлык коммунистов. Но там, где они впервые осмелились реализовать свой «коммунизм», они подтвердили наши очевидные и печальные прогнозы. Советское государство по своему деспотизму и нетерпимости превзошло доминиканцев святой инквизиции. Непристойная диктатура горстки мерзавцев, правящих московским пролетариатом, последующие преследования тех, кто гордо осмеливается отказаться склониться перед неуклюжим высокомерием Зиновьева или Троцкого, презрение к крестьянам и систематическое преклонение перед худшим и самым коррумпированным иностранным капитализмом делают дальнейшие иллюстрации излишними.

Когда такие люди, как Зиновьев, Троцкий, Чичерин, Красин, называют себя «коммунистами», то, конечно, нужны очень глубокие убеждения и большое мужество, чтобы мы продолжали называть себя этим именем. Нам нужно новое слово, которое бы отличало нас от других. Слова имеют свою удачу, как сказали бы римляне. У них есть и несчастье. И мы считаем необходимым написать эту нонсенс именно для того, чтобы отвергнуть любые возможные связи с советским «коммунизмом» (С.З.)

В этом заявлении Мерлино содержится нечто откровенно абсурдное: речь идет о том, что душой анархистского действия было понятие возмездия и что оно перестало существовать.

Душа анархистского движения (и никто не понимал этого лучше, чем Мерлино в старые добрые времена, когда он верил в анархию и анархизм и с гордостью терпел гонения за свою веру и вместе с нами проходил по тюрьмам Европы) – не репрессии или возмездие врагам, которые являются лишь коротким эпизодом и причины которых далеко не исчерпали себя. Душой анархического движения является горячее желание общества свободных и равных людей, которое, как знают анархисты, не может быть достигнуто без неизбежного насильственного разрушения существующего порядка вещей, без социальной революции, которой, несмотря на ограниченность своих сил, они способствуют своей критикой незаконного существующего общественного строя и своей работой по воспитанию в массах ясного понимания экономических и политических организмов, ответственных за их рабство. Поддерживая массы против злоупотреблений капитализма и государства, а также против суеверий и предрассудков, в которых тирания буржуазии находит свой самый мощный оплот, они готовят их к революции, которая является неотъемлемым путем к окончательному спасению пролетариата.

Наряду с упомянутыми абсурдами в высказывании Мерлино есть и неглубокие истины; среди них – разногласия между анархистами, так называемыми «индивидуалистическими» анархистами и предполагаемыми «организационными» анархистами. Но имеет ли это разногласие действительно важное основание, или оно является лишь результатом непонимания и двусмысленности, вызванных чаще бездействием и ленью, чем недобросовестностью, и которые тяжелый опыт должен рассеять?

Что такое анархизм по определению?

Это борьба за такое состояние общества, когда единственной связью между людьми является солидарность, в основном солидарность материальных и моральных интересов, которая ведет к устранению порочной ежедневной конкуренции между людьми и между народами. (Очень печальная эпоха, которую, за исключением периодов голода или любви, так называемые низшие животные, к нашему стыду, уже давно превзошли). И она призывает их объединиться для более великой и благородной борьбы с неблагоприятными силами природы, чтобы реализовать более совершенные, более полные и более безопасные формы социальной жизни.

Условием и характером солидарности являются спонтанность и свобода. Но если буржуазный режим – это господство большинства над меньшинством, то мы стремимся реализовать *автономию личности внутри свободы объединения*, независимость ее мысли, ее жизни, ее развития, ее судьбы, свободу от насилия, от каприза и от господства большинства, равно как и от различных меньшинств; И когда мы говорим о либертарном коммунизме – термин, который наши потомки позаботятся исправить, – мы пытаемся найти экономическую *ubi consistam* [где я должен стоять] (основу), в котором эта политическая автономия индивида могла бы обрести просвещенную и счастливую действительность.

Редко случается, что наши товарищи останавливаются, чтобы рассмотреть этот двойной аспект, экономический и политический, каждого института во все эпохи истории.

Является ли собственность нестабильной, странствующей, случайной – как урожай и стада, подверженные всевозможным опасностям? Тогда ее может защитить только бог – бог, который гремит в шторм, сияет в солнце и сверкает в звездах, которые являются компасом для племен, мигрирующих в неизвестность. Только бог повелевает, или от его имени верховный жрец, пророк, волшебник; это и есть иерархический деспотизм.

Представляет ли собственность себя всемогущей, законной, требовательной, *sanctum jus* [буквой закона], даже если происходит *summa injuria* [величайшая несправедливость]? Тогда политические сторонники этого экономического режима потребуют суровых законов, всеобщей зависимости от одной верховной власти, которая будет жаждать экспансии и колоний, которая будет жить ради войны и будет вынуждена нести ее в последние уголки мира: это будет империя, или лучше. Римский империализм, высокомерный, прожорливый, ненасытный.

А если собственность аристократична? Тогда экономика, вся экономика средневековья перетечет в политическую организацию феодализма и крепостного права с неизбежным рабством масс.

Освободится ли собственность от густой сети кабалы, дани, барьеров, границ, не имея иного ограничения, кроме конкуренции других экономических сил, столь же бесконтрольных? Тогда соответствующим политическим режимом может быть только современное государство, конституционный и представительный режим, в котором, с божьей милостью, заключенной на чердаке, и волей нации под ногами, буржуазия, наделенная правом единоличного владения национальным богатством, захватит бразды правления государством, будет принимать и исполнять все законы любыми средствами.

Станет ли общая собственность на все средства производства и обмена экономической основой социальной жизни будущего?

Осуществив, через фундаментальную солидарность интересов, приостановку соперничества, которое веками раздирало человечество, первый эксперимент *общества* (понимаемого как «союз людей, объединенных общими интересами ради одной задачи») поставит перед собой соответствующую цель, первую возможность реализовать *социальный порядок*, который до сих пор тщетно искали с помощью мудрости законодателей, пронизательности законов или жестокости полиции – в общем, через бесполезность государства с его принудительными и чудовищными иерархиями. И тогда мы получим анархию.

Между *коммунизмом* (разумеется, понимаемым не как еще один аспект государства, вынужденного воспроизводить в себе все беззакония предшествующих правительств, а как свободное, объединенное сотрудничество всех людей для производства) и *индивидуализмом* (в том смысле, что никакая институциональная власть, ни большинства, ни меньшинства, не может вмешиваться в развитие и свободу личности или каким-либо образом уменьшать ее автономию) нет ни противоречия, ни несовместимости. Коммунизм – это просто основа, на которой индивид имеет возможность регулировать себя и выполнять свои функции.

Это два термина, которые дополняют друг друга.

Каждый анархист, который верен своему отрицанию всякой привилегии, особенно самой главной и гнусной из всех привилегий – частной собственности на средства производства и обмена, и который по этой причине стремится к осуществлению экономического режима, при котором земля, шахты, фабрики и всякое другое орудие Труда или обмена, все средства производства, будут неделимой общей собственностью, является в своих экономических стремлениях коммунистом. Точно так же, если он верен своему отрицанию власти и поддерживает режим, который реализует полную независимость и автономию личности от любого экономического, политического и морального начальства, он неизбежно является индивидуалистом.

Антитеза? Нет, интеграция.

Анархия – это не метафизическая абстракция. Анархистская идея не возникла живой, законченной, совершенной из умов Бабефа, Прудона или Бакунина, как Минерва, согласно мифу, возникла из мозга Иова. Она зарождалась, росла, созревала, медленно и мучительно, опытом веков, в течение которых простые люди время от времени просили бога, государство, закон или всеобщее избирательное право дать им хорошего хозяина, хорошего судью, маленький кусок хлеба, немного сострадания, немного отдыха, немного света и любви – всегда тщетно.

По мере того как их доверие к богам и полубогам угасало под непрерывными насмешками и отталкиваниями, погружаясь в сумерки разочарования и поражения; когда их сила проявлялась в героической и славной, но неудачной борьбе, и когда они обретали солидарность – сначала инстинктивную, затем через жертвы и катастрофы – простые люди понимали, что вера, которую они напрасно тратили на пороге храмов, тронов, парламентов и повелителей, должна возродиться в их собственном праве и в их собственной силе. Они начали верить в себя и смогли увидеть, как освобождаются от своих оков.

Только они знали, как создать богатство; и только они, с неиссякаемым плодородием своего труда и пота, искали, защищали, поддерживали жизнь... для других, для тех, кто, тщеславный и бесполезный, унижал ее в праздности и оргии.

Поскольку общественное богатство росло и увеличивалось только благодаря и пропорционально этим терпеливым, мужественным и необходимым человеческим усилиям; праздные, нерадивые и трусливые, многочисленные и лишние, не имели на это богатство никакого права. Таким образом, имущий класс стал рассматриваться простым народом или, по крайней мере, его авангардом не только как незаконный и позорный, но и как чудовищно паразитический, ненавистный и дорогой класс, от которого необходимо было срочно освободиться.

Это суждение формировалось рано, еще в то время, когда буржуазия неуверенно сидела на только что завоеванном троне и нуждалась в простом народе, чтобы победить неоднократные попытки аристократии вернуть себе утраченную власть. Она была готова заплатить за этот союз, признав право и правомочность народа выбирать себе правителей, даже из числа тех, кто не подпадает под сомнительную санкцию божественного права.

Но тот, кто обладает политической компетенцией выбирать себе правителей, поневоле может обойтись и без них, особенно если искоренить причины экономической вражды. Точно так же горечь, ненависть, раздоры и беспорядки, исходящие из

этого рокового ствола, должны уступить перед все более осознанной и повсеместной солидарностью, которая делает роль государства и его иерархий совершенно излишней и наделяет каждого полным сознанием и неоспоримым правом на самоуправление.

Таким образом, в сознании пролетарского авангарда отказ от частной собственности переплетался с отказом от власти во всех ее многообразных и прискорбных формах и дополнял его. В то же время первое либертарное стремление, основанное на опыте и критической мысли, утверждалось как доктрина, предвидевшая либертарный коммунизм как необходимое условие развития и обеспечения автономии личности в свободном обществе. «Разве это не так?» Если бы это было так, то не было бы никаких разногласий. Но в реальном мире трактовки коммунизма, как и индивидуализма, совершенно различны и произвольны, без конца меняются, порождая путаницу! «Необходимо внести ясность, и тогда согласие найдет свои гарантии, свои источники и свою основу в честном и взаимном понимании. Попробуем?»

Начнем с неоспоримого факта: анархия – это антитеза власти. По крайней мере, среди анархистов не может быть разногласий по этому поводу.

А теперь давайте спросим себя, могут ли коммунисты, с одной стороны, и индивидуалисты, с другой, отклониться от этого фундаментального определения настолько, чтобы забыть его, поставить себя против этого первого постулата, против своей совести, против всех позиций, которые он подразумевает, и, наконец, против самих себя.

В области экономики индивидуалисты немыслимы.

Мы должны помнить, что труд – это неизбежная необходимость, потому что природа не дает изобилия своих продуктов без сильной и производительной хватки труда. А так как работать нужно для того, чтобы жить, а физическая жизнь есть неперемненное условие для достижения высшей жизни знания, красоты, гармонии, то труд должен выполняться со всей возможной экономией, без боли, без напряжения, без тех унижений, вырождений, которые являются сейчас его печальной участью и мизерной оплатой.

Если жажда спекуляций, больших процентов, быстрой и баснословной прибыли побудила буржуазию взять на вооружение механические средства производства, заменив, где это было возможно, хрупкие руки человека на стальные машины, работающие в ритмичном безудержном темпе; Конечно, можно поверить, что когда производство – вместо того, чтобы быть во власти кучки закоренелых пиратов, вонзивших свои свирепые когти в землю, в ее посевы и стада, в ее шахты и сокровища, в ее фабрики, железные дороги и корабли – будет управляться с большей заботой и рвением всеми рабочими, и, вырвавшись из гнусного рабства к полному сознанию своей значимости и предназначения, будут сделаны открытия, изобретения, новая экономия физической энергии в производстве, и тогда больше времени в сутках останется для научной, технической, литературной или эстетической культуры.

Можно ли представить, что там, где можно получить максимум удовлетворения при минимуме усилий, какой-нибудь эксцентрик будет упорно выбирать жизнь вне общества и, напуганный страхом социальных контактов и тиранией регламентации, захочет все делать сам, только для себя: дом, одежду, библиотеку, готовку? И под иллюзией индивидуалистического образа жизни он будет жертвовать двадцатью

четырьмя часами каждого дня (которых не хватит) ради удовлетворения самых элементарных потребностей, не выкраивая ни минуты для отдыха, оздоровления или передышки?

Эксцентрики существовали всегда, и, скорее всего, они будут существовать и при анархическом строе... но у такого общества не будет причин для опасений, поскольку оно сможет предоставить странным и эксцентричным личностям, в целом интеллигентным, место для жизни и рабочее пространство со всеми приборами и инструментами для обучения, наблюдения, исследования и работы, которую они захотят выполнять в своем презрительном и мизантропическом одиночестве.

Но это не вопрос экономического индивидуализма; конечность, орган не может быть отрезан от основного организма иначе как под страхом немедленной смерти.

Единственный экономический индивидуализм, который мы знаем, – это индивидуализм, основанный на частной собственности на средства производства и обмена, то есть буржуазный режим, с которым мы сейчас так счастливы и от которого мы пытаемся найти убежище и безопасность в коммунизме и анархии, посредством социальной революции.

В теории я не нахожу никакой другой индивидуалистической тенденции...

«Браво! А как насчет тех, кто провозглашает неизбежность власти? А те, кто кричит, что завтра, если их побудит нужда, они, не задумываясь, выхватят из рук матери последний кусок хлеба, предназначенный для ее голодного дитя?»

Кое-что из этого я тоже слышал, но, к сожалению, вынужден признать, что на меня это не произвело никакого впечатления.

Я знаю, и вы тоже знаете: что бы мы ни делали, как бы ни старались отточить свою пронизательность и мудрость, чтобы достичь нового общества – освобожденного от хозяина и эксплуатации, от государства и угнетения, от суеверий и унижения – и хотели быть достойными его, нам это удастся лишь в очень малой степени. Мы – отростки буржуазного ствола, и мы несем на себе его порочное и злокачественное клеймо. В лучшем случае мы носим в себе лишь намерение, цель быть лучше, желать, чтобы окружающие нас страдающие, несчастные, дикие или злые люди были лучше.

Но этим людям, которых мы любим и которым хотели бы оказать самое серьезное и надежное доверие, мы можем предложить лишь великолепный профиль свободного общества, нарисованный надеждой, воображением и некоторыми положительными логическими выводами, а не определенной математической реальности. Кроме того, мы не смогли бы создать более точную и полную архитектуру, не будучи в этом деле произвольными и нелепыми. Самое идеальное сооружение может показаться убогим или даже гротескным нашим потомкам, которым придется в нем жить – и которые смогут построить свои собственные дома, соответствующие их потребностям, согласно их собственному вкусу, достойные более развитой и превосходной цивилизации, в которой они будут жить.

Наша задача более скромна и даже более императивна. Мы должны оставить им чистую землю, без мрачных руин, грязных тюрем, алчных привилегий, хищных монополий, евнухоидных страхов и отравленных предрассудков, среди которых мы бродим, как тени в муках. Мы должны оставить им землю, чистую от церквей, казарм, трибуналов, борделей и, прежде всего, от невежества и страха, которые хранят эти установления гораздо вернее, чем санкции законов и полиции.

Мы можем смотреть на будущее только через призму настоящего, а наше видение затуманено мутной реальностью, которая нас окружает. Так стоит ли удивляться, что кто-то из несчастных, познавших дни без еды, бессонные ночи и горечь все возрастающих неудовлетворенных желаний, предположил, что даже в анархии может существовать тот же голод, который превращает гражданина двадцатого века в дикого троглодита, слепую марионетку своих звериных инстинктов? Но если завтра люди по-прежнему будут резать друг друга за корку хлеба, придется признать одну-единственную истину, пусть и печальную: мы не только не совершили социальной революции, но и повернули на много веков назад. И тогда можно будет объяснить некоторые пережитки.

Однако мой опыт – и, возможно, даже лучше для вас, ваш собственный опыт – говорит мне, что некоторые громкие слова, произнесенные для эпатажа буржуа, чтобы ошеломить неуклюжую толпу, обычно опровергаются всей деятельностью этих безобидных *матаморо*⁴⁷, которые, возможно, глубже, чем кто-либо другой, знают удовлетворение от того, что вернули улыбку на губы страдающего соседа, предложив ему свой кусок хлеба.

На самом деле богатые редко дают больше, чем крохи, а в летописях бедности нет ни одного крепкого здорового, но бедного человека, который бы выхватил у ребенка корочку хлеба. Как правило, бедняки, у которых есть только лохмотья и мучения, которые знают только голод и боль, без сожаления отдают свои гроши на любое достойное дело и склонны милосердно и деликатно склониться над любой болью или раной.

Только бедные дают так – импульсивно, с щедростью и нежной добротой. По крайней мере, я видел их такими всю свою жизнь, всегда. Все остальное – софистика – оригинальная, остроумная, порой потрясающая – но чистая софистика.

Не менее софистична тенденция тех, кто под удобным плащом анархического индивидуализма приветствует идею господства. Они растягивают афоризм Рабле: «*Делай, что хочешь!*» за пределы его разумного смысла и игнорируют, что он предлагал свое веселое: «Делай, что хочешь» не нескольким богачам или бездельникам, а всем без исключения⁴⁸. Он был уверен, что в результате свободной игры инициатив, установок и разнородных энергий (подобно естественному единению клеток организма, энергично выполняющих свою непрерывную функцию питания и обновления тканей и органов) не может быть ничего, кроме сотрудничества и гармонии. Таким образом, они поддерживают факел жизни, не имея иного стимула, кроме своей химии). А вот глашатаи господства полагаются практиковать индивидуализм во имя своего эго, над послушными, покорными или инертными эго других⁴⁹.

⁴⁷ По-испански задира, забияка.

⁴⁸ Франсуа Рабле (1494-1553) Французский монах, писатель, врач... автор «*Гаргантюа*» и «*Пан-тагрюэля*».

⁴⁹ Тем, кто опьянен Ницше, но хотел бы иметь на своей стороне Штирнера, мы посвящаем следующие строки из книги «Единственный и его собственность» (Ed Stock Paris, 1900, р.234 Глава «Моя мощь»), которая является не только ярким призывом к бунту, но и категорическим и решительным отрицанием того, что каждый может обращаться со своими соседями как ему заблагорассудится:

«Как это изменить? Только тем, что я не признаю никакой обязанности, то есть не свяжу себя или не позволю себя связывать. Если я не имею обязанностей, то и не знаю закона.

И против такого притворства – которое может встретить не одно препятствие в момент своего осуществления – нам нечего было бы возразить, если бы оно не требовало от анархии своего права, своей поддержки, своего оправдания.

Нет! В анархии только одно господство является оправданным, законным и желательным, и это *господство, которое каждый оказывает на самого себя*⁵⁰. Превышение этого – власть, командование, деспотизм, а поскольку анархия по определению есть отсутствие власти, то всякий, кто призывает или поддерживает господство, то есть власть, своими действиями ставит себя против и вне анархии, не беспокоясь об отлучении или анафеме соборов или пап.

Мы никого не отлучаем от церкви. Мы признаем право любого человека стремиться к власти, если у него есть к ней вкус, получать ее, если он может, и пользоваться ею, если есть евнухи, которые ей подчиняются. Мы лишь находим маскировку этого нечестной и гротескной. Но какое удовольствие может быть в том, чтобы маскировать такое желание – благочестивое, возможно, вечное желание силы и власти – под анархизм?

Увы! В основе своей это всегда душа раба, который отчаялся в освобождении, который несет в своей памяти и, более того, в своих шрамах, опыт своих страданий, трагедию, в которой он видит только двух персонажей – себя, к тысячелетней колонне крепостного права, и, напротив, своего господина, тупого, геркулесового, звероподобного, бичующего и душащего его.

«Однако меня будут связывать!» Мою волю никто не может связать, и мое противодействие остается свободным.

«Но все пошло бы вверх дном, если бы каждый мог делать все, что он хочет!» Кто же говорит, что каждый может все делать? На то ты и существуешь, чтобы не допускать по отношению к себе всего, что угодно! Оберегай себя, и никто ничего тебе не сделает! Тот, кто хочет сломить твою волю, имеет дело с тобой: он – твой враг. Действуй против него как против такового. Если же за тобой стоят миллионы, то вы являетесь внушительной силой и одержите легкую победу»

Макс Штирнер (1806-1856), псевдоним немецкого писателя Каспара Шмидта, автора книги, опубликованной в 1845 году под названием: «Der Einzige und sein Eigentum» - „Эго и его собственное“ или, согласно Британской энциклопедии: «Уникальный человек и его собственное»!

⁵⁰ Также следует добавить, что и естественное влияние (к примеру, убеждение) на человека, без претензии на власть над ним также совместно с анархией:

«Что же касается естественного влияния, которое люди оказывают друг на друга, то оно тоже составляет одно из тех условий социальной жизни, против которых восстание так же бесполезно, как и невозможно. Это влияние есть основа физической, материальной, умственной и нравственной солидарности людей. Человеческая личность, продукт солидарности, т. е. общества, подчиняясь его естественным законам, может, конечно, до некоторой степени противодействовать ему, под влиянием чувств, навязанных извне и особенно посторонним обществом, но она не может выйти из него, не сделавшись немедленно членом другой солидарной среды и не подпав там новым влияниям. Ибо для человека жизнь без всякого общества, вне всякого человеческого влияния, полное отчуждение равняются нравственной и физической смерти. Солидарность есть не продукт, а мать индивидуальности, и человеческая личность может родиться и развиваться только среди человеческого общества. Сумма преобладающих социальных влияний, выраженная солидарным или общим сознанием более или менее обширной группы людей называется *общественным мнением*. А кто не знает всесильного влияния общественного мнения на всех людей? Действие самых драконовских ограничительных законов ничто в сравнении с ним.

Следовательно, общественное мнение есть самый главный воспитатель человека, а отсюда вытекает, что для нравственного улучшения личности нужно прежде всего улучшить в нравственном отношении самое общество, нужно сделать человеческим его мнение или его общественную совесть». М. А. Бакунин, «Всестороннее образование» III.

Когда мы говорим нашим крестьянам – особенно старикам – о лучезарной гипотезе братского общества равных, где они смогут отдыхать, их женщины – улыбаться, а дети – расти свободными, просвещенными и сильными, старые крестьяне недоуменно качают головой. Их взгляд, на мгновение оживившийся надеждой, тускнеет и исчезает, когда они бормочут: «*Всегда были богатые и бедные, и всегда будут*». И поскольку быть богатым или бедным – это роковой жизненный перекресток, они не едят, а своих женщин и детей загоняют в рабство, еще худшее, чем их собственное, чтобы сэкономить несколько монет, которые, как они хитроумно надеются (надежда, которая умрет вместе с мечтой на убогой больничной койке), когда-нибудь поставят их на сторону благословенных *possidentes*, богачей, откуда они, в свою очередь, будут подвергаться той же зверской эксплуатации, жертвами которой они сейчас являются.

Они не могут понять, что хозяин не обязательно должен существовать. Точно так же сторонники власти не могут представить себе общество без правительства. Поставленные перед выбором: быть управляемым или управлять, они мечтают встать на сторону последнего, но не сейчас, потому что в правительстве они никому не нужны, а когда наступит анархия, когда каждый сможет делать *все, что ему заблагорассудится*. Они, конечно, полагают, что массы, отвергнув утонченную и прогрессивную политическую мудрость буржуазии, захотят подчиниться их воле и их жезлу – напрасно, если социальная революция восторжествует и наступит анархия. Остается только улыбнуться и идти дальше!

Однако мы встречали и тех, кто умел прикрывать свои софизмы менее вульгарным видом и более хитроумными уловками: они утверждали, что из массы выходят личности, которых природа наделила необычайно мощным умом или одарила особыми средствами воспитания и обучения, увлеченностью учебой, настойчивостью в исследованиях. В результате им удастся проникнуть в загадки, открыть неизвестные ранее законы природы, извлечь из них приложения, имеющие огромное и неоспоримое значение для развития цивилизации и благосостояния человечества. Им удастся постичь истину, которая превосходит не только все обычные и нормальные знания, но и те, что относятся к специализированной технологии той или иной отрасли знаний, стать ее учителями, пионерами, *мастерами-хозяевами*, если угодно, потому что никто другой не может соперничать с ними или разделить их славу. Когда Галилей, например, или Паскаль, или Ньютон вводили закон всемирного тяготения, равновесия жидкостей или неподвижности Солнца в центре своей системы с Землей и другими планетами, вращающимися вокруг него и отражающими его свет, где они могли найти компетентных, добросовестных и достойных оппонентов? – За исключением Святой Инквизиции, на которую возложена особая, незавидная задача и миссия защищать догматический абсурд Бытия от прав разума.

Мы вынуждены верить и присягать *in verba magistri* [словами судьи] тем истинам, которые они открыли и которые мы не можем ни проверить, ни оспорить. Разве это не является во многих отраслях человеческого знания абсолютным и неоспоримым авторитетом?

Авторитет гения? Что ж, почти невозможно не согласиться. Но если, по словам Бовио (а до сих пор никто не сказал этого с большей серьезностью и ясностью), *гений – это высшая степень синтеза, с помощью которого человеческая мысль открывает истину оригинальным образом и в отдаленных отношениях*, то насколько этот синтез

(т. е. метод, который в философии, как и в химии, идет от причин к результатам, от принципов к последствиям, от частей к целому) обязан анализу и тем, кто своим трудом, своим упорством и, в равной степени, своей интуицией собрал части, открыл и упорядочил причины, установил фундаментальные принципы, с которых началось новое открытие и без которых новые отношения никогда не были бы поняты, а высшая истина не смогла бы раскрыться и утвердить себя? Чем Маркони обязан Гальвани, Вольты, Риги, Герцу, Максвеллу, Круксу за свою беспроводную телеграфию?⁵¹

Мысль, открывающая новую истину в оригинальной манере и в отдаленных отношениях, возникла из размышлений, изучения, работы, боли, трагического разочарования всех тех, кто делал первые шаги по суровой дороге исследования, кто разогнал первые тучи мрака, кто преодолел первые и самые трудные препятствия, смело бросив вызов насмешкам, презрению, яростному консерватизму пошляков и еще более яростной ненависти укоренившихся интересов, и кто тем самым открыл проблеск в будущее.

Кто может сказать, что он, один, вооруженный исключительно своими ограниченными знаниями, далеко продвинулся по крутому пути прогресса? Что он создал что-то из ничего, не используя труд своих предшественников, первопроходцев, которые шли за ним?

Итак, похоже, что право повелевать начинает терять часть своего абсолютно-го и автократического характера. По крайней мере, мы находимся уже на уровне конституционного режима!

И снова – все принадлежит всем.

Но здесь мы не собираемся заниматься гениальностью, дискуссия завела бы нас слишком далеко.

Наша тема более скромна: обладает ли человек, обладающий богатством знаний, неизвестных большинству людей, реальным и исключительным господством над невежественными обывателями? Или нет?

Наш ответ – категорически и без колебаний: *нет!* Даже если это Галилей, Паскаль или Ньютон, которые во тьме прошлых веков подняли факел надежды, истины, искупления.

Вопреки библейской традиции сотворения мира, утверждавшей, что Земля является центром Вселенной, Галилей утверждал и доказал (и с тех пор его демонстрация была подтверждена многими ясными доказательствами, которые теперь доступны и неискушенным в астрономии), что Солнце – неподвижный центр нашей планетарной системы, а Земля – лишь один из многих спутников, вращающихся вокруг Солнца в ритме, который теперь может быть вычислен с точностью до секунды.

Сейчас! Либо Галилей убедил меня в правильности своей теории, и, если это так, он перестал доминировать надо мной, потому что я в состоянии понять и проверить ее – и сегодня, даже с помощью данных и средств, которые не были известны в его

⁵¹ Луиджи Гальвани (1737-1798); Алессандро Вольты (1745-1827); Аугусто Риги (1850-1920); Генрих Рудольф Герц (1857-1894); Джеймс Кларк Максвелл (1831-1879); Уильям Крукс (1832-1919): все физики, чьи предыдущие работы и исследования в области электричества сделали возможными открытия и изобретения Гульельмо Маркони. Более того, А Риги был преподавателем Маркони в Болонском университете.

время. Затем, что касается отношений между Солнцем и его спутниками, между мной и Галилеем существует такое полное согласие – простите за сравнение, – что оно исключает любую форму иерархии, превосходства или господства.

Или Галилей меня не убедил. И тогда, насколько я понимаю, солнце продолжает вращаться, как во времена Иисуса Навина, который позволил себе остановить его, чтобы дать ему время уничтожить А-до-ни-зе-дека, царя Иерусалима. Земля стоит на месте (а она должна стоять на месте, как говорили некоторые крестьяне, которых я пытался склонить к галилейской теории, – потому что иначе все мы перевернулись бы вверх тормашками), и Библия с Моисеем правы.

Но тогда какая власть будет у Галилея над моими убеждениями, моими идеями и моим образованием, если я останусь непоколебим в своих предрассудках и, если он не будет иметь на меня ни малейшего влияния или умственной юрисдикции? Я останусь чужаком, вне его власти.

И, к сожалению, о том, что это именно так, свидетельствует всеобщая преданность (благодаря невежеству и суевериям, которые со вкусом культивируются среди простых людей их неразлучными сообщниками – государством и церковью), которую подавляющее большинство продолжает оказывать Бытию и Моисеевой традиции. А также довольно тонкие ряды подозрительных «героев» и «отступников», которые принимают и доверяют научной теории Галилея.

Можно, с некоторым успехом, перенести дискуссию в более широкую область; т. е. в область отношений между теми, кто открывает новый научный подход к промышленности и жизни, и теми, кто, обладая необходимым умом и способностью к сотрудничеству, делает возможным его реализацию и пользу. Таким образом, мы приходим к выводу об эквивалентности функций, о которой мы уже говорили и в которой заключены источники и безопасность либертарного равенства.

Но мы чувствуем, что потратили слишком много времени, споря о возражении, которое с анархистской точки зрения автоматически опровергает отрицание всякого авторитета.

Однако, на наш взгляд, Мерлино видит распад, агонию анархистского движения не в этих ссорах, а в борьбе между организаторами и индивидуалистами *по вопросам немедленного действия* и в соответствующих внутренних противоречиях этих двух течений:

«...первые, организационалисты, не могут найти форму организации, совместимую с их анархистскими принципами»;

вторые, индивидуалисты, «... с провалом идеи возмездия, которая была душой анархического действия, не могут найти путь к действию и не могут существовать без организации, которую они стремятся отвергнуть».

То, что организационалисты не могут найти форму организации, совместимую с их анархистскими принципами, совершенно естественно и логично, и в этом вопросе мы полностью согласны с Мерлино. Но мы не понимаем, почему индивидуалисты не могут существовать без организации, ведь, по словам самого Мерлино, организацию, совместимую с анархистскими принципами, найти невозможно.

Тем не менее, нам кажется, что следует сделать различие в отношении этого обозначения *анархистов-организационалистов*, если мы рассмотрим частые заявления и практические установки, которые они выражают и принимают.

Организационалисты – это, если мы не ошибаемся, те анархисты, которые считают желательным, необходимым и возможным систематически организовывать на основе заранее согласованных программ политическую партию, отличную от всех других пролетарских партий и способную, когда представится возможность, заявить о себе в сделках, союзах и коалициях, которые могут быть предложены необходимостью момента, обстоятельствами борьбы против правящего класса, против любого нетерпимого проступка, который может произойти.

Другие анархисты называют себя организационалистами не только потому, что выступают за специфическое установление политической партии, но и потому, что считают, что основой анархистского движения должны быть существующие рабочие организации и, более того, те, которые возникнут под их эгидой, при их стимулировании и будут иметь открытый революционный характер.

Этим двум направлениям, которые различаются лишь по степени, и чьи действия всегда должны носить коллективный характер, Мерлино – если мы не ошибаемся в его мысли – противопоставляет тех анархистов, которые предпочитают индивидуальную деятельность как в области пропаганды, так и в области революционного действия.

Скромно, но твердо мы выступаем против тех анархистов, которые называют себя организационалистами, независимо от того, хотят ли они политически организовать анархистскую партию или, чтобы укрепить ее, стремятся основать ее на рабочих организациях, как они существуют сейчас, или на других, которые они могли бы организовать, более соответствующих их целям⁵².

Политическая партия, любая политическая партия, имеет свою программу, то есть конституционный устав: в собраниях представителей групп она имеет свой парламент: в своем управлении, в своих советах и исполнительных комитетах, она имеет свое правительство. Короче говоря, это градуированная надстройка органов, настоящая иерархия, как бы она ни была замаскирована, в которой все ступени связаны единой связью, дисциплиной, которая карает нарушения санкциями, идущими от порицания до отлучения, до изгнания.

Анархистская партия не может не быть такой же партией, как все остальные. Хуже того! Правительство, подобное любому другому правительству, порабощенное, как и все другие, своей конституцией, которая, как и все другие конституции, законы и кодексы, будет отменена на следующий день после ее обнародования событиями и нуждами, насущными потребностями борьбы. Правительство, абсурдное и нелегитимное, как и все остальные, основанное на делегировании и представительстве, хотя было бы слишком ясно и очевидно, особенно по опыту анархистов, что каждый делегат и депутат может представлять только свои собственные идеи и чувства, а не идеи и чувства своих избирателей, которые бесконечно изменчивы по любому вопросу. Правительство, навязчивое и произвольное, как и любое другое правительство, потому что его озабоченность директивной ответственностью будет при любом развитии событий, на любой ступени его иерархии толкать его к принятию – всегда, конечно, движимое самой благородной и великодушной целью – положений,

⁵² Здесь видно, что Галлеани явно выступает противником организационной концепции Малатесты или Бакунина.

решений, мер, которым члены, имеющие право голоса, будут подчиняться ради дисциплины, даже если они будут противоречить их мнению и их интересам. Правительство, всепоглощающее, как и любое другое, потому что оно хочет и имеет орган для каждой функции, малополезный или вовсе бесполезный, но через который все должны пройти, с которым все инициативы должны столкнуться, и перед которым все оригинальные и неортодоксальные проекты будут казаться подозрительными, если не откровенно подрывными.

Нужно ли делать то или иное для пропаганды? Для этого существует комитет, который этим займется. Нужно ли срочно сделать то или иное для солидарности? Для чего существует соответствующий комитет, если не для этой цели? Есть ли инициатива, направленная на утверждение или действие? Разве нет комитета, которому поручены эти задачи, и разве вы не должны пройти через него под угрозой отречения, порицания или наказания за недисциплинированность?

Многие, кто работал в какой-либо организации, имели горький случай наблюдать за ее бездеятельностью и небрежностью. В итоге они сомневаются в том, что организация создана для защиты рабочих и поддержки их стремлений, и задаются вопросом, не становится ли она в критический момент препятствием или помехой. Они могут сказать вам, не преувеличиваем ли мы.

Не поможет возражение, что здесь мы имеем дело с анархистами, избранными людьми, которые знают, чего хотят, умеют выбирать свою дорогу и имеют крепкие ноги и силы, чтобы по ней идти. Как и члены всех авангардных партий, анархисты – дети буржуазного общества, несущие на себе его клеймо, и, понятно, что толпы, которые к ним присоединяются, не лучше и ожидают максимального результата от минимальных усилий. Мы были вынуждены пойти на слишком много компромиссов, чтобы быть готовыми стремиться к большему. Когда мы получаем зарплату, когда мы платим за дом, который снимаем, несмотря на наши революционные требования и анархистские устремления, мы признаем и узакониваем самым конкретным и болезненным образом капитал, ренту, прибыль – дань, которую наши эксплуататоры налагают на наш труд и на наш презренный пот.

Компромисс, отказ, предательство! Но другого выхода нет: ярмо на нашей шее и руки связаны.

Но, по возможности, мы должны избегать, сторониться, отвергать компромиссы и отречения. Мы должны быть самими собой, в соответствии со строгим характером, очерченным нашей верой и нашими убеждениями. Это, конечно, не будет хорошим предзнаменованием для либертарного будущего, если мы не сможем действовать самостоятельно, без доверенных лиц и опекунов, которые неотделимы от понятия организации, будь то политическая организация анархистской партии или организация ремесленных и профессиональных союзов.

Глава 6. Организация рабочих

«Вы еще и против рабочих организаций?»

Это не вопрос «за» или «против». Анархистское движение и рабочее движение идут по двум параллельным линиям, а геометрически доказано, что параллели никогда не пересекаются.

Предполагается, что путем опыта, исследований, обучения, размышлений анархист, по крайней мере, пришел к убеждению, что упадок общества в целом и, в частности, нищета, крепостное право и невольное, навязанное невежество трудящихся людей, которые производят все, что дает жизни полноту и великолепие, которыми они никогда не будут наслаждаться, но которым наслаждаются и будут наслаждаться те, кто ни дня не работал нигде) проистекают из примитивной и фундаментальной монополии – из присвоения жадным и хитрым меньшинством земли, полей и рудников и их продуктов; фабрик и кузниц, где продукты земли превращаются в элементы жизни, безопасности и удовольствия; железных дорог и кораблей, доставляющих эти продукты во все части света, чтобы обменять их на другие товары или блестящее золото, которое является инструментом богатства, власти и тирании, безнаказанно осуществляемой привилегированным меньшинством над остальным человечеством. Церковь освящает эту узурпацию как особое божье благословение; государство узаконивает ее в своих парламентах, кодексах, трибуналах, под защитой своих законов, полиции и армии. А лицемерная мораль окружает это воровское присвоение религиозной преданностью.

Анархист осуждает эту монополию, но поскольку простое отрицание бесполезно, он со всей силой бьет по корням проклятого дерева, пытаясь срубить его и уничтожить вместе с его ветвями и плодами: *все принадлежит всем*. Нет больше ни частной собственности на средства производства и обмена, ни каких-либо других институтов, охраняющих несправедливость и неравенство, которые неизбежно вытекают из этой изначальной привилегии.

А поскольку наши добрые мещане, даже те, кто делает вид, что филантропия искупает ростовщичество, никогда не перестанут быть эксплуататорами и не отдадут то, что они несправедливо отняли; анархисты, включая тех, кто ненавидит насилие и кровопролитие, вынуждены прийти к выводу, что экспроприация правящего класса должна быть осуществлена путем насильственной социальной революции. И они посвящают себя этому, стремясь подготовить пролетариат всеми имеющимися в их распоряжении средствами образования, пропаганды и действия.

Не забывайте и не обманывайте себя! Пролетариат все еще остается *массой, а не классом*. Если бы он был классом, если бы у него было ясное, полное сознание своих прав, своей функции, своей силы, то эгалитарная революция ушла бы в прошлое, избавив нас от этих меланхолических и горьких размышлений.

Огромная масса – буржуа *non natione sed moribus* [не по рождению, а по обычаю] – не по происхождению, ибо в ее колыбели ничего не было, а по привычке, суеверию, предрассудкам и по интересу, потому что она чувствует, что ее собственные интересы связаны и зависят от интересов хозяев, которые, таким образом, становятся самим провидением, обеспечивающим работу, зарплату, хлеб, жизнь для отца и детей. А за работу, жизнь и безопасность огромная масса благодарна хозяину, который существовал всегда и будет существовать вечно: да будет благословен он – и да будут

благословенны институты, законы, полицейские, которые защищают и охраняют его.

Иными словами, пока анархист ставит резкий, суровый позитивный диагноз и глубоко вонзает скальпель, чтобы удалить главный источник социального недуга в самом его корне (не скрывая, что лечение будет долгим и болезненным), огромная масса все равно руководствуется опытом. Она не оспаривает собственность и тем более не отвергает ее; она хотела бы только чтобы она была менее жадной. Она не отвергает хозяина; она желает только, чтобы он был лучше. Она не отвергает государство, закон, трибуналы и полицию; она хочет только отеческого государства, справедливых законов и честных судов, более гуманной полиции.

Мы не спорим о том, жадна собственность или нет, хороши или плохи хозяева, отеческое или деспотичное у нас государство, справедливы или несправедливы законы, справедливы или несправедливы суды, милосердна или жестока полиция. Когда мы говорим о собственности, государстве, хозяевах, правительстве, законах, судах и полиции, мы говорим лишь о том, что *не хотим ничего из этого*. И мы со страстью, терпением и верой стремимся к обществу, несовместимому с этими чудовищами. А пока, используя все возможные средства, мы оспариваем и противостоям их произволу и жестокости, нередко жертвуя своей свободой, своим благополучием, даже своими близкими на долгие годы, а иногда и навсегда.

Как видите, мы идем разными дорогами, и вряд ли когда-нибудь встретимся.

* * *

Однако трудовые организации – это факт, они существуют. И даже если их ржавый и слепой консерватизм является препятствием, а зачастую и опасностью, они заслуживают нашего внимания и заботы.

Если мы сталкиваемся с невежественным ребенком, набожной женщиной или тупицей, который не видит или не хочет видеть, мы не реагируем с насмешкой или презрением на незрелость одного, на простоватость другого или на слепоту большинства.

Мы относимся к ним с одинаковой добротой и помогаем им всем с осторожностью, потому что гордимся тем, что открываем блестящий металл, скрытый под грубой и необдуманной внешностью, превращаем примитивное существо в человека, который имеет ценность, как индивидуальную, так и социальную, потому что знаем, что выбранная нами задача слишком важна, чтобы пренебрегать любой энергией, которая может способствовать успеху нашего идеала и, наконец, потому что мы знаем, что наша собственная свобода, безопасность и индивидуальное благополучие были бы шаткими и эфемерными – даже в эгалитарном обществе, – если бы они не находили своей основы и защиты в свободе и благополучии тех, кто нас окружает. Если свобода – это знание, если довольство – это солидарность, то воспитательная работа, которую необходимо вести среди пролетариев, организованных или нет, представляется не только насущной необходимостью, но и тем, что нельзя откладывать.

«Тогда не желаете ли вы вступить в какую-нибудь организацию? Оставаясь вне их, вы не сможете оказывать никакого влияния или действовать».

Конечно! Мы должны вступать в рабочие организации всегда, когда считаем это полезным для нашей борьбы, и везде, где это возможно, под *четко сформулированными клятвами и оговорками*.

Клятва номер один! Как мы были анархистами вне организации, так и останемся анархистами внутри нее. Первая оговорка! Мы никогда не будем входить в руководство, мы всегда будем в оппозиции и никогда не возьмем на себя никакой ответственности за управление профсоюзом.

Для нас это элементарная последовательная позиция.

Твердо установлено, что рабочие организации, как те, которыми руководят сонные консерваторы, так и красные, возглавляемые так называемыми революционными синдикалистами, признают и соглашаются с существующей экономической системой во всех ее проявлениях и отношениях. Они ограничивают свои требования немедленными и частичными улучшениями, высокими зарплатами, сокращением рабочего дня, пенсиями по старости, пособиями по безработице, социальным обеспечением, законами о защите условий труда женщин и детей, фабричными инспекциями и т. д. и т. п... Они являются главной целью, ради которой была создана организация, и ясно, что анархист не может взять на себя ответственность за спонсирование устремлений такого рода. Он знает, что всякое завоевание таких улучшений обманчиво и непоследовательно, так как при увеличении стоимости пищи, аренды и одежды рабочий, как потребитель, будет платить больше за жизнь независимо от того, насколько больше он зарабатывает как производитель. Поэтому ни один наш товарищ не может взять на себя руководство такой организацией или какую-либо роль, подразумевающую солидарность с ее программой или действиями, не отрекаясь от всех своих анархистских и революционных убеждений, не солидаризируясь с реформистскими толпами, на острие копья которых он претендует.

Наше место – в оппозиции, постоянно демонстрируя со всей возможной бдительностью и критичностью тщетность таких целей, бесполезность таких усилий, разочаровывающие результаты; неустанно указывая, напротив, на конкретное и цельное освобождение, которое может быть быстро и легко достигнуто другими путями и другими средствами.

Итоги каждой агитации, каждой профсоюзной борьбы подтвердили бы прозорливость и справедливость нашей критики. Даже если нелегко надеяться, что организация вскоре последует нашим предложениям, все же можно поверить, что более умные и смелые ее члены будут склонны поддержать нашу точку зрения. Они составят ядро, готовое с энтузиазмом сражаться в борьбе будущего, привлекая своих товарищей по работе, чтобы поколебать авторитет профсоюзных лидеров.

«Если вы вступите в организацию с подобными идеями и захотите их придерживаться, то при первой же возможности вам заткнут рот и изгонят как провокатора. В этом вы не так давно имели возможность убедиться»⁵³.

⁵³ Это отсылка к забастовке рабочих-гранитчиков в Барре, штат Вермонт, где итальянские рабочие – радикалы в своем большинстве – одержали столь заметную победу, что их энтузиазм напугал дряблых руководителей Американской федерации труда даже больше, чем боссов отрасли. Настолько, что на съезде AFL, посвященном пересмотру устава, была предложена и одобрена поправка, обязывающая использовать

Вот почему те из наших товарищей, кто берется за столь трудную задачу, должны обладать такими качествами, как серьезность, последовательность, смирение и огромное терпение, которые необходимы, чтобы завоевать сначала симпатию, затем уважение и, наконец, доверие лучших из своих товарищей по работе. Они должны быть на передовой там, где есть опасность; всегда последними в строю, где есть амбиции или личная выгода; они должны быть злейшими противниками, когда сталкиваются со сделками и компромиссами, которые не соответствуют их вере и достоинству как рабочих и революционеров.

И если они потерпят неудачу, если им придется собрать вещи и уйти, сожаления не будет. Они посеяли доброе семя независимости, сознательности и мужества. Об их работе будут вспоминать и ссылаться всякий раз, когда лидеры будут колебаться или маневрировать, когда за тяжелой, бесплодной борьбой последует новая боль и разочарование, когда удача в битве закончится катастрофой из-за отсутствия смелости и самоотречения, которые они всегда практиковали.

Симпатия и доверие, которые выходят за рамки личного, переходят в действие и идеал, который его вдохновляет; симпатия и доверие к революционному действию и анархистскому идеалу; симпатия и доверие, которые в конце концов превратятся в страстное и упорное сотрудничество; разве это не все, что мы можем ожидать от нашей скромной, но искренней работы по пропаганде, образованию и обновлению?

У нас нет никаких догматических притязаний. Мы скромно высказали то, что думаем по спорному вопросу, сознавая, что с ним согласно значительное число товарищей, – и высказали это со всей искренностью, без ненависти и презрения.

Кроме того, ненависть и презрение были бы неуместны, поскольку деятельность, как в рамках рабочей организации, так и без нее, не должна подразумевать ни заслуг, ни недостатков. Каждый должен выбирать способы, средства и поле деятельности, более соответствующие его способностям и предпочтениям⁵⁴. В любом случае, мне не кажется, что этот вопрос включает в себя элементы такого неравенства, чтобы Мерлино предвидел агонию анархизма.

Нам придется искать его в другом месте.

на собраниях профсоюза исключительно английский язык, отказывая иностранцам в праве выражать свои мысли на родном языке. Разумеется, поправка была полностью проигнорирована везде, где члены профсоюза были достаточно сильны, чтобы помешать лидерам говорить на английском.

⁵⁴ В наши дни невозможно, чтобы работники любой профессии оставались независимыми от своего профсоюза. По крайней мере, в Соединенных Штатах те, кто остается независимым, считаются «отщепенцами», даже если их уважают за их способности и уже платят им выше профсоюзной шкалы. Но прежде всего работодатели утверждают, что все их сотрудники состоят в профсоюзе, поэтому они увольняют тех, кто не может предъявить профсоюзную карточку.

Работодатели на собственном опыте убедились, что легче договориться с профсоюзным комитетом, состоящим из умных работников, как правило, хорошо устроенных и ревниво относящихся к своему привилегированному положению, но, в конце концов, все равно уступчивых и продажных, чем ссориться с грубой, изменчивой и беспокойной толпой отдельных людей, у которых нет законных оснований для заключения долгосрочного и удобного соглашения, и которых легче ослепить рассказами их делегатов, чем купить блестящей монетой. На борьбу с ними уйдет слишком много денег, и ссору придется повторять каждый день.

Глава 7. Пропаганда Действием

Я начинаю подозревать, что Мерлино видит в *индивидуальных актах бунта* – бунтах против церкви, против государства, против собственности или морали – и в иконоборцах, которые совершают их, почти всегда теряя свободу или жизнь, – основной источник разногласий и непреодолимое препятствие для сердечного и плодотворного взаимопонимания между различными течениями анархизма.

Если бы это было так, мне было бы очень жаль... по целому ряду причин.

Потому что, если вспомнить пренебрежительное и горькое отношение Мерлино в Париже четверть века назад к «группам интрансигентов» (в них, наряду с негодьями, которые использовали пыл и щедрость некоторых товарищей и, прикрываясь именем анархизма, думали только о том, чтобы накопить деньги для себя, став такими же жадными капиталистами, как и все остальные, можно было найти искренних и мужественных людей, которые работали только над тем, чтобы обеспечить адекватные средства для действия – *пропаганды действием*, как это тогда называлось. Достаточно вспомнить Витторио Пини⁵⁵, который был одним из них); я также помню жест Мерлино (который считался героическим и, конечно, был необычайно мужественным в тот момент белого террора), когда он взял на себя защиту Гаэтано Бреши на его суде в Милане, задачу, которую он выполнил с большим достоинством и решимостью перед публикой, подавленной издевательствами полиции и их шпионов, коварными провокациями прокурора и строгими наставлениями нетерпеливого судьи.

За этот жест мужества, преданности и честности – жест, который должен был быть вдохновлен если не чувством истинной политической и моральной солидарности, то уж точно глубоким и искренним пониманием причин, превративших трагедию в Монце в акт возмездия и расплаты, – я в глубине души испытываю глубочайшую благодарность и восхищение Франческо Саверио Мерлино.

Чистота жертвы Гаэтано Бреши, должно быть, сказала ему нечто такое, от чего он не мог отказаться.

Я бы тоже об этом пожалел, потому что Саверио Мерлино обладает такими обширными познаниями в истории и философии истории, а также в экономике и юриспруденции, что им скорее можно позавидовать, чем сравниться с ними даже среди более осведомленных людей. И поэтому он не может отделить индивидуальный акт восстания от политического климата, в котором он происходит, от причин, отдаленных или близких, сложных в любом случае, которыми он почти фаталистически обусловлен, от особой психологии среды, которую Немезида выбрала для своих целей искупления, возмещения, справедливости, от последствий, от того назидательного воздействия, которое он оказывает на память и опыт каждого.

⁵⁵ Витторио Пини, анархист, сторонник немедленной экспроприации путем прямого действия. Основал вместе с Пармеджани и другими (в Париже примерно в 1887 году) анархистскую группу «Интрансигенты». В 1890 году он был приговорен к высылке на «Острова безопасности» во Французской Гвиане, где и умер в декабре 1903 года. По этому случаю Галлеани опубликовал (в *Cronaca Sovversiva* 16 января 1904 года) «медальон», гласящий: «Его деятельность можно оспаривать, можно не соглашаться с его методами, но никто из тех, кто знал Витторио Пини, никогда не осмелится сказать о нем, что он был вульгарным вором или злоумышленником». О Пини см.: «*La Gazette des Tribunaux*» (Париж, 5-6 ноября 1889); «*Le Revolte*» (ноябрь 1889); «*Le Crapouillot*» (январь 1938, стр. 32-33); J. Maitron: «*Historie du Mouvement Anarchiste en France*» (1830-1914 – Париж 1955 pl77-179); L. Galleani: «*Aneliti e Singulti*» (Newark, NJ 94-96). (G.R.)

Церковь, разумеется, *aborret a sanguine* (отвращается от пролития крови) и предаёт анафеме любую попытку... которая не отвечает её интересам, и поэтому находит блага, индульгенцию и беатификацию для Доминика Гусмана, Клемана и Равайяка, для Драгоннадов и Сен-Бартельми⁵⁶.

Государство видит в каждом, кто нарушает закон, только преступника и, отдавая его на растерзание дюжине фанатиков или мясников, непременно отправляет его к палачу, в тюрьму, в ад, в любом случае.

Традиционно настроенные люди противоречиво кричат: «Человеческая жизнь священна и неприкосновенна, и тот, кто посягает на нее, нарушает божественные и человеческие законы»; в то же время они без малейшего стеснения набивают свои кошельки и животы, обрекая тружеников полей, фабрик и шахт на голод, отчаяние и раннюю смерть, их женщин – на проституцию, а детей – на помойку. Или же они толкают их через границы на чудовищную бойню ради прибыли на фондовом рынке.

Клоуны и заклинатели корыстной политики, еще вчера провозглашавшие мученическую смерть Софьи Перовской и Альберта Парсонса⁵⁷, едва успев вытереть свои непристойные рты, теперь плюют на наших же бунтарей, потому что те внезапно бросили в паутину своих планов и махинаций тушу тирана, которого они проклинали еще накануне. Они проливают крокодиловы слезы по королевской жертве; они сентиментально заявляют, что политические убийства – это глупость, что «когда умирает папа, на его место приходит другой», и что мир без содрогания продолжает идти своим незыблемым путем.

Даже в наших собственных рядах есть недальновидные люди, которые, глядя на немедленные последствия шока и реакционной ярости, вызванной насилием, сомневаются и задаются вопросом, не повредил ли этот мятежный акт, вызвав дикие, неожиданные репрессии и подточив наши и без того скудные свободы, нашей медленной, но упорной и, безусловно, полезной работе по пропаганде, организации и подготовке.

Каковы бы ни были наши доктринальные и тактические разногласия, мы слишком уважаем Ф. С. Мерлино, чтобы отнести его к какой-либо из вышеупомянутых категорий.

⁵⁶ Доминго де Гусман (1170-1221) – основатель Доминиканского ордена и подстрекатель к расправе над религиозными диссидентами Южной Франции. Он был освящен папой Григорием IV. Жак Клеман (1567-1589) – монах-доминиканец, убивший короля Франции Генриха III.

Франсуа Равайяк (1578-1610), еще один монах, убил Генриха IV, другого короля Франции.

Драгоннад: жестокие репрессии по приказу короля Людовика 14 против протестантов Южной Франции.

Сен-Бартелеми: Название, данное народной традицией резне религиозных диссидентов – гугенотов – совершенной в ночь на 24 августа 1572 года. Начатая в Париже по приказу короля Карла IX и его матери, она распространилась по всей Франции.

⁵⁷ Софья Перовская (1853-1881) - русская боевая деятельница революционного кружка, основанного в 1869 году Николаем Чайковским. Она была казнена в Санкт-Петербурге 1 апреля 1881 года во время репрессий, последовавших за смертью царя Александра II.

Альберт Р. Парсонс, редактор чикагской анархистской газеты «The Alarm» и один из Чикагских мучеников, казнен 11 ноября 1887 года вместе с Августом Шписом, Адольфом Фишером и Георгом Энгелем. Луис Лингг, приговоренный вместе с ними, покончил жизнь самоубийством, не позволив палачу убить себя.

Он никогда не хотел и не мог отделить индивидуальный акт восстания от революционного процесса, в котором он является начальной фазой – не эпизодом – и чьи *последующие фазы*, в свою очередь, являются неизбежными последствиями и развитием.

Идеал, одинокое стремление поэтов и философов, воплощается в мученичестве его первых глашатаев и поддерживается кровью верующих. Их жертва, поднятая как священный штандарт, ведет первые героические, но обреченные восстания и торжествует в конце концов революционными подвигами, к всеобщей радости и славе.

Не уходя далеко от дома, разве история последней итальянской революции не дает четкого представления об этом процессе?

Кто первым сказал;

...a l'umile paese

... ai dissueti orecchi

ai pigri cuori, a gli animi giacenti.

Italia! Italia!?...⁵⁸

[... к смиренной стране

... к кротким ушам

к ленивым сердцам, к дремлющим душам.

Италия! Италия!?...]

Был ли это Витторио Альфьери с его стремительным грохотом трагедий? Или Гаэтано Филанджери, который в своей *Декларации прав человека* впервые раскрыл и распространил среди молодежи идею отечества и достоинства гражданина? Или Мельхиорре Джойя, который в конце века, рассуждая о наилучшей форме правления, при которой итальянский народ мог бы жить в свободе и счастье, пришел к выводу, что «...все призывает нас наилучшим образом объединиться под властью одной неделимой республики»?⁵⁹

Нас не касаются эти детали. Но, безусловно, мы находимся на первом этапе революционного процесса, когда у протеста нет других средств выражения, кроме веры и слова.

Наступит второй период: время верующих, когда мысль обретет плоть и действие, и Замбони, Де Роландис, Карафа, Пагано, Чирилло, Луиза Санфеличе, осмеливаясь как на гнев сильных мира сего, так и на апатию масс, обнажат оружие своей веры, облачившись в ореол мученичества, посвященного победе⁶⁰.

Какое кровопролитие! На мрачном фоне страдания и горя рассвет искупления – второй этап революции – и тот весь в крови.

Однако наступает день, когда палач уже не может справиться со своей позорной задачей. Не существует достаточно больших тюрем, чтобы подавить разрастающееся

⁵⁸ Это стихотворение принадлежит Кардуччи, в нем он обращается к Альфьери.

⁵⁹ Предвестники Национальной итальянской революции: Витторио Альфьери (1749-1803) поэт; Гаэтано Филанджери (1752-1788) юрист; Мельхиорре Джойя (1795-1865) историк и философ.

⁶⁰ Патриоты XVIII века, отдавшие свою кровь и жизнь в борьбе со старыми режимами: Луиджи Дзамбони (1772-1795); Джованни Де Роландис (1774-1796); Этторе Карафа (1763-1799); Марио Пагано (1740-1799); Доменико Чирилло (1730-1799); Луиза Монти Санфеличе (казнена в 1800 году после родов - в Неаполе).

восстание подданных. Паллада рушится, армия устраивает заговор, а затем поднимается в Алессандрии, Пинероло, Брешии, Ноле, Палермо. Буря гибели сотрясает мир и потрясает полуостров; она сотрясает Священный союз, который может остановить поток в Троппау, в Лайбахе, в Вероне только ужасом штыков, но это слишком хрупкая преграда против непреодолимого напора восставших в Венеции, Палермо, Риме и Милане в 1848-49-х, которые вкушают радость победы – эфемерную, да – но огромную, чтобы подтолкнуть к последнему отчаянному завоеванию.

Но мы здесь не для того, чтобы писать историю завоевания Италии Пьемонтом... при всем уважении к правам Святого Престола.

Нам достаточно сделать вывод из этой беглой вылазки – которую можно было бы, приложив немного больше усилий и терпения, повторить для любого другого исторического цикла, – что *индивидуальный акт восстания – это неизбежное промежуточное явление между чистым идеалом или теоретическим утверждением и повстанческим движением, которое следует за ним и зажигает факел победоносной революции.*

Необходимый и неизбежный посредник; он таков, каков он есть, таков, каким его делают обстоятельства, сверх всяких наших предпочтений. Можете ли вы отвергнуть или осудить его? С таким же успехом можно отвергнуть удар грома, землетрясение или несчастливый метеор; их можно только терпеть, ибо они происходят от причин, действующих помимо воли и власти человека.

И оно таково, каково оно есть, не только из-за хитросплетения причин, требующих его в определенное время, определенным образом, а не иначе; но и из-за инструмента, призванного его осуществить.

Проплаченные журналисты правящего класса, полиция и ее осведомители, трусливые и реакционные судьи еще могут верить в легенды о заговорах, о жребии, который выбирает оружие революционного акта, мстителя. Но Ф. С. Мерлино достаточно долго прожил среди бомбистов или рядом с ними (разумеется, незагрязненных), чтобы иметь возможность засвидетельствовать, что в большинстве случаев индивидуальный акт восстания становится неожиданностью скорее для товарищей, чем для врагов.

Кто, например, мог подумать, что Микеле Анджиолило⁶¹, спокойный, добрый и нежный, как девочка, мог схватить пистолет и холодно застрелить Кановаса дель Кастильо в Санта-Агуэде, эту грязную и свирепую гиену, которая возобновила и усилила все ужасы святой инквизиции против анархистов в тюрьме Алкала-дель-Валье, хотя их невиновность даже была признана трибуналом? И среди тех, кто близко знал Санте Казерио⁶² как прекрасного юношу, скромного, сдержанного, трезвого в словах и делах, кто мог предвидеть, что однажды, вооруженный грозным ножом, он на одной из улиц Лиона, переполненной обезумевшими вассалами, стремительно

⁶¹ Микеле Анджиолилло, родился в Фоджии в 1871 году, анархист. Чтобы спастись от суровости специальных законов против «преступлений против прессы», в 1895 году он уехал за границу. Через два года из Лондона он отправился в Испанию, где 8 августа 1897 года убил диктатора Кановаса дель Кастильо. Он был арестован и казнен через девять дней, 17 августа 1897 года.

⁶² Санте Казерио из Мотта-Висконти (Милан), где он родился в 1873 году, пекарь по профессии и анархист по убеждениям, был приговорен к тюремному заключению за «анархистскую пропаганду». Чтобы избежать тюремного заключения, он пересек швейцарскую границу, а затем отправился во Францию. 24 июня 1894 года в Лионе он убил Садю Карно, президента Республики. Приговоренный к смерти, он был казнен 16 августа 1894 года.

вскочит и свершит правосудие над Сади Карно, автором *lois scelerates* [антианархистских законов], принятых с целью подавить свободу мысли на пороге двадцатого века?

И почему Кропоткин, который был членом группы Чайковского, породившей самых дерзких иконоборцев, почему Элизе Реклю, который пережил две кровавые бойни и едва спасся от резни Кавеньяка и Галифе, почему они стремились бороться с врагом без передышки, приводить в замешательство его другими способами, другими средствами, на совершенно другом поле?⁶³

Почему те, кто нападает на церковь, собственность, государство, мораль и уничтожает их символы, – почему эти мстители, за редким исключением, почти всегда возникают из сумерек угнетения и страдания, из пролетариата? И, отнюдь не будучи заклеяменными рахитом, идиотизмом или, что еще хуже, вырождением (что порадовало бы полицию, подобную Серниколи⁶⁴, или некоторых мудрецов новой пенологической школы), почему они, из всего пролетарского множества, являются одними из самых нормальных, уравновешенных, образованных и умных?

Это проблема элементарной механики. А поскольку наши читатели разбираются в этой области лучше, чем автор статьи, разобраться в ней будет несложно.

Чтобы нормально функционировать, каждый котел должен иметь манометр, показывающий давление пара, и два необходимых клапана, один из которых регистрирует любое превышение давления, а другой – уровень воды. Избыток тепла может привести к образованию слишком большого количества пара для мощности котла и, соответственно, к опасности взрыва.

Та же опасность может возникнуть при чрезмерном понижении уровня воды, в результате чего стенки котла, расположенные выше уровня воды, раскаляются до такой степени, что неосторожное соприкосновение с водой может привести к взрыву.

Кроме того, когда стенки котла загрязнены (то есть покрыты меловым осадком, который скапливается между водой и стенками котла), это образует корку, которая замедляет нагрев воды, так что, когда металлические стенки раскаляются докрасна, а вода еще гораздо холоднее, малейшая трещина в корке снова создает опасность взрыва. Отсюда необходимость в механизмах безопасности и предупреждения, которые должны держать инженера на чеку: манометры, клапаны уровня воды и выпуска воздуха, подающие и отводящие трубы.

Эпизод необычайной жестокости (в тюрьме Алькала-дель-Валье анархистам, ожидавшим суда, вырывали яички, сдавливали мозг, вставляли клинья между ногтями и плотью), массовая резня безоружной толпы (как это произошло в Милане в мае 1898 года под командованием Бава Беккариса⁶⁵, с целью – теперь это ясно всем – *государ-*

⁶³ Эжен Кавеньяк (1802-1857) – французский генерал, жестоко подавивший июньское восстание 1848 года.

Гастон Александр Огюст Галифе (1830-1909) – французский генерал, ответственный за расправу над Парижской коммуной 1871 года.

⁶⁴ Е. Серниколи, судья враждебных взглядов, автор книги «L'Anarchia e gli Anarchici» (Анархия и анархисты) Ed. Treves. Милан, 1894, 2 тома.

⁶⁵ Фьоренцо Бава Беккари (1831-1924) Генерал королевской итальянской армии, посланный в Милан для подавления народных выступлений в мае 1898 года. Он беспрекословно выполнял свои

ственного переворота), или законное убийство мятежника, даже если известно, что в результате его действий никто не погиб (как в случае с покушением Вайяна⁶⁶ на французский парламент, которое послужило поводом для поступка Казерио), вызывают такое же возмущение, такой же сильный шок у холодного, уравновешенного, опытного ума, как и у чистых умов и примитивных душ. Но с разными результатами! Потому что... потому что котлы разные.

У одного из них все клапаны находятся в полном рабочем состоянии. Ученые, писатели, ораторы и поэты быстро реагируют на шок и сбрасывают огромное давление с помощью выпускных клапанов своей многогранной деятельности. Они противостоят раскатам, которые обрушиваются с Олимпа, когда под угрозой оказывается государственная власть, когда нарушаются корыстные интересы, когда подрывается лицемерная мораль; они бросают страшную ответственность за бунтарский акт обратно в лицо эксплуататорам, которые выжимают последнюю каплю пота и крови из простых людей, в лицо полицейским, которые держат мешок открытым для мошенников, судебным органам, которые снисходительно подмигивают и покровствуют безнаказанности угнетателей, эксплуататоров, коррупционеров. И они мужественно и страстно обличают все это во имя права, справедливости, цивилизации и человечности, на ярких публичных митингах, в неустанных статьях и на всех форумах, изливая на свою аудиторию всю полноту самых благородных чувств, надеясь вызвать энтузиазм и сочувствие к павшему бунтарю, а также глубокую активную солидарность с идеалом, вдохновившим бунтаря.

Они без усталости бьют направо и налево; они работают; они дают волю своим чувствам; они выпускают избыток пара через множество открытых клапанов... давление, опасное на мгновение, возвращается к норме; котел восстанавливает свое дыхание, свой обычный ритм и свою регулярную работу.

Когда за рулем Реклю или Кропоткин, взрыва не будет, за исключением совершенно исключительных обстоятельств.

* * *

Другой... другой, увы! функционирует в совершенно ином состоянии. У него нет ни предохранительных клапанов, ни сливных труб, ни манометра, регистрирующего внезапное давление, которое раздувает его до такой степени, что нарушается ритм, а функционирование и безопасность оказываются под угрозой. И все ее стены облеплены опасными суевериями.

Такова пролетарская душа. И хотя наша пропаганда едва коснулась ее, все же наша критика порочного общественного строя получила глубокое одобрение, подтвержденное их опытом и их рассуждениями: обжоры уходят к беднякам, которые

приказы, вызвав многочисленные жертвы (официально признано 90 погибших), и был публично одобрен и награжден самим королем.

⁶⁶ Огюст Вайан (1861-1894) Французский анархист, бросивший бомбу в Палату депутатов 9 декабря 1893 года и приговоренный к смертной казни, хотя никто от нее не погиб. Приговор был приведен в исполнение 5 февраля 1894 года.

своими руками создают богатство и радость, нет хлеба, нет мира, нет любви, нет будущего! Как это верно! Как ужасно верно!

Таким образом, бедняки, живущие в отчаянии, были глубоко очарованы нашим видением эгалитарного общества, а также надеждой на то, что коалиция (пусть даже временная или случайная) всех пролетарских сил сможет на ежедневной основе отменить злоупотребления, избежать несчастий, сдержать несправедливость и насилие эксплуататоров и угнетателей и начать путь человечества к безопасности, довольству и счастью, которые являются его судьбой. Хотя пролетариату не хватает точного и ясного сознания своей правоты и, более того, той неодолимой силы, которую он мог бы привлечь для защиты своего священного дела, он глубоко верит (и это, возможно, коренится в евангельской идее наказания за зло и награды за добро) в конечное торжество правды и справедливости.

Но, отчасти из-за этого настойчивого евангелизма, а в большей степени из-за тысячелетней покорности, которая веками парализовывала его инициативу и уверенность, пролетариат верит, что революция будет осуществлена какой-то странной, далекой силой, и ее будет двигать загадочный и роковой вес вещей, подрывающий события и людей. В этой вере заложена двусмысленная, почти религиозная смесь благоговения и ужаса.

И смиренные люди ждут ее прихода и всеми силами пытаются его ускорить: «Как хорошо, если когда-нибудь разразится революция»! И к этому дню, к этой революции, которая окончательно разрушит все препятствия, они обращают свои сердца, свою энергию, свою ненависть и свою жажду мести... далеко, очень далеко от мысли, что *мы сами должны начать революцию изнутри себя*, отбросив старые суеверия, эгоизм, самовнушенное невежество, глупое тщеславие и моральные недостатки.

Мы – дети буржуазного режима, наследники всего его вырождения, материально и фактически неспособного сбросить его звериное иго в настоящее время, за исключением немногих, и *мы революционны только тогда и в той мере, в какой мы знаем, как сопротивляться и реагировать против зла, коррупции и насилия нашего окружения*. И когда через опыт мы станем достойны этого дела, мы сможем пробудить в себе ту же потребность в нравственном возвышении и свободе, которая будет распространяться все более широким концентрическим движением, охватывая самые отдаленные от нас группы, подобно эффекту камня, брошенного в пруд.

Революция не может быть совершена одними анархистами, в заранее установленное время и заранее подготовленными движениями; но, если завтра возникнет движение – неважно где – они могут поставить себя на передовой или рядом с ним, с единственной целью указать ему на решающие позиции или решения, и таким образом противодействовать обычным интриганам, которые пользуются доброй волей и жертвами пролетариата для продвижения своих собственных интересов и политической удачи.

Но пролетариат об этом не думает. Разве не заявил много лет назад один великий писатель-анархист, что *революция неизбежна*? Нужно только ждать ее; она стучится в дверь; блестящие объявления говорят, что она будет здесь завтра. Возврат к прошлому невозможен; после стольких лет антирелигиозной пропаганды инквизиция – не более чем печальное воспоминание о прошедшей эпохе; после стольких лет антимилитаристской пропаганды война – лишь бесплодное желание горстки бир-

жевых спекулянтов; после рабочих забастовок, которые, начавшись со скромных границ провинции, захватили целую нацию и даже осмелились создать коалиции международного пролетариата, буржуазия вынуждена проявлять умеренность и благоразумие.

И так далее. Но пока они плывут, полные надежд, к своей счастливой Атлантиде, столкновение оружия на границе, пулеметный залп во рву крепостной башни, вспышка топора на сонном рассвете, торопливый галоп драгун по улицам и площадям под звуки труб и предсмертных хрипов возвращают их в реальность. Инквизиция все еще жива и неумолима, война как никогда безумна, парадоксальна и ужасна, массовые убийства пролетариата происходят повсеместно.

Потрясение трагично, давление невыносимо, а еще невыносимее то, что в разочаровании и поражении, в безвестности отчаяния, со всех сторон сыплются упреки и ругательства.

Разбухшая от потрясения душа озлоблена позорным поражением и живет с пульсирующей болью, которую может смягчить только месть, грандиозная, достойная подражания месть. И месть становится единственной целью, единственным возможным возмещением за муки, терзающие ее каждый день.

Никакая разрядка сил невозможна. Тот, кто потерялся среди книг, кто в детстве был вынужден уйти из школы на завод или в шахту, как он может писать, говорить или надеяться привлечь внимание других?

Где найти бойцов для широкой агитации, если реакция изгнала или посадила их в тюрьму?

У этого старого котла нет выпускного клапана; давление растет, уровень смирения падает; малейшее прикосновение пробивает корку предрассудков и условностей, сдерживавших его, и раздается страшный, смертоносный взрыв.

Разве не так?

Индивидуальный акт восстания – это то, что он есть, вызванный длинным рядом предрасполагающих условий, которые внезапно встретились с немыслимой случайной причиной.

Какое значение имеет отречение?

* * *

«И из этого вы заключаете, что мы должны безоговорочно одобрять любой акт индивидуального бунта, даже отвратительный и вредный, даже акт Дюваля, Равашоля или Лукчени?»⁶⁷.

Давайте быстро проясним одно недоразумение, которое уже много раз прояснялось, но которое время от времени возникает в связи с оговорками и фанатизмом некоторого респектабельного анархизма.

⁶⁷ Франсуа Клавдий Кенигштейн (1859-1892), более известный как Равашоль, был французским анархистом, арестованным за взрывы динамита и экспроприацию. Приговоренный к смерти, он был казнен 11 июля 1892 года.

Луиджи Лукчени, «бастард», убил императрицу Австрии Елизавету в Женеве (Швейцария) 10 сентября 1898 года. Он умер в тюрьме Весковадо в 1910 году. (См.: Дж. Фехми в «Cronaca Sovversiva» 14 сентября 1912 г.).

Речь идет о недоразумении, связанном с революционной экспроприацией, которую другие обычно называют *кражей*, хотя это действительно не соответствует деянию.

Все согласны в одном: в эгалитарном обществе, где все средства производства и обмена являются общей собственностью, а продукты труда имеют только одну цель – обеспечить удовлетворение потребностей каждого, воровство не имеет смысла. Оно невозможно, абсурдно.

Поэтому среди анархистов не существует принципиального вопроса о воровстве.

Когда речь зашла о действии, или тактике, как ее обычно называют, было время, когда некоторые товарищи считали (а некоторые и сейчас считают), что для развития нашей пропаганды, для оснащения авангарда, для его вооружения для действий, для смелого начала атак или для отражения насилия силой оружия необходимы финансовые средства, которые не могут быть предоставлены бедными боевиками, у которых энергии и смелости больше, чем оружия: поэтому они *экспроприировали*, как они говорили, со строгой точностью.

Они брали все, что находили.

Что означает *экспроприация*?

Это значит отнять у кого-то принадлежащие ему вещи или недвижимость, заявив, что он не имеет на них права.

От святого Климента⁶⁸ до Бабефа, Прудона, Бакунина и самых скромных наших товарищей недействительность всех прав собственности никогда не подвергалась сомнению: экспроприация оправдана, если она не заканчивается своей противоположностью – *присвоением*.

Чтобы было понятнее: если Том берет богатство Гарри для собственного удовольствия, мы говорим, что он его присвоил. Собственность, о которой идет речь, лишь сменила своего титульного владельца, но как институт она остается такой же, какой была раньше. Том богатеет, как и Гарри в прошлом, на плечах и труде запряженных рабов.

Ничего не изменилось, и нет никаких причин поздравлять Тома с тем, что он завладел богатством Гарри.

Но предположим, как это недавно произошло, группа революционеров нападает на банк; они обездвигивают охранников, опустошают сейфы и с оружием в руках защищают свое отступление. Затем, завладев им, они передают награбленное в повстанческие комитеты, чтобы те развивали революционное движение в своей общине, обеспечивая необходимые средства для достижения победы.

Вы не одобряете?

Нет, вы не можете не одобрять. Была экспроприация, та самая экспроприация, на которую вы тысячу раз ссылались как на революционную необходимость. Не было присвоения в том смысле, что конфискованное богатство было использовано для восстановления другой частной собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Совсем нет. Мы имеем дело именно с первоначальным, частичным

⁶⁸ Святой Климент, как сообщается, выразил мнение, что: «В доброй справедливости все должно принадлежать всем. Беззаконие сделало частную собственность» (Almanacco Libertario за 1938 год - Ginevra).

актом революционной экспроприации. Помимо материальных выгод для движения, он инициирует, позволяет и поощряет толпу перейти к окончательной экспроприации правящего класса в интересах каждого. Это было нашим желанием и нашей целью.

Как мы можем проклинать, осуждать или отвергать это?

Клеман Дюваль, Витторио Пини, Равашоль никогда не брали себе ни копейки из награбленного, которое досталось им с постоянным риском смерти или пожизненного заключения. Вы можете сказать, что они использовали эти деньги на сомнительные пропагандистские средства и акции, и даже сделать вывод, что их можно было использовать лучше. Но осуждать нельзя.

Мы поддерживаем Северин⁶⁹ и Реклю, которые без всяких оговорок восхваляют мужество, сердце и самоотречение этих погибших бойцов.

Более того, если быть до конца откровенными и завершить эту заметку, мы признаемся, что не можем даже гневаться на мелкого воришку, который, подгоняемый нуждой, тянется к буханке хлеба, селедке или заманчивому ломтику ветчины в витрине.

Еще до того, как Лино Ферриани, королевский прокурор, оправдал этих изгоев с теоретической точки зрения, и до того, как президент Магно, добрый судья, оправдал их, вызвав тревогу и ужас у богачей, немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте⁷⁰ в своих *«Принципах естественного права»* вынес беспристрастный приговор: «Тот, кто не имеет средств к существованию, не обязан признавать и уважать чужую собственность, считая, что принципы общественного договора нарушены в ущерб ему».

Мы согласны с тем, что перед лицом жестокого, подавляющего превосходства врага авангардные меньшинства не могут завоевать уважение и внушить доверие без образцового и прозрачно аскетичного образа жизни. И, опять же, мы согласны с тем, что для того, чтобы избежать некрасивых подозрений в личной материальной выгоде, те, кто провозглашает необходимость окончательной экспроприации и оправдывает частичную экспроприацию в некоторых определенных случаях, должны окружить себя добровольной и вызывающей бедностью, святым страхом перед чужой собственностью. Но чтобы мы подчинились операции Оригена⁷¹ – нет! На данный момент третьего решения не существует. Если мы вынуждены выбирать между частной собственностью и ее сторонниками или против частной собственности и ее посягателей, мы не можем и не будем становиться на сторону первых, и уж точно не мы будем пытаться отменить решения Магно и Фихте. Нет!

⁶⁹ Северин – мадам Северин, как ее называли в Париже на протяжении многих лет, – псевдоним Каролины Реми (1855-1929). Она была писательницей и оратором, которая с самого начала своей карьеры отводила себе роль общественного защитника, выступая в прессе, с общественной трибуны и лицом к лицу с отправителями официального правосудия, всех жертв социальной несправедливости.

⁷⁰ Лино Ферриани (1852-1921). Юрист, социолог, исследователь преступности среди несовершеннолетних.

Иоганн Готлиб Фихте (1762-1814) Немецкий философ, автор *«Науки познания»*, *«Беседы к немецкой нации»* и многих других книг.

⁷¹ Ориген (185-254?) Христианский богослов, который кастрировал себя, чтобы не отвлекаться на сексуальные проблемы.

И тогда... к черту все! Окруженная денежными сейфами, игнорирующая и презирающая страдания мира, буржуазия и ее несчастья ничуть нас не трогают.

Еще несколько слов, прежде чем закрыть эту главу.

Мы не считаем, что существуют бесполезные или вредные акты бунта. Каждый из них, вместе с несчастными случаями, неизбежными при любом насильственном изменении монотонной рутины жизни, имеет глубокие отголоски и долговременные выгоды, которые с избытком компенсируют их.

Поймите нас правильно: мы не ностальгируем ни по ненужной жестокости, ни по вульгарной грубости. Мы бы тоже предпочли, чтобы каждый акт бунта обладал таким чувством меры, чтобы его последствия полностью соответствовали его причинам, не только в меру, но и в срок, придавая ему неотразимый автоматический характер. Тогда каждый поступок красноречиво говорил бы сам за себя, не нуждаясь в глоссах и уточняющих комментариях. Более того, мы хотели бы, чтобы эта неизбежная необходимость приобрела в высшей степени этический – и даже эстетический – характер. Микеле Анджиолилло, напав на Кановаса, подлого организатора инквизиторских мучений в тюрьме Алькала, оказался лицом к лицу с женой последнего. Выпустив из рук револьвер, он снял шляпу и, поклонившись, сказал: «Мадам, простите за причиненное вам горе, но ваш муж был чудовищем, недостойным всякой жалости». В этом жесте Анджиолилло есть что-то благородное и рыцарское, освещающее глубокоую человечность и цивилизованность, вдохновляющие его на восстание. Было бы приятно, если бы подобные чувства всегда присутствовали в наших действиях, ведь анархизм, будучи правдой и добротой, – это, прежде всего, красота.

К сожалению (и мы уже подробно объясняли, почему), индивидуальный акт бунта, в силу внутренних и внешних причин, в силу давления момента, среды и собственной психологии субъекта, не может быть иным, чем он есть, как бы нам этого ни хотелось.

Отсюда следует, что для нас было бы абсурдно и нелепо думать о составлении нового календаря святых, святых социальной революции, как и думать об их смертном осуждении.

Ни один акт восстания не является бесполезным, ни один акт восстания не является вредным.

Философы спокойной жизни могут заявить, например, что поступок Гаэтано Бреши был бессмысленной глупостью, которую сразу же обесмыслил конституционный афоризм: «*Le roi est mort, vive le roi*». Когда умирает один король, коронуется другой, и смерть Умберто I оставляет трон для Витторио Эмануэле III. Вряд ли Гаэтано Бреши не мог предсказать это заранее и лучше, чем эти дешевые продавцы политического здравого смысла. Но после зверской череды пролетарских расправ, после майской резни 1898 года в Милане, после многолетнего заключения, которое, как думал злоеущий монарх, навсегда разгонит революционное движение в Италии, после почестей и наград, которыми это величество одаривало недотеп и негодяев (начиная с Бава Беккари), доказывая тем самым, что король, несмотря на конституционную фикцию, и царствует, и правит, и принимает на себя всю ответственность и риски правления; После того как все перенесли эти репрессии с покорностью, еще более ужасной, чем само безобразие, скромный ткач из Прато один поднялся над всеобщей праздностью и один предстал перед символами столь великого бесчестья. Одним взмахом руки он вернул историю, заблудшую и заторможенную, на путь ее будущего, к ее судьбе. Этот

жест обратился к растерянным массам. В ней говорилось то, что не могут стереть ни молчание, ни равнодушие: «Король, которого вы боитесь, король, выбранный милостью божьей, король, который угнетает вас и проливает кровь, король, который повелевает всеми и не может повелеть никому, король, который судит всех и не может судить никого, король, который есть слава, миф, власть, – такой же человек, как и любой другой, только жалкий мешок с хрупкой плотью и костями. Один выстрел из револьвера может превратить его в мусор, как он поступил с вами, вашими стариками, вашими детьми, как он поступил в Конселиче, в Милане, ради злой прихоти, ради непристойной жажды власти. Ваша зависимость – это позор, от которого вы можете искупиться; ваша преданность недостойна вас и пропадает зря. Встаньте на ноги, рабы, вы, покорные, трусливые рабы, которые могли бы, пожав плечами, освободиться от тысячелетнего ига и достичь вершины свободы».

Не в этом ли смысл трагедии в Монце?

Из пепла у подножия костра на Кампо ди Фьори⁷² Анджолилло собирает традицию свободной мысли и предупреждает, что пылающий рассвет двадцатого века не потерпит ни тени, ни позора инквизиции. Вайян разоблачает тех, кто под анонимной маской системы представительства несет ответственность за те же преступления и эксплуатацию, и режет их непристойные лица. (Король-Солнце, по крайней мере, имел мужество предстать перед своими подданными и Историей с криком: «Государство – это Я!»). Луккени, сам бастард, предупреждает, что священники напрасно пытаются выбросить плоды своих неразделенных любовей. Дюваль, Равашоль, Штельмахер⁷³, все те, кто напал на частную собственность ради революции, показывают, что суверенитет денег не может быть ни столь священным, ни столь завидным, в конце концов, если его каждый день шлепают. Все, все они бичуют трусость, встают против покорности, преподносят урок; они делают дело революции.

Король умирает, и на его место приходит другой. Но царь, поднявший корону с кровью своего отца, учится благоразумию, умеренности, мудрости. Он восстанавливает национальный завет и воздерживается от насилия и жестокости. Достаточно вспомнить, что, открывая новый парламент сразу после покушения Бреши, Саракко не только воздержался от предложения чрезвычайных законов, но и заявил, что анархистской идее следует противостоять цивилизованными дебатами и что в уголовном кодексе достаточно ограничений для незаконной анархистской деятельности. И это, не считая возродившегося мужества простых людей, укрепившегося сознания своей силы и твердой веры в собственное освобождение.

Таким образом! Никакого апологетического фанатизма, который указывал бы на религиозное состояние души, несовместимое с малейшими анархистскими убеждениями, и никаких исступленных диатриб, в которых можно было бы заподозрить оппортунизм, озабоченность или более недостойные чувства.

Спасение всегда заключается в свободном, объективном и добросовестном рассмотрении, в исследовании и объяснении причин, социального контекста эпохи,

⁷² Место в Риме, где в 1600 году был казнен Джордано Бруно.

⁷³ Герман Штельмахер и Антон Каммерер, которых судили в Австрии за убийство нескольких полицейских агентов, были приговорены к смертной казни и казнены соответственно 8 августа и 29 сентября 1884 года.

ближайших и отдаленных последствий событий; это элементы для правильной оценки отдельных актов бунта.

Но все должны понимать, что любая такая свободная экспертиза с использованием разумных критериев не может оставить без внимания тот факт, что первопричиной всех индивидуальных актов восстания является психологический климат, созданный нашей пропагандой в народе.

Думается, нет необходимости указывать, что ни один революционный акт не мыслим там, где бунтарь не чувствует себя окруженным определенной духовностью согласия и широким сознанием, готовым принять его сочувственно.

Когда Бреши вершил правосудие над августейшим и безнаказанным убийцей итальянцев, он чувствовал, что, хотя фанатичный и слабонервный сброд будет потрясен, шокирован и оскандален его поступком, многие другие согласятся с его актом справедливости, и он действовал, веря, что первая искра вызовет более сильное восстание, более сильный пожар.

Но наша ответственность во всех актах восстания более точная, более конкретная и неоспоримая, если наша пропаганда была энергичной, энергичной и оставила глубокий след.

В конце концов, разве не мы открыли первую брешь в преданности верующих установленным властям, в их вассалитете перед королем, в их покорности законам, в их уважении и святом страхе перед кодексами, судебной системой, полицией?

Разве не доказали мы с честной убежденностью и разъедающим упорством тщетность надежд на законные средства сопротивления, прогресса или успеха?

В лагере противников социализма и его политической деятельности, его побед на выборах или в парламенте, его мнимых улучшений в экономических делах разве не нашлось более убежденных безбожников, более язвительных критиков, более неумолимых насмешников, чем мы?

И при всех обстоятельствах, в наших газетах, во всех наших лекциях, на наших собраниях, сотрясаемых пустым желудком или плохо сдерживаемыми страстями, разве не подчеркивали мы тысячу раз, что, поскольку политические и экономические привилегии не имеют никакого основания в справедливости или праве, они могут быть оправданы только своим собственным насилием и нашей трусостью? И что поэтому капитализм и государство не могут противостоять удару рабочих классов, чья правота и сила, вместе взятые, будут надежной гарантией окончательной победы?

Что, вместо того чтобы тратить время на болтовню в городских, провинциальных или национальных советах, в поисках философского камня хорошего закона или хорошего мастера, лучше начать революцию внутри себя и осуществить ее в меру своих сил в частичных экспериментах, где только представится такая возможность и когда у смелой группы наших товарищей хватит убежденности и мужества попробовать?

Какую еще цель преследовали вооруженные группы в Романье в 1874 году, или группы Кафьеро, Малатесты и Степняка в 1877 году?⁷⁴

⁷⁴ Карло Кафьеро (1846-1892). Один из первых итальянских интернационалистов, близкий друг Бакунина, член «Группы Матезе» (1877). Также первый итальянский переводчик «Капитала» Карла Маркса. Степняк – псевдоним русского анархиста Сержа Кравчинского, который участвовал в под-

Теперь мы уже полвека подстрекаем, убеждаем, кричим народу: «Вставайте, бунтуйте, нападайте, экспроприруйте, бейте! Бейте без жалости, ибо наступает момент, когда месть принимает необходимость и величие справедливости и ускоряет свое торжество». После пятидесяти лет внушения страдающим людям необходимости действия, как только плебейский лев наносит первый удар (и, возможно, неловко, потому что он был прикован веками и потерял привычку), и как раз в тот момент, когда мы должны проявить хладнокровие и решимость, нас начинают беспокоить проблемы совести, тревожить угроза реакции, огорчать остатки евангелизма, мучить острая необходимость если не запутаться в Умбо общей морали, то уж точно ослабить контрасты. Слишком часто, особенно в более ответственных кругах, мы спешим принизить, пристыдить акт бунта, а порой даже склонны причислить его к обычным «полицейским подставам».

Ну, а если говорить простыми словами, то *это высшая трусость – отвергать акты бунта, когда мы сами посеяли первое семя и произвели первый бутон, высшая трусость – добавлять свои проклятия к возмущенным воплям проплаченных журналистов, профессиональных скорбящих и злобных головорезов.*

И как за всякую трусость, за эту тоже придется расплачиваться спазмами бессилия и муками покидания дела.

Ф. С. Мерлино должен помнить тот пыл пропаганды и действий, который скрашивал четыре года с 1 мая 1890 года по 24 июня 1894 года. Когда мы выходили утром из своей квартиры, у нас не было ни малейшей уверенности в том, что мы вернемся вечером; аресты производились каждый день, в любой час, за ними следовали судебные процессы и приговоры, а в случае оправдания – изгнание. Но это означало жизнь! И в камерах Мазаса⁷⁵ или в тоске изгнания рано утром мы слышали эхо динамитного взрыва: взорвалась камера судьи с одним из сообщников внутри, и неизвестный автор мятежного поступка принял на себя всю ответственность за свой поступок и с песней шел в объятия «вдовы» [гильотины]. И эта трагическая волна энтузиазма и пылкости, скрашенная самопожертвованием, наполнила всех непреодолимой гордостью. Поэты и литераторы, пораженные этим рвением к обновлению, ежедневно воздавали дань сочувствия и почитания павшим повстанцам, парижская газета «Фигаро», испугавшись, посвятила один из своих специальных номеров «анархистской опасности», а Октав Мирбо⁷⁶ размахивал своим призывом к анархистам воздержаться от голосования из-за непристойных избирательных шоу, документом, который и по сей день не превзойден по ярости мысли и красоте выражения. Это была жизнь!

Сравните тот период с тем, в котором живем мы.

Мы высмеивали, отвергали, проклинали революционное действие, потому что оно выходило за рамки наших канонов, наших ожиданий, этических и эстетических границ, в которые мы хотели его заключить. И мы иссушили источники, из которых оно могло возникнуть, мы перерезали нервы, тревожно тянущиеся к нему, мы пога-

готовке «Группы Матезе», но был арестован до того, как присоединился к группе повстанцев, среди которых были Малатеста и Кафьеро.

⁷⁵ Мазас был парижской тюрьмой, давно снесенной.

⁷⁶ Октав Мирбо (1848-1917). Автор романов, драм, эссе, очарованный в то время логикой, преданностью и мужеством анархистов.

сили любое пламя, которое могло бы его питать. И теперь мы расплачиваемся за это унижением и синяками.

Потому что здесь, в этих слишком частых публичных отречениях, в этих коварных отречениях, о которых шепчутся в определенных кругах, кипящих недоверием и подозрительностью к непокорным и иконоборцам, здесь, в частности, кроется причина атрофии, которая делает нас посмешищем всех реакционных прихотей, всех реакционных зверств.

Естественно!

Те, кто жаждет действий, обнаруживают, что нам очень трудно угодить: «Мы корчим рожи доброму Господу, а вы ворчите! Мы восстаем против государства или его представителей, а вы ворчите; мы восстаем против собственности, а вы хмуритесь и смотрите на свои карманы; мы восстаем против морали, а вы, боясь скандала, отступаете в свою раковину и отлучаете нас! Но не окажете ли вы нам великую услугу, если раз и навсегда расшевелите себя, вы, которые так хорошо знаете, как революция должна делать свои первые шаги, вы, которые держите ее за ниточки и выучили декалог, и... вы, которые никогда не двигаются, даже под плетью?»

Они спорят, а потом бросают нас на произвол судьбы.

Но здесь следует искать внутренние и глубокие причины инертности и упадка, а не какие-либо доктринальные разногласия между организационалистами и индивидуалистами анархизма. Эти разногласия – не многочисленные и не сильные, ничтожные по сравнению с необъятностью задачи и целей – под резким напором опыта и необходимости приведут их к поиску подходящего пути, пути к революции, начальной фазой которой должен быть индивидуальный акт бунта, неотделимый от пропаганды, от умственной подготовки, которая его понимает, интегрирует, ведет к все более и более частым повторениям, через которые коллективные восстания перетекают в социальную революцию.

Таков результат этого презрения к действию.

Глава 8. Анархия будет!

Я не могу ответить на одно из заявлений Мерлино с разбором и широтой, которых требует и которых заслуживает мой оппонент.

Мне очень жаль. Но тот, кому пришлось прожить около десяти лет в маленьком горном городке, имеющем лишь небольшую библиотеку для нужд двенадцати тысяч жителей не менее полудюжины национальностей, имеет в своем распоряжении лишь скудную и отсталую библиографию.

И, не имея возможности обновить или увеличить свою скудную библиотеку за счет скудной компенсации за свой труд (компенсации, подверженной частым затмениям, когда *Cronaca Sovversiva* плывет среди скал дефицита), он может только с беспокойством оспаривать Ф. С. Мерлино – ходячую библиотеку в себе – когда тот заявляет, что «анархизм, который когда-то был таким продуктивным, больше не может вдохновить ни на какие работы заметной научной и политической ценности»; и что «...со времен Кропоткина и Реклю у него не было других превосходных имен».

Реклю, правда, умер, и никто другой не занял его место; но Мерлино, конечно, признает, что люди масштаба Реклю не каждый день скрашивают записи гражданского государства в любой стране.

Тем временем он умер, оставив нам свой последний шедевр «Человек и земля» (*L'Homme et la Terre*) – синтез шестидесяти лет исследований, изучения и размышлений, который надолго станет источником мудрости. Это значит, что добрый Реклю остается в бою, по-прежнему на переднем крае.

Но и Кропоткин, как всегда, жив, энергичен, пылок и плодovit. «Современная наука и анархия», его последняя работа 1903 года, принадлежит вчерашнему дню, но у нас есть все основания утверждать, что у него есть и другие работы, ни в чем не уступающие предыдущим, которые получили столько признания и похвалы в научном мире – несмотря на их фундаментальную гетеродоксальность.

Он тоже остается на передовой, и мне кажется чрезмерным и странным, что Мерлино спешит похоронить их, чтобы сказать, что анархизм больше не имеет превосходных людей и не может больше производить работы, имеющие значительную научную и политическую ценность⁷⁷.

По секрету я хотел бы задать ему вопрос. Когда возникает новое движение – а оно, от своих идеалов до запутанной структуры интересов, отражает, а также подрыывает все социальные отношения, весь моральный, правовой, политический и экономический уклад общества, – возможно ли, чтобы за теоретическим изложением его устремлений, первым шагом в выборе цели и определении путей и средств ее достижения, сразу же последовали всходы целостной философской, научной и литературной структуры системы? Как если бы, например, за первым распространением Евангелий на следующий день последовала «Сумма теологии» святого Фомы Аквинского⁷⁸.

⁷⁷ Современный анархизм также имеет своих «пылких и плодovitых представителей», к примеру, выходящие сегодня работы по анархистской антропологии Дэвида Грэбера, продолжающие научно-политическую традицию Кропоткина и Реклю.

⁷⁸ Святой Фома Аквинский, монах-доминиканец, живший примерно с 1227 по 1274 год, то есть почти через тринадцать веков после рождения предполагаемого основателя христианства и более чем через тысячу лет после написания «Нового Завета».

Разве за ослепительным объявлением обездоленным о совершенно новом мире, совершенно отличном от того, который их мучает, – мире равенства, братства, свободы, довольства и радости – не следует долгая и мучительная ежедневная апостольская работа *in partibus infidelium* [в стране неверующих], против яростного сопротивления, чтобы его эхо докатилось до концов страны или земного шара, вербуя фаланги, которым будут доверены знамена горящей веры, секрет победы?

Это был долгий, долгий путь от простого благовестивого евангелизма на берегах Тивериадского озера до эдикта Константина в 313 году нашей эры – и путь этот пролегал через римские катакомбы. И Христос – если он вообще жил – никогда не появлялся вновь; апостольство было делом скромных, неясных и простодушных рыбаков – как гласит легенда.

Согласен, что Реклю и Кропоткин останутся, вместе с Бакуниным, в первом ряду нашей истории, непревзойденной в этот период. Они были и остаются предвестниками.

Но сколько апостолов они пробудили! Джеймс Гильом, который сейчас с неопровержимыми документами и огромным терпением строит историю Первой международной ассоциации рабочих⁷⁹, – разве он не является в авангарде ярким примером продуктивности и пылкости? А Ансельмо Лоренцо, энергичный, прямой и негибачный, как дуб под гнетом самой дикой реакции? А Франсиско Феррер, только вчера убитый бурбонским свинцом во рвах Монжуика? А Эдвард Карпентер? А Таррида дель Мармоль? А Варлаам Черкезов? А Макс Неттлау, воздвигший самый красивый памятник Бакунину с его полной, документально подтвержденной биографией? Разве это не имена и не люди, которые за мудрость, пропаганду и возвышенность анархистского идеала могут достойно встретить отпор в противоборствующих партиях? Разве не они своей неусыпной бдительностью обеспечивают авангард движения материалом и боеприпасами, необходимыми для смелых атак?⁸⁰

И если учесть, что лучшие мечты, страсти превосходных умов, бесстрашных сердец, героических душ, как и все мечты, улетучились бы, если бы не нашли своего воплощения в энтузиазме, самоотречении и вере смиренных людей, то разве не подготовили члены авангарда, в парадоксальной интенсивности мысли этой великой троицы, хозяина для более великих евхаристий?

Это необычно! Мерлино верит в удачу и триумф анархизма, пока он остается вдохновением пророков, немногих мыслителей, взвешивающих слово в почти недоступном мире метафизики; но он сомневается в его судьбе до такой степени, что предсказывает его агонию, когда его слово станет плотью и кровью через неподкупную веру нескольких миллионов последователей, разбросанных по всем пяти частям света.

По закону физики, как и по опыту истории, интенсивность компенсируется размахом.

⁷⁹ См. его работу «Интернационал: документы и материалы».

⁸⁰ Джеймс Гильом (1844-1916), автор книги «L'Internationale: documents et souvenirs». Ансельмо Лоренцо (1841-1914), Таррида дель Мармоль (1861-1915), Франсиско Феррер (1859-1909). Эдвард Карпентер (1844-1929). Варлаам Черкезов (1846-1925). Макс Неттлау (1865-1944): все интернационалисты и анархисты, важные своими трудами, чувствами и деятельностью.

Мы охотно признаем за Мерлино, что Бакунин, Реклю и Кропоткин остаются непревзойденными, и мы также готовы признать, что у нас никогда больше не будет таких благородных и великих предшественников. Но пусть он, в свою очередь, признает (и он может сделать это без усилий и противоречий), что интенсивность мысли и жизни, свойственная немногим высшим духам, обратно компенсируется большим и более трудолюбивым числом умных, совестливых, преданных и яростных бойцов, которые, хотя и натываются на все ловушки реакции – от бурбонской гарроты до токийской императорской виселицы, – всегда держат оружие, поднимают флаг восстания и пробуждают надежду на освобождение в угнетенных по всему миру.

В книге Кропоткина *«Взаимная помощь»* изложена доктрина, закон солидарности всех живых существ, к вящему изумлению тех, кто настаивает на неправильном толковании Дарвина; Элизе Реклю пишет о чередовании ритма эволюции и революции с той же жесткой синхронностью колебаний маятника; и оба они – язвительные победители в мире науки и мысли. Но насколько сложнее борьба за то, чтобы привить массам то же чувство солидарности и веры в революцию, привить суеверным стадам отрицание бога, чтобы они поверили в себя и стали творцами своей судьбы, добившись этого на основе равенства и свободы. Эта труднейшая задача была по плечу более скромным и пылким пропагандистам идей!

«*Крестьянские речи*» нашего доброго Эррико Малатеста; «Религиозная чума» старого Иоганна Моста; «*Dieu n'existe pas*» Себастьяна Фора, книги, переведенные на двадцать языков и распространяемые среди самых разных людей, – разве это не мысли Бакунина, Реклю и Кропоткина, продолжающие убеждать и пропагандировать? И не являются ли они, по сути, самыми восторженными признаками согласия масс с нашими стремлениями, необходимым путем к любому революционному эксперименту, к любому начальному осуществлению?

Никто из энциклопедистов не вел народ на взятие Бастилии. На заседаниях Конституции, Законодательного собрания и Конвента люди, отменившие кастовые привилегии, бросившие короля Франции под гильотину и написавшие Декларацию прав, были совершенно неизвестны до 14 июля 1789 года. В горниле революции они отличились как чистый металл, из которого возник новый порядок. Никто из них не пользовался плодами начатой ими революции, не поддерживал ее и не вел ее к славному успеху – демонстрация того, что сами события каждого исторического периода выковывают людей для поставленной цели; что если позавчера было время Бакунина, Реклю и Кропоткина, если вчера было время мучеников и апостолов, то сегодня время принадлежит пролетариату, который выполняет свою задачу с пылом и сознательным упорством, что является признаком триумфа, а не симптомом упадка анархизма, как, как ни странно, считает Ф. С. Мерлино.

Странно! У него были бы все основания плакать о конце анархизма, как Иеремия или Кассандра, если бы ствол засох, если бы из работ Бакунина, Реклю и Кропоткина не проросли ни этические ценности, ни революционная деятельность, ни вера. Но если ствол жив, то он во всем не прав. Особенно неправ в том, что не остался верен идеалу, на который потратил столько сил.

* * *

Мы в конце!

Из всех причин, которые привели Ф. С. Мерлино к выводу о неизлечимом истощении и последующей смерти анархизма, ни одна не выдерживает беспристрастного рассмотрения и не сопротивляется добросовестной критике.

1. То, что является существенным в анархизме, не было поглощено социалистическим движением, да и не могло быть, если «...суть анархизма – с точки зрения эволюции мысли и общества – заключается в концепции человека, интеграции его потребностей, его еще не исследованных сил, его общительности, его разнообразных отношений с ближними и с внешним миром, в котором он живет»; если (как сам Ф. С. Мерлино заявил в серьезном и строгом *Journal des Economistes*⁸¹ много лет назад) его моральная интеграция требует «...удовлетворения всех его материальных и моральных потребностей, свободы и несвободы личности»; если «...анархическая система исключает необходимость в правительстве, парламенте, полиции и судебной системе»; если (как сам Мерлино так ясно написал в своем памфлете «*Why We Are Anarchists*»⁸²) «Первым шагом к будущему обществу будет неизбежная революция, неизбежная потому, что правящие классы сдадутся только перед превосходящей силой»; и если анархизм исключает выборы и парламентскую деятельность как средство революции и освобождения, ибо (как писал в свое время Мерлино с нашего полного и искреннего согласия) «рабочие всегда будут обмануты и их обманут на выборах, потому что даже если бы большинство избранных представителей состояло из рабочих, они были бы бессильны что-либо сделать, ибо умные и активные товарищи, будучи избранными, становятся ренегатами и лентяями»; и, наконец, потому, что народ приучается верить, что спасение может прийти только сверху, от правительства, от парламента, и перестает бороться за него».

Такого поглощения не могло произойти, и оно не произошло. Только за последние двадцать лет социалистическое движение вылило на свой социализм достаточно воды, чтобы утопить даже последнюю революционную искру *Коммунистического манифеста* 1848 года и всех последующих работ Маркса и Энгельса. По крайней мере, в теории они предвидели неизбежную насильственную экспроприацию правящего класса и разрушение государства. Теперь социалистическое движение стремится лишь к завоеванию парламента с помощью голосования, к завоеванию правительства (а не государства) с помощью парламента, сотрудничая с радикалами в прошлом, с либералами сегодня, с клерикальными негодьями завтра и потом, поскольку классовая борьба, революция и экспроприация богатства хранятся на чердаке и за семью печатями.

Таким образом, социалистическое движение берет на себя все те средства, которые анархизм отвергает – это неоднократно признавал сам Мерлино, – так что разногласия между этими двумя тенденциями пролетариата переросли во все более глубокий и непримиримый конфликт.

Как может Мерлино утверждать, что социалистическое движение вобрало в себя то, что является существенным в анархизме?

⁸¹ F. S. Merlino: “*L’Internazionale Economica*” (Международная Экономика) Grosseto. Tip. Etruria, 1902.

⁸² F. S. Merlino: “*Perche’ siamo anarchici*” (Почему мы анархисты?) Buenos Aires, Tip. Sociologica, 1900.

Если бы он написал, что с сентября 1892 года (то есть со времени Генуэзского конгресса), изгнав из своего лона всякую революционную тенденцию и посвятив себя завоеванию политической власти, социалистическое движение шаг за шагом поглощалось капиталистическим парламентаризмом, пока не стало чуть более чем передовым его крылом, то Мерлино отдал бы более честную дань истине – и дал бы более трезвую документацию истории пролетарского движения, постоянно подтверждаемую повседневной действительностью.

2. Утопическая часть анархизма была признана таковой и больше не имеет никакой ценности.

Утопическая часть – это, конечно, стремление к обществу без хозяев, без правительства, без закона, без какого-либо принудительного контроля – обществу, функционирующему на основе взаимного согласия и предоставляющему каждому члену свободу пользоваться абсолютной автономией. Верно?

Неужели Мерлино хочет прогуляться с нами рука об руку по работам нашего большого друга, человека столь же скромного, сколь и глубокого, любимого сотрудника Элизы Реклю – Льва Мечникова?

Давай перечитаем вместе, Саверио. У этого очага наша вера стала непоколебимым убеждением. Кто знает, может быть, она зажжет и вашу!

«... в природе, т.е. в области биологических явлений, степень свободы отдельных особей, объединенных в коллективы, может служить мерилom прогресса...»

I. Низший период. Этот период характеризуется преобладанием *подневольных* союзов, основанных на принуждении и устрашении, связанных внешней силой, подобно тому, как это мы наблюдаем в рудиментарных колониях клеток, которые объединены вместе лишь простой внешней механической связью.

II. Переходный период. Этот период характеризуется преобладанием *подчиненных* союзов и группировок, объединенных между собою благодаря социальной дифференциации, разделению труда, доводимого до все большей и большей специализации.

III. Высший период. Этот период является периодом преобладания *свободных* союзов и групп, возникающих в силу свободного договора и объединяющих отдельных людей в силу общности интересов, личных наклонностей и сознательного стремления к солидарности»

Таким образом, происходит непрерывное восхождение от принуждения к автономии.

В истории мы имеем соответствующие явления:

I. Период подневольных объединений. В истории человечества этот период начинается с основания восточных деспотий и обществ, основанных на принуждении, на рабстве всех и на подчинении всех одному лицу, являющемуся как бы символом космического фатализма и обожествляемой силы.

II. Период подчиненных группировок и союзов. Этот период в истории человечества характеризуется преобладанием олигархических и феодальных федераций, известной степенью социальной дифференциации, причем внутри общества происходит интенсивная борьба между отдельными классами, которая иногда выливается в форму экономической конкуренции. Этот период характеризуется также развитием крепостничества и подневольного труда.

III. *Период свободных объединений*. Этот период истории человечества только начинается и принадлежит еще будущему, но наше время уже произнесло его принципы; эти принципы следующие: *Свобода* – т.е. уничтожение всякого принуждения, *Равенство* – уничтожение всех ненормальных и несправедливых социальных и политических делений и привилегий, *Братство* – т.е. солидарная согласованность индивидуальных сил, заменяющая борьбу и разъединение, ведущие к жизненной конкуренции»⁸³

Проще говоря, первой властью был бог на небесах, а инки и фараоны были лишь его наместниками на земле.

Представители бога, которые в любой момент оказываются самыми хитрыми, должны были разделить власть с сильными; и вот после долгой и кровавой борьбы, которая тлела веками, суверенная власть и божественный авторитет ступили на землю и были вложены в императора или в короля, который много позже будет вынужден пойти на очередной компромисс, примиряя в себе милость бога с волей народа... пока это длится.

Великая революция лишила божество всякой власти, которая теперь пустила корни на Земле и нашла свое хранилище и свой скипетр в каждом гражданине.

Остался всего один шаг до той Атлантиды, где, как пророчествовал в былые времена поэт, *каждый имеет в себе свой закон и свою власть, и является своим собственным сувереном*⁸⁴.

И собственность, которая сопровождает и придает характер формам и историческим институтам, через которые мы быстро прошли; собственность, которая была *jus utendi et abutendi* [законом использования и злоупотребления], абсолютным и одиозным римским законом, позволявшим использовать и злоупотреблять своей собственностью, не отвечая ни перед кем; собственность, утратившая большую часть своего первобытного высокомерия, пытающаяся с помощью корыстной филантропии заслужить прощение за свои прошлые эксцессы и злоупотребления, юридически признавшая и принявшая на себя некоторые социальные обязанности (как мы уже описывали в соответствующем месте), – сделает ли когда-нибудь собственность, за которой по пятам идет революция, последний шаг? Станет ли она когда-нибудь социальным инструментом довольства, свободы и счастья для всех?

Когда вся информация в области биологии, истории и экономики сходится к тому, что собственность – это непрерывный и бесконечный прогресс, постоянная эволюция от рабства к свободе, от принуждения к автономии, кто может считать восстание пролетариата и реализацию анархии утопией? Только Джошуа Мерлино – для которого солнце должно остановиться навсегда, зависнув над агонией каждого человека, жаждущего свободы, справедливости и освобождения.

И он остается один!

3. Мы с некоторым успехом показали (если не грешить хвастовством), что *анархизм сейчас и всегда имел превосходных людей*; что он получает свидетельства величай-

⁸³ Лев Мечников, «Цивилизация и Великие исторические реки». Глава вторая «Прогресс в истории». URL: https://www.vir.nw.ru/wp-content/uploads/2018/09/TSivilizatsiya-i-velikie-istoricheskie-reki_filosofiya.pdf (для первого отрывка – стр. 152-153, для второго – стр. 160)

⁸⁴ Этим поэтом стал Габриэле Д'Аннунцио (1863–1938) и его поэма «*La Nave*» (Корабль) — Odi Navali — 1892–93, pag.735–738.

шего интереса и заслуг довольно часто в области науки, о чем свидетельствуют эти значительные работы (помимо уже упомянутых) – «Анархизм» Эльцбахера (судьи суда Холла) и «Anarchia» Этторе Цокколи (высокопоставленного чиновника Департамента народного образования)⁸⁵. И мы также показали, что, даже если бы было верно обратное, было бы произвольно выводить симптомы упадка и истощения анархизма, когда надежды и идеалы его глашатаев стали мыслями и действиями бесчисленных легионов повстанцев по всему миру, которые поднимаются в солидарности через все границы, борясь за свое взаимное и полное освобождение.

4. Никто не отрицает, что между анархистами, которые верят в партийную организацию и предпочитают всем другим средствам систематическую пропаганду и воспитательную работу, и анархистами, которые предпочитают индивидуальную инициативу и, прежде всего, индивидуальное действие, могут быть разногласия, иногда даже яростные разногласия. Но это различие проистекает из недоразумения, которое обязательно прояснится под влиянием опыта и необходимости, хотя оно часто обостряется в пылу соперничества и по существу является поверхностным. Отнюдь не свидетельствуя о распаде, оно указывает на два разных подхода к действию, на различные проявления активности, сознания, энергии, которые в конечном счете будут синтезированы во благо революции и во имя окончательного торжества наших идеалов.

5. Если под прогрессом понимать «... дифференциацию явлений природы, которая в каждой последующей фазе эволюции проявляется все интенсивнее. Серия или ряд явлений считаются «прогрессивным», если каждая из составляющих его последовательных ступеней, воспроизводя отличительные свойства всех предыдущих ступеней, вмещает в себе *еще* какой-либо новый элемент, еще не проявлявшийся в предыдущих фазах и, если при всем том новая стадия в состоянии зародить *еще* новые, способные развиваться изменения в последующих стадиях развития» то никакой другой идеал не соответствует этому закону прогресса более близко, чем анархический идеал.

В области экономики – в отличие от радикальных движений, которые согласны отвергать частную собственность, выступать за коллективное владение средствами производства и обмена, за вознаграждение каждого в соответствии с его способностями и его трудом, – либертарный коммунизм – после того как индивидуальная собственность упразднена, земля и средства производства становятся общей и неделимой собственностью всех – отвергает теорию вознаграждения, даже если бы оно включало в себя весь продукт труда; Он отвергает принцип компенсации как нерациональный, несправедливый и опасный, поскольку он неизбежно порождает власть и тиранию, которые делают буржуазный режим позорным; и вместо этого он предлагает, чтобы каждый член общества, независимо от его способностей или работы, имел право на полное удовлетворение своих потребностей, всех своих потребностей. Такое удовлетворение не только обеспечивает участие каждого человека в производстве в соответствии с его возможностями, но и устраняет опасность вновь попасть в

⁸⁵ Paul Eltzbacher: *Anarchism (L'Anarchisme* — Ed. Giard, Paris, 1923). Ettore Zoccoli: «*L'Anarchia — Gli agitatori, Le idee, I fatti*» — Fratelli Bocca, Milano, 1907.

режим неравенства, власти, беспорядка и насилия, который социальная революция должна была бы отменить.

В политической сфере, в противовес авторитарным целям социалистов, коллективистов или коммунистов, которые из-за предсказуемого экономического неравенства, заложенного в их системах, вынуждены уже сейчас выдвигать принудительную власть, сдерживающую и смягчающую их неравенство, или, по крайней мере, администрацию-государство, управляющую и регулирующую производство, распределение и потребление; Анархизм предлагает вместо этого абсолютный и бесповоротный отказ от правительства и власти в любой форме, а вместо принципа доброго, справедливого, братского правительства провозглашает *безвластие* над индивидом, обладающего внутри себя средствами, правом и силой для самоуправления.

В любом случае, в анархии есть *еще новый элемент*, который еще не был раскрыт на предыдущих этапах, который несет в себе семена новых черт, которые позволят будущим поколениям двигаться к более высоким и просвещенным формам сосуществования и цивилизации. Анархия не претендует на последнее слово, она лишь новая, более просвещенная, более продвинутая и более человеческая ступень на восходящем пути бесконечного будущего.

Анархизм по-прежнему энергичен, напорист, активен, неудержим.

Анархия будет.

Ф. С. Мерлино стоит на полпути, один, или, что еще хуже, в дурной компании колеблющихся. Мерлино, который после многих лет, проведенных с нами смело и неустрашимо, а также с муками, которые являются наградой за смелость и ересь, не смог спасти свою душу от мороза уныния и разочарования.

Это печально! Печально для него и печально для нас. Но его случай не был непредвиденным, не был новым и не был безнадежным. На каждого герольда, падающего на склонах прогресса, встают сотни, доблестных и уверенных, поднимающих штандарт и несущих его высоко и неустрашимо из окопа в окоп, воздвигая его в триумфе над руинами старого мира, осужденного и разумом, и историей, как символ возрождения и освобождения.

Все, что нужно для выполнения этой непреложной задачи, – это упорство: *разжечь в умах пролетариата пламя идеи: зажечь в их сердцах веру в свободу и справедливость: дать в их тревожно протянутые руки факел и топор.*

Чистейшее и благороднейшее возвышение нашего идеала в сердцах народа – это постоянное и неустрашимое воспитание; осторожная, но энергичная подготовка к вооруженному восстанию».

«Программа?»

Цель – возможно, только условие. Но с этим условием: *Анархия будет!*

**Рецензия на книгу Луиджи
Галлеани «Конец Анархизма»**

Карьера Луиджи Галлеани – это парадокс. В первые два десятилетия двадцатого века он был ведущим итальянским анархистом в США, одним из величайших анархистских ораторов своего времени, в одном ряду с Эммой Гольдман и Иоганном Мостом, редактором передового итало-американского анархистского периодического издания *La Cronaca Sovversiva* («Подрывная хроника»), выходившего в течение пятнадцати лет до его подавления американским правительством, и вдохновителем движения, включавшего Сакко и Ванцетти в число своих сторонников.

Тем не менее, Галлеани оказался в забвении. Он практически неизвестен в Соединенных Штатах, за исключением небольшого круга ученых и личных соратников и учеников, ряды которых стремительно редеют. Ему не посвящено ни одной биографии на английском языке, он не упоминается ни в общих историях анархизма Джорджа Вудкока и Джеймса Джолла, ни во всеобъемлющей истории американского анархизма Уильяма Райхерта. Кроме того, его труды оставались непереуслуженными до появления рассматриваемой работы, которая, раскрывая суть его радикальных убеждений, его кредо революционного анархизма, заполняет заметный пробел в литературе об анархизме, доступной английскому читателю, и возвращает крупнейшей фигуре движения его надлежащее историческое место.

Галлеани родился 12 августа 1861 года в пьемонтском городке Верчелли, неподалеку от Турина. Сын родителей из среднего класса, он увлекся анархизмом в позднем подростковом возрасте и, изучая право в Туринском университете, стал откровенным боевиком, чья ненависть к капитализму и правительству будет гореть с неизменной силой до конца его жизни. Однако Галлеани отказался от юридической практики, к которой он относился с презрением, направив свои таланты и энергию на радикальную пропаганду. Под угрозой судебного преследования он укрылся во Франции, откуда был выслан за участие в первомайской демонстрации. Переехав в Швейцарию, он навестил ссыльного французского анархиста и географа Элизе Реклю, которому помогал в подготовке «Всеобщей географии», собирая статистику по Центральной Америке. Он также помогал студентам Женевского университета в организации праздника в честь Хеймаркетских мучеников, которые были повешены в Чикаго в 1887 году, за что был исключен из университета как опасный агитатор. Вернувшись в Италию, Галлеани продолжил свою агитацию, из-за чего у него начались неприятности с полицией. Арестованный по обвинению в заговоре, он провел более пяти лет в тюрьме и ссылке, прежде чем в 1900 году сбежал с острова Пантеллерия у побережья Сицилии.

Галлеани, которому шел сороковой год, начал одиссею, которая привела его в Северную Америку. С помощью Элизе Реклю и других товарищей он сначала добрался до Египта, где прожил большую часть года среди колонии итальянских эмигрантов. Под угрозой экстрадиции он перебрался в Лондон, откуда вскоре отправился в Соединенные Штаты, прибыв туда в октябре 1901 года, спустя всего месяц после убийства президента Мак-Кинли. Поселившись в Патерсоне, штат Нью-Джерси, оплоте иммигрантского анархистского движения, Галлеани стал редактором *La Question Sociale* – «Социальный вопрос», ведущего итальянского анархистского периодического издания в Америке. Едва он успел занять этот пост, как вспыхнула забастовка среди шелковых рабочих Патерсона, и Галлеани, не выдержав антирадикальной истерии, последовавшей за расстрелом Мак-Кинли, бросил все свои силы на их борьбу. В крас-

норечивых и пламенных речах он призывал рабочих начать всеобщую забастовку и тем самым освободиться от капиталистического гнета. Поль Гио, гость из Франции, присутствовал на одной из таких речей. «Я никогда не слышал оратора более сильного, чем Луиджи Галлеани», – писал он впоследствии. «Он обладает удивительным мастерством владения словом, сопровождаемым редкой для популярных трибунов способностью точно и ясно излагать свои мысли. Его голос полон тепла, взгляд живой и пронизательный, жесты необычайно энергичны и безупречны».

Забастовка произошла в июне 1902 года. Произошли столкновения между рабочими и полицией, раздались выстрелы, и Галлеани был ранен в лицо. Обвиненный в подстрекательстве к бунту, он сумел бежать в Канаду. Через некоторое время, оправившись от ран, он тайно пересек границу и укрылся в Барре, штат Вермонт, живя под вымышленным именем среди своих товарищей-анархистов, которые относились к нему с глубокой преданностью. Именно в Барре 6 июня 1903 года Галлеани основал «La Cronaca Sovversiva», рупор своих зажигательных доктрин и одно из самых важных и умело редактируемых периодических изданий в истории анархистского движения. Его влияние, простиравшееся далеко за пределы Соединенных Штатов, ощущалось везде, где собирались итальянские радикалы, от Европы и Северной Африки до Южной Америки и Австралии. Однако в 1906 году во время полемического обмена мнениями с Г. М. Сератти, социалистическим редактором нью-йоркской газеты «Il Proletario», последний раскрыл местонахождение Галлеани (это обвинение также было выдвинуто против английского писателя Уэллса), и Галлеани был взят под стражу. Экстрадированный в Нью-Джерси, он предстал перед судом в Патерсоне в апреле 1907 года за свою роль в забастовке 1902 года. Суд, однако, закончился повешением присяжных (семеро за обвинение, пятеро за оправдание), и Галлеани был отпущен на свободу.

Галлеани вернулся в Барре и возобновил свою пропагандистскую деятельность. В свои сорок с небольшим лет он достиг вершины своих интеллектуальных способностей. В течение следующих сорока лет его пламенное ораторское искусство и блестящее перо привели его к неоспоримому лидерству в итало-американском анархистском движении. Красноречивый оратор, Галлеани обладал звонким, лилейным голосом с тремоло, который завораживал слушателей. Он говорил легко, мощно, спонтанно, а его осанка была такого рода, что его последователи, среди которых были Сакко и Ванцетти, почитали его как своего рода «патриарха» движения, в которое он привлек больше новообращенных, чем любой другой человек. Галлеани был также плодовитым писателем, выпустив сотни статей, эссе и памфлетов, которые достигли десятков, возможно, сотен тысяч читателей на нескольких континентах. Однако он так и не выпустил ни одной полноценной книги: тома, выходящие за его подписью, такие как «Faccia a Faccia coi Nemico, Aneliti e Singulti и Figure e Figure», представляют собой сборники коротких статей, ранее опубликованных в «La Cronaca Sovversiva». В этом отношении он скорее напоминает Иоганна Моста, Эррико Малатесту и Бенджамина Такера (*автора книги «Вместо книги: человек слишком занят, чтобы ее писать»*), чем, скажем, Уильяма Годвина, Пьера-Жозефа Прудона или Петра Кропоткина.

«Конец анархизма?», наиболее полно реализованная работа Галлеани, начиналась как серия статей. В июне 1907 года, вскоре после оправдания Галлеани в Патерсоне,

туринская газета «La Stampa» опубликовала интервью с Франческо Саверио Мерлино, в прошлом известным анархистом, под заголовком «Конец анархизма». Мерлино, как и Галлеани, получил юридическое образование, жил в Соединенных Штатах и основал важный итало-американский журнал «Grido degli Oppressi» («Крик угнетенных»), который выходил в Нью-Йорке с 1892 по 1894 год. Однако, в отличие от Галлеани, Мерлино отказался от анархизма в 1897 году, присоединившись к социалистическому движению. В интервью газете «La Stampa» Мерлино назвал анархизм устаревшей доктриной, раздираемой внутренними спорами, лишенной первоклассных теоретиков и обреченной на скорое вымирание. Галлеани был в ярости. «Конец анархизма?» – спросил он в газете «La Cronaca Sovversiva», добавив знак вопроса к названию интервью Мерлино. Все было как раз наоборот. В эпоху растущей политической и экономической централизации анархизм был актуален как никогда. Отнюдь не застывший, «он живет, он развивается, он идет вперед».

Таков был ответ Галлеани Мерлино, изложенный в серии статей в «Cronaca Sovversiva» с 17 августа 1907 года по 25 января 1908 года. Сочетая дух штирнеровского бунтарства с кропоткинским принципом взаимопомощи, Галлеани выступил с энергичной защитой коммунистического анархизма против социализма и реформ, проповедуя достоинства спонтанности и разнообразия, автономии и независимости, самоопределения и прямого действия в мире растущей стандартизации и конформизма. Революционный фанатик, он не допускал никаких компромиссов с ликвидацией как капитализма, так и правительства. Ничто иное, как чистая зачистка буржуазного строя с его неравенством и несправедливостью, порабощением и деградацией трудящихся, не могло удовлетворить его жажду тысячелетия.

Галлеани опубликовал десять статей в ответ Мерлино. Он намеревался написать еще, но повседневная работа в движении – редактирование «La Cronaca Sovversiva», организация собраний, выпуск брошюр, лекционные туры от побережья до побережья – не позволила ему этого сделать. В 1912 году он перевел «La Cronaca Sovversiva» из Барре в Линн, штат Массачусетс, где у него появились преданные поклонники.

Когда в 1914 году началась Первая мировая война, он, в отличие от Кропоткина, выступил против нее со всей силой и красноречием, которыми обладал, осудив ее в газете «La Cronaca Sovversiva» под часто повторяемым лозунгом: «Contro la guerra, contro la pace, per la rivoluzione sociale!» (Против войны, против мира, за социальную революцию!). После вступления Америки в конфликт в апреле 1917 года Галлеани стал объектом преследования. Его газета была закрыта, а сам он был арестован по обвинению в препятствовании военным действиям. 24 июня 1919 года он был депортирован в родную Италию, оставив жену и четверых детей.

В Турине Галлеани возобновил публикацию «La Cronaca Sovversiva». Однако, как и в Америке, она была подавлена властями. После прихода к власти Муссолини в 1922 году Галлеани был арестован, судим и осужден по обвинению в мятеже и приговорен к четырнадцати месяцам тюрьмы, где его здоровье стало ухудшаться. После освобождения он вернулся к своей старой полемике против Мерлино, завершив ее серией статей в «L'Adunata dei Refrattari» («Зов бунтовщиков»), журнале его сторонников в Америке, которые издали ее в 1925 году в виде брошюры. Малатеста, чья концепция анархизма резко расходилась с концепцией Галлеани, приветствовал эту работу как

«ясное, спокойное, красноречивое» изложение коммунистического-анархистского учения.

В настоящем английском издании она занимает место рядом с «Краткой системой анархизма» самого Малатесты, «Азбукой анархизма» Александра Беркмана и «Об анархизме» Николаса Уэйтера как классическое изложение темы.

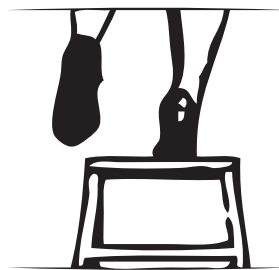
В наш век халтурной продукции приятно рецензировать работу столь заметно-го эстетического качества. Помимо красивой обложки, выполненной Флавио Костантини, знаменитым итальянским писателем-анархистом, книга привлекательно оформлена и напечатана, а на фронтисписе помещен рисунок Галлеани, сделанный Бартоло Прово на основе известной фотографии. Перевод Макса Сартина, многолетнего редактора «L'Adunata dei Refrattari» и соратника Галлеани, и Роберта Д'Аттилио, специалиста по итало-американскому анархизму, удобен для чтения и точен. Имеется ряд типографских и фактических ошибок, особенно в примечаниях, но они, к сожалению, не снижают общей ценности книги.

Публикация издания «L'Adunata» этой работы в 1925 году не расположила Галлеани к правительству Муссолини. Арестованный в ноябре 1926 года, Галлеани был заключен в ту же камеру, в которой он провел три месяца в 1892 году, и нашел ее «такой же грязной и уродливой», как и раньше. Вскоре после этого он был сослан на остров Липари у сицилийского побережья, откуда его позже перевезли в Мессину и приговорили к шести месяцам тюрьмы за оскорбление Муссолини. В феврале 1930 г. Галлеани, у которого ухудшилось здоровье, было разрешено вернуться на материк. Поселившись в горной деревушке Каприльола, он оставался под наблюдением полиции, которая редко отходила от его двери и следила за ним даже во время его уединенных прогулок по окрестностям. Возвращаясь с ежедневной прогулки, 4 ноября 1931 года Галлеани упал в обморок и умер. Его анархизм до самого конца горел неугасимым пламенем. С надеждой глядя в будущее, несмотря на горький опыт, он оставался верен идеалу, вдохновлявшему его всю жизнь, и был убежден, что свобода в конце концов одержит победу над тиранией и угнетением.

Пол Эврич

Первая публикация в Black Rose # 10 (Зима 1983)

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Луиджи Галлеани
Конец Анархизма?
1925

Переведено <https://theanarchistlibrary.org/library/luigi-galleani-the-end-of-anarchism>

ru.anarchistlibraries.net